

Свярге. Слишком банальная история. Стокгольм занимает одно из первых мест в мире по числу самоубийств, но об этом стараются не говорить, а когда уж очень прижмет, выкручиваются с помощью подтасованной и лживой статистики, ссылаясь на то, что в других странах со статистикой ловчат куда больше. Правда, в последние годы даже члены правительства не решаются официально прибегать к этому трюку. Должно быть, уразумели, что люди больше доверяют собственным глазам, чем уверткам политиканов.

Ну а если это не самоубийство, то и вовсе ни к чему шум поднимать... Дело в том, что так называемое общество всеобщего благоденствия изобилует больными, нищими и одинокими людьми, которые в лучшем случае питаются собачьим кормом и чахнут в крысиных норах, громко именуемых жилищами.

Нет, эта история явно не для широкой публики. Да и полиции вроде бы делать нечего. Если бы повесть о пенсионере Карле Эдвине Свярге этим исчерпывалась. Однако у нее было продолжение.

VI

Мартин Бек был старый служака и хорошо знал: если в сводке не сходятся концы с концами, в девяносто девяти случаях из ста причина заключается в том, что кто-то работал спустя рукава, совершил ошибку, небрежно оформил протокол, не уловил сути дела или попросту не умеет вразумительно излагать свои мысли.

Вторая часть истории о покойнике в доме на Бергсгатам заставила Мартина Бека насторожиться.

Поначалу все шло как положено. В воскресенье вечером тело увезли. В понедельник в квартире произвели дезинфекцию; и в тот же день сотрудники полиции оформили надлежащий протокол.

Вскрытие было произведено во вторник; заключение поступило в полицейское управление на следующий день.

Исследовать старый труп отнюдь не интересно, особенно когда знаешь заранее, что человек скончался с собой или умер естественной смертью. А если он к тому же не занимал видного места в обществе, скажем, был всего-навсего скромным пенсионером, бывшим складским рабочим, в таком деле и подавно нет ничего интересного.

Подпись на протоколе вскрытия была незнакома Мартину Беку — скорее всего какой-нибудь временный работник... Текст пестрил учеными словами, и разобраться в нем было непросто.

Возможно, оттого и дело продвигалось не слишком быстро. Ибо в отдел насильственных преступлений, к Эйнару Рённу, документы, судя по всему, попали только через неделю. И только там, похоже, произвели надлежащее впечатление.

Мартин Бек пододвинул к себе телефон, чтобы впервые за много месяцев набрать служебный номер. Поднял трубку, положил правую руку на диск и задумался.

Он забыл номер судебно-медицинской амбулатории. Пришлось заглянуть в справочник.

— Ну, конечно, помню. — В голосе эксперта (это была женщина) звучало удивление. — Заключение отправлено нами две недели назад.

— Знаю.

— Там что-нибудь неясно?

— Просто мне тут кое-что не совсем понятно...

— Непонятно? Как так?

— Кажется, она оскорблена?

— Согласно вашему протоколу исследуемый покончил с собой.

— Совершенно верно.

— Каким способом?

— Разве это не вытекает из заключения? Или я написала так невразумительно?..

— Что вы, что вы.

— Так чего же вы тогда не поняли?

— По чести говоря, довольно много. Но виновато, разумеется, мое собственное невежество.

— Вы подразумеваете терминологию?

— И ее тоже.

— Ну, такого рода трудности неизбежны, если у вас нет медицинского образования, — утешила она его.

Высокий звонкий голос — должно быть, совсем молодая.

Мартин Бек промолчал. Ему следовало бы сказать: «Послушайте, милая девушка, это заключение предназначено не для патологоанатомов. Запрос поступил из полиции, значит, надо писать так, чтобы любой оперативный работник мог разобраться».

Врач перебила его размышления:

— Алло, вы слушаете?

— Да-да, слушаю.

— У вас есть еще какие-нибудь вопросы?

— Да. Прежде всего хотелось бы знать, на чем основана ваша гипотеза о самоубийстве.

— Уважаемый господин комиссар, — ответила она озадаченно, — тело было доставлено нам полицией. Перед тем как вскрывать, я разговаривала по телефону с сотрудником, который, насколько я понимаю, отвечал за дознание. Он сказал, что случай рядовой и ему нужен только ответ на один вопрос.

— Какой же?

— Идет ли речь о самоубийстве.

Мартин Бек сердито потер костяшками пальцев грудь.

Допущена элементарная ошибка. Вскрытие должно производиться совершенно объективно. Наводить на версию судебного врача — почитай, что должностное преступление, особенно когда патологоанатом, как в данном случае, молод и неопытен.

— Вы запомнили фамилию сотрудника, который говорил с вами?

— Следователь Альдор Гюставссон. Он произвел на меня впечатление опытного и сведущего человека.

Мартин Бек не имел никакого представления о следователе Альдоре Гюставссоне и его профессиональных качествах.

— Итак, полиция дала вам определенные установки? — спросил он.

— Во всяком случае, мне дали ясно понять, что подозревается суицидум. Разрешите напомнить, что суицидум означает «самоубийство».

Мартин Бек оставил эту шпильку без ответа.

— Вскрытие было сопряжено с трудностями? — осведомился он.

— Да нет. Если не считать обширных органических изменений. Это всегда накладывает свой отпечаток.

Интересно, много ли самостоятельных вскрытий на ее счету?

— Процедура долго длилась?

— Нет, недолго. Поскольку речь шла о самоубийстве или остром заболевании, я начала со вскрытия торакса.

— Почему?

— Покойный был пожилой человек. При скорострительной смерти естественно предположить или самоубийство, или инфаркт.

— Откуда вы взяли, что смерть была скорострительной?

— Ваш сотрудник намекнул на это.

— Как намекнул?

— Сказал, что старичок либо покончил с собой, либо его хватил удар.

Еще одна вопиющая ошибка. В деле нет никаких данных,

исключающих возможность того, что Свард перед смертью несколько суток пролежал парализованный или обесиленный.

— Ну хорошо, вы вскрыли грудную клетку.

— Да. И сразу получила ответ.

— Самоубийство?

— Вот именно.

— Каким способом?

— Свард выстрелил себе в сердце. Пуля осталась в тораксе.

— Он попал в самое сердце?

— Почти. Все решило повреждение аорты. — Она помолчала. Потом спросила не без яда: — Я выражаюсь достаточно понятно?

— Да.

Мартин Бек постарался потщательнее сформулировать следующий вопрос:

— У вас большой опыт работы с огнестрельными ранениями?

— Полагаю, вполне достаточный. К тому же данный случай представляется не таким уж сложным.

Сколько убитых огнестрельным оружием довелось ей вскрывать? Трех? Двоих? А может быть, всего лишь одного?

Словно угадав его невысказанные сомнения, она дала справку: — Я работала в Иордании во время гражданской войны два года назад. Там хватало огнестрельных ранений.

— Но вряд ли было много самоубийств.

— Это верно.

— Так вот, самоубийцы редко целят в сердце, — объяснил Мартин Бек. — Большинство стреляют себе в рот, некоторые — в висок. Как вы считаете, сколько мог прожить Свард с таким ранением?

— Очень мало. Минуту, от силы две или три. Внутреннее кровоизлияние было обширным. Это играет какую-нибудь роль?

— Может быть, и не играет. Но меня интересует еще один вопрос. Вы исследовали останки двадцатого июня?

— Да, двадцатого.

— Как, по-вашему, сколько дней прошло тогда с его смерти?

— Ну, как вам сказать...

— В заключении этот пункт сформулирован не совсем четко.

— Это довольно затруднительный вопрос. Возможно, более опытный патологоанатом смог бы ответить точнее.

— А вы-то как считаете?

— Не меньше двух месяцев, но...

— Но?

— Все зависит от условий в помещении. Температура и влажность воздуха играют большую роль. Например, если было жарко, срок мог быть и меньше. С другой стороны, как я уже говорила, процесс разложения был достаточно обширным...

— Что вы скажете о входном отверстии?

— На этот вопрос тоже трудно ответить по той же причине.

— Выстрел произведен в упор?

— По-моему, нет. Но учтите, что я могу ошибаться.

— И все-таки вы как считаете?

— По-моему, он застрелился другим способом. Если не ошибаюсь, известно два основных способа?

— Совершенно верно, — подтвердил Мартин Бек.

— Либо дуло приставляют вплотную к телу и спускают курок. Либо держат пистолет или другое оружие в вытянутой руке, дулом к себе. В этом случае, насколько я понимаю, курок спускают большим пальцем?

— Верно. И вы склоняетесь к этой версии?

— Да. Конечно, это не окончательный вывод. Когда ткани так изменены, трудно определить, произведен ли выстрел в упор.

— Понятно.

— Зато мне непонятно, — произнесла девушка. — Неужели вам так важно знать, когда именно он застрелился?

— Похоже, что да. Сварда обнаружили мертвым в его квартире, окна и двери были заперты изнутри, он лежал рядом с электрокаминном.

— Вот вам и причина разложения, — оживилась она. — Тогда достаточно было и месяца.

— Правда?

— Ну да. Оттого и трудно определить, был ли выстрел произведен в упор.

— Ясно, — сказал Мартин Бек. — Благодарю за помощь.

— Что вы, не за что. Звоните, если что-нибудь еще будет непонятно.

— До свидания.

Он положил трубку.

Здорово она все объясняет. Этак скоро лишь один вопрос останется невыясненным.

Правда, вопрос весьма заковыристый.

Свард не мог покончить с собой.

Как-никак, чтобы застрелиться, надо иметь чем.

А в квартире на Бергсгата не было обнаружено огнестрельного оружия.

VII

Мартин Бек снова взялся за трубку телефона.

Надо было разыскать полицейских из патрульной машины, которая выезжала на Бергсгата. Немало времени ушло на то, чтобы выяснить, что один из них в отпуске, а другого вызвали в суд свидетелем по какому-то делу.

В конце концов Мартин Бек отыскал того следователя, который переправил дело из участка в уголовную полицию. Однако долго он раскачивался — только в понедельник двадцать седьмого оформил справку... Мартин Бек посчитал нужным осведомиться:

— Это верно, что заключение судебного врача поступило к вам еще в среду?

— Ей-богу, точно не знаю. — В голосе следователя сквозила неуверенность. — Во всяком случае, я прочитал его только в пятницу.

И так как Мартин Бек молча ждал объяснения, он продолжал:

— В нашем участке только половина людей на месте. Еле-еле управляемся с самыми неотложными делами. А бумаги все копятся.

— Значит, до пятницы никто не знакомился с протоколом?

— Почему же, начальник оперативного отдела смотрел. В пятницу утром он и спросил меня, у кого пистолет.

— Какой пистолет?

— Которым застрелился Свард. Сам я пистолета не видел, но решил, что кто-то из полицейских, которые первыми приехали по вызову, обнаружил оружие.

— Передо мной лежит их донесение, — сказал Мартин Бек. — Если в квартире находилось огнестрельное оружие, они обязаны были упомянуть об этом.

— Я не вижу никаких ошибок в действиях нашего патруля.

Старается выгородить своих людей... Что ж, его нетрудно понять. За последние годы полицию критикуют все острее, отношения с общественностью резко ухудшились, а нагрузка почти удвоилась. В итоге люди пачками увольняются из полиции, причем уходят, как правило, лучшие. И хотя в стране растет безработица, полноценную замену найти невозможно. А кто остался, горой стоят друг за друга.

— Допустим, — сказал Мартин Бек.

— Ребята действовали правильно. Как только они проникли в квартиру и обнаружили

покойника, они вызвали следователя.

— Вы имеете в виду Гюставссона?

— Совершенно верно. Он из уголовной полиции, ему положено делать выводы и докладывать обо всем, что замечено. Я решил, что они обратили его внимание на пистолет, и он его забрал.

— И умолчал об этом в своем донесении?

— Всякое бывает, — сухо заметил сотрудник.

— Так вот, похоже, что в комнате вовсе не было оружия.

— Да, похоже. Но я узнал об этом только в прошлый понедельник, когда разговаривал с Кристианссоном и Квастму. И сразу переслал все бумаги на Кунгсхольмсгатан.

Полицейский участок и уголовная полиция находились в одном и том же квартале, и Мартин Бек позволил себе заметить:

— Не такое уж большое расстояние.

— Мы действовали как положено, — отпарировал следователь.

— По правде говоря, меня больше интересует вопрос о Сварде, чем о промахах той или иной стороны.

— Если кто-нибудь допустил промах, то уж, во всяком случае, не полиция.

Намек был достаточно прозрачный, и Мартин Бек предпочел закончить разговор.

— Благодарю за помощь, — сказал он. — Всего доброго.

Подумав с минуту, он набрал номер Гюставссона.

— Ах, это дело, — вспомнил тот. — Да, непонятная история. Что поделаешь, бывает.

— Что бывает?

— Непонятные случаи, загадки, которых просто нельзя решить. Безнадёжное дело, сразу видно.

— Я попрошу вас прибыть сюда.

— Сейчас? На Вестберга?

— Вот именно.

— К сожалению, это невозможно.

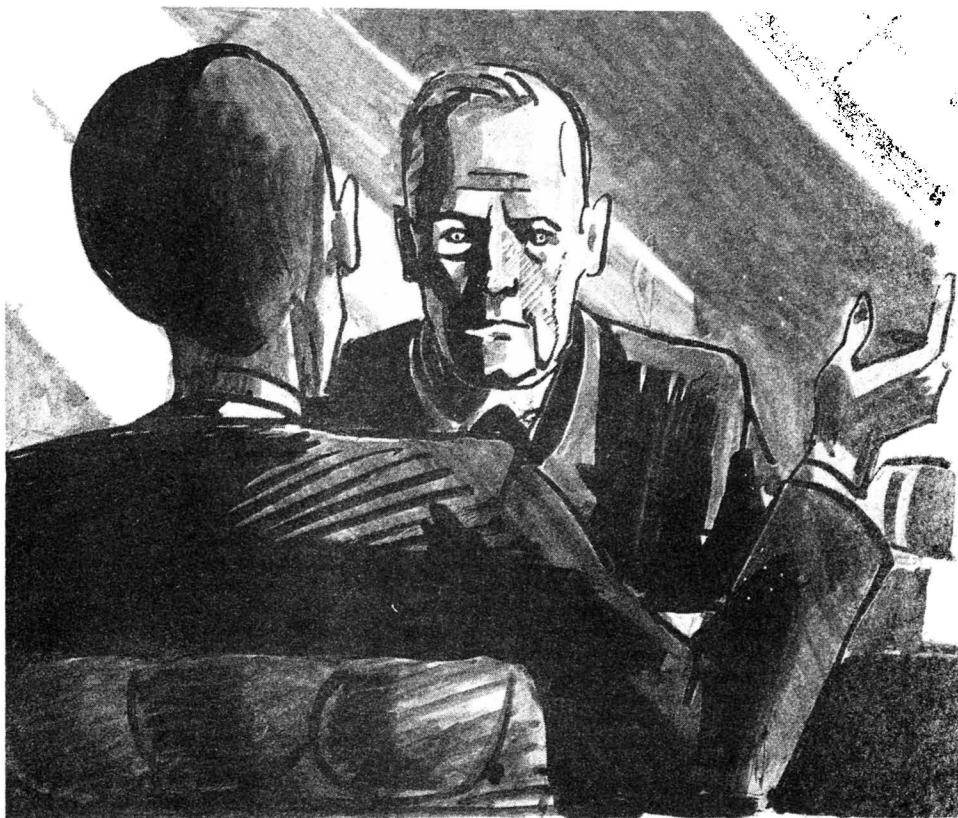
— Сомневаюсь. — Мартин Бек посмотрел на часы. — Скажем, к половине четвертого.

— Но я никак не могу...

— К половине четвертого, — повторил Мартин Бек и положил трубку.

Он встал и начал прохаживаться по комнате, заложив руки за спину.

Все правильно. Так уж повелось последние пять лет, все чаще приходится для начала выяснять, как действовала полиция.

И нередко это оказывается труднее, чем разобраться в самом деле.

Альдор Гюставссон явился в пять минут пятого.

Фамилия Гюставссон ничего не сказала Мартину Беку, но лицо было знакомо. Худощавый брюнет лет тридцати, поведение развязное и вызывающее. Мартин Бек вспомнил, что ему случалось видеть его в дежурке уголовной полиции и в других, не столь знаменитых местах.

— Прошу сесть.

Гюставссон уселся в самом удобном кресле, положил ногу на ногу и достал сигару. Закурил и сказал:

— Муторное дельце, верно? Ну, какие будут вопросы?

Мартин Бек молча pokrutil между пальцами шариковую ручку, потом спросил:

— Когда вы прибыли на Бергсгатан?

— Вечером, что-нибудь около десяти.

— И что вы увидели?

— Жуть. И запах паскудный...

— Где находились полицейские?

— Один стоял на посту у дверей. Второй сидел в патрульной машине.

— Они все время держали дверь под наблюдением?

— Сказали, что все время.

— Ну и что вы... что ты принял?

— Как что — вошел и посмотрел. Картина, конечно, была жуткая. Но ведь проверить-то надо, вдруг дело нечистое.

— Но ты пришел к другому выводу?

— Ну да. Дело ясное, как апельсин. Дверь была заперта изнутри на кучу замков и задвижек. Ребята еле-еле взломали ее. И окно заперто, и штора спущена.

— Окно по-прежнему было закрыто?

— Нет. Они сразу открыли его, как вошли. А иначе пришлось бы противогаз надевать.

— Сколько ты там пробыл?

— Недолго. Ровно столько, сколько понадобилось, чтобы убедиться, что уголовной полиции тут делать нечего. Картина четкая, либо самоубийство, либо естественная смерть, а этим полиция занимается.

Мартин Бек полистал донесение.

— Я не вижу описи изъятых предметов.

— Правда? Выходит, забыли. Да только что там описывать? Баракла-то почти не было. Стол, стул, кровать, да на кухне разная дребедень, вот и все.

— Но ты произвел осмотр?
— Конечно. Все осмотрел, только потом дал разрешение.

— Какое?

— Чего — какое? Не понял.

— Какое разрешение ты дал?

— Останки увозить, какое же еще. Старичка ведь надо было вскрывать. Даже если он своей смертью помер, все равно есть такое правило.

— Ты можешь изложить свои наблюдения?

— Запросто. Труп лежал в трех метрах от окна. Примерно.

— Примерно?

— Я не взял с собой рулетки. Месяца два пролежал, должен быть, совсем сгнил. В комнате было два стула, стол и кровать.

— Два стула?

— Ага.

— Ты только что сказал — один.

— Правда? Нет, кажется, все-таки два. Так, еще полка с книгами и старыми газетами. Ну и на кухне две-три кастрюли, кофейник и все такое прочее.

— Все такое прочее?

— Ножи там, вилки, консервный нож, мусорное ведро...

— Понятно. На полу что-нибудь лежало?

— Ничего, не считая покойника. Полицейские тоже ничего не нашли, я спрашивал.

— В квартиру еще кто-нибудь заходил?

— Нет, ребята сказали, что никто не заходил. Только я да они. Потом приехали рабочие с фургоном и увезли труп в полиэтиленовом мешке.

— И причина смерти Сварда уже установлена?

— Ага, вот именно. Застрелился. Уму непостижимо! Куда же он пушку-то дел?

— У тебя есть какие-нибудь предположения на этот счет?

— Ноль целых. Дурацкий случай. Этого дела не раскрыть, я точно говорю. Редко, но бывает.

— А полицейские что сказали?

— Да ничего. Что они могут сказать — обнаружили труп, убедились, что все было заперто, больше ничего. Если бы в квартире пушка была, неужели мы не нашли бы ее. Да и где ей быть, если не на полу рядом с покойником.

— Ты выяснил личность покойника?

— А как же. Фамилия — Свард, на двери написано. С одного взгляда видно, что за человек.

— Ну-ну?

— Простейший алкаш, надо думать. Такие частенько кончают с собой. Или упиваются до смер-

ти, или с инфарктом на тот свет отправляются.

— Больше ничего существенно-го не добавишь?

— Все. Это такая головоломка... Загадочный случай. Тут даже ты не справишься, помани мое слово. Да и будто нету дел поважнее.

— Возможно.

— Как пить дать. Мне можно сматываться?

— Погоди, — ответил Мартин Бек.

— У меня все. — Альдор Гюставссон ткнул сигару в пепельницу.

Мартин Бек встал и подошел к окну.

— Зато у меня не все, — заметил он, стоя спиной к собеседнику.

— А что такое?

— Сейчас услышишь. Например, на прошлой неделе на место происшествия выезжал специалист по криминалистической технике. Большинство следов уничтожено, но на ковре сразу были обнаружены пятна крови, одно большое и два поменьше. Ты видел пятна крови?

— Нет. Да я их и не искал.

— Это чувствуется. А чего же ты искал?

— Да ничего. Ведь все и так было ясно.

— Если ты не заметил крови, мог и другие вещи пропустить.

— Во всяком случае, огнестрельного оружия там не было.

— Ты обратил внимание, как был одет покойный?

— Не так чтобы очень. И ведь труп весь сгнил уже. Что на нем могло быть, тряпье какое-нибудь. И вообще, я не вижу, чтобы это играло какую-нибудь роль.

— Ты сразу определил, что покойный был бедняк и жил одиноко. Не какая-нибудь приметная личность.

— Точно. Насмотришься, как я, на всяких алкашей и прочую шушеру...

— И что же?

— А то, что я свою публику знаю.

— Ну а если бы покойник занимал более высокое положение в обществе? Тогда, надо понимать, ты работал бы тщательнее?

— А что, тут приходится все учитывать. Нам ведь тоже достаётся дай бог.

Альдор Гюставссон обвел взглядом кабинет.

— Вам тут, может, и невдомек, но у нас работы выше головы. Охота была изображать Шерлока Холмса каждый раз, как тебе попадется мертвый босик. Ты еще что-нибудь хочешь сказать?

— Да. Хочу отметить, что это дело ты вел из рук вон плохо.

— Что?

Гюставссон встал. Похоже, до него только теперь дошло, что Мартин Бек может испортить ему карьеру.

— Погоди, — пробормотал он. — Только потому, что я не заметил кровавых пятен и несуществующего пистолета...

— Эти упущения еще не самое главное, — сказал Мартин Бек. — Хотя тоже грех непростительный. Хуже то, что ты позвонил судебному врачу и дал указания, которые основывались на предвзятых и неверных суждениях. Кроме того, заморочил голову полицейским, и они поверили, что дело элементарное и тебе достаточно войти в комнату, окинуть ее взглядом, и все станет ясно. Заявил им, что никаких специалистов вызывать не нужно, потом велел забирать тело и даже не позаботился о том, чтобы были сделаны снимки.

— Господи, — произнес Гюставссон. — Но ведь старикашка сам покончил с собой.

Мартин Бек повернулся и молча посмотрел на него.

— Эти замечания... надо понимать как официальный выговор?

— Вот именно, строгий выговор. Всего хорошего.

— Погоди, зачем же так, я постараюсь исправить...

Мартин Бек отрицательно покачал головой. Следователь встал и направился к выходу. Он был явно озабочен, но, прежде чем дверь затворилась, Мартин Бек услышал, как он произнес:

— Черт старый.

По правде говоря, такому, как Альдор Гюставссон, не место в уголовной полиции и вообще в полиции. Бездарный тип, заносчивый, развязный, и совсем неверно понимает свою службу.

Обычно в уголовную полицию привлекались лучшие из полицейских.

Но если такого человека взяли в следователи еще два года назад, что же будет дальше?

Ладно, первый рабочий день окончен. Завтра надо будет пойти и посмотреть на эту запертую комнату.

А сегодня вечером? Поест, что дома найдется, потом посидит и полистает книги, которые следует прочесть. Будет лежать в постели и ждать, когда придет сон. Один-одинешенек.

У себя взаперти.

Продолжение следует

Перевел с шведского Л. ЖДАНОВ

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

Роман

VIII

Эйнар Рённ любил природу, он и в полицейские пошел потому, что работа подвижная, много времени проводишь на воздухе. Но с годами, поднимаясь по служебной лестнице, он все больше превращался в кабинетного работника и на свежем воздухе — если это выражение вообще применимо к Стокгольму — бывал все реже. Для него стало жизненной потребностью проводить отпуск в родных горах у Полярного круга. Стокгольм он, по чести говоря, крепко невзлюбил и уже в сорок пять начал мечтать о том, как уйдет на пенсию и навсегда вернется в Арьеплуг.

Близился очередной отпуск, но Эйнар Рённ опасался, как бы его не попросили повременить с отдыхом, пока не будет раскрыто это дело с ограблением банка. И, стремясь хоть как-то ускорить расследование, он в понедельник вечером, вместо того чтобы ехать домой, в Веллингбю, решил отправиться в Соллентуну и побеседовать с одним свидетелем.

Эйнар Рённ не только добровольно взялся посетить свидетеля, которого вполне можно было вызвать обычным порядком, но и проявил при этом такое рвение, что Гюнвальд Ларссон, не подозревая об эгоистических мотивах товарища, спросил, уж не поссорился ли он с женой.

— Ага, не поссорился, — ответил Рённ с обычным для него презрением к логичной фразе.

Свидетеля звали Стен Шёгрэн. Это был тот самый тридцатидвухлетний слесарь, которого допрашивал Гюнвальд Ларссон.

Жил он один в типовом домике на Сонгарвеген. Когда Рённ вышел из машины, Шёгрэн стоял в саду перед домом и поливал розовый куст, но при виде гостя поставил лейку и отворил калит-

ку. Вытер ладони о брюки, поздоровался, потом поднялся на крыльцо и предложил Рённу войти.

Домик был маленький, на первом этаже, кроме прихожей и кухни, — всего одна комната. Дверь в комнату была приоткрыта. Пусто... Хозяин перехватил взгляд Рённа.

— Только что развелся с женой, — объяснил он. — Она забрала часть мебели, так что здесь сейчас не очень-то уютно. Пойдемте лучше наверх.

На втором этаже находилась довольно просторная комната с камином, перед которым стоял низкий белый столик и несколько разномастных кресел. Рённ сел, но хозяин остался стоять.

— Хотите пить? — спросил он. — Я могу сварить кофе, а еще в холодильнике должно быть пиво.

— Спасибо, мне то же, что и вам, — ответил Рённ.

— Значит, пиво.

Эйнар Рённ осмотрелся кругом. Мебели не густо, зато стереофоническая радиолка и довольно много книг. В корзине у камина — газеты и журналы.

Стен Шёгрэн вернулся с бокалами и двумя банками пива. Он был жилистый, худощавый, рыжий, волосы косматые и, на взгляд Рённа, нормальной длины. Спортивная рубашка защитного цвета. Лицо в веснушках, веселая искренняя улыбка. Открыв банки и наполнив бокалы, он сел напротив гостя, приветственно поднял свой бокал и выпил. Рённ глотнул пива и сказал:

— Мне хотелось бы услышать, что вы видели в пятницу на Хурнsgатан. Лучше не откладывать, пока воспоминание не слишком потускнело.

Стен Шёгрэн кивнул и отставил бокал.

— Да знать бы, что там было ограбление и убийство, я бы лучше пригляделся и к девчонке, и к тем парням, и к машине.

— Во всяком случае, вы пока наш лучший свидетель, — поощрительно сказал Рённ. — Итак, вы шли по Хурнsgатан. В какую сторону?

— Я шел от Слюссена к Рингвеген. А эта дева выскочила у меня из-за спины и побежала дальше, да еще толкнула меня.

— Вы можете описать ее?

— Боюсь, мое описание будет неполным. Ведь я ее видел со спины да мельком сбоку, когда она садилась в машину. Рост помню моего сантиметров на десять. Во мне — метр семьдесят восемь. Возраст точно не скажу, но, по-моему, не моложе двадцати пяти и не старше тридцати пяти, что-нибудь около тридцати. Одет в джинсы, синие такие, обыкновенные, и голубая блузка или рубашка навывпуск. На обувь я не обратил внимания, а на голове — шляпа, тоже из джинсовой материи, с широкими полями. Волосы светлые, прямые, не такие уж длинные, какие сейчас многие девчонки носят. На плече сумка висела, зеленая, американского военного фасона.

Он достал из грудного кармашка пачку сигарет и предложил Рённу, но тот отрицательно мотнул головой.

— Вы не заметили, у нее было что-нибудь в руках?

Хозяин встал, взял с каминной полки спички и закурил.

— Не знаю, не уверен. Может, и было.

— А сложение? Худая, полная?

— В меру, я бы сказал. Не худая и не толстая.

— А лица, значит, совсем не видели?

— Только одну секунду, когда она в машину садилась. Но ведь на ней эта шляпа была, да и очки большие...

— Ужасно, если она вам где-нибудь попадется?

— По лицу не узнаю. И в другой одежде, в платье, скажем, тоже вряд ли.

Рённо задумчиво пососал пиво. Потом спросил:

— Вы абсолютно уверены, что это была женщина?

Хозяин удивленно посмотрел на него, наспулил брови и нерешительно произнес:

— Не знаю, мне показалось, что это женщина. Но теперь... теперь я начинаю сомневаться. Просто я ее так воспринял, ведь обычно сразу чувствуешь, кто перед тобой — парень или девчонка, хотя по виду и не всегда разберешь. Но побожиться я не могу, спросите, какая грудь у нее, — не приметил.

Он поглядел на Рённа сквозь сигаретный дым, потом медленно продолжал:

— Да, это вы верно говорите. Почему непременно девчонка, это мог быть и парень. Так больше на правду похоже, мне что-то не приходилось слышать, чтобы девчонки грабили банки и убивали.

— Значит, вы допускаете, что это мог быть мужчина?

— Да, после того, что вы сказали... Ясное дело, парень, а как же.

— А остальные двое? Вы можете их описать? И машину?

Шёгрэн затаился еще раз и бросил окурочку в камин, где уже лежала куча окурочек и обгорелых спичек.

— Машина «рено-16», это точно. Светло-серая или бежевая — не знаю, как цвет называется, в общем, почти белая. Номер не скажу, но мне запомнилась буква «А» и две тройки. Или три... во всяком случае, не меньше двух, и, по-моему, они стояли где-то посередине.

— Вы уверены, что там было «А»? Может, «АА» или «АВ»?

— Нет, только «А», точно помню. У меня зрительная память на редкость.

— Это очень кстати, — заметил Рённо. — Нам бы всегда таких очевидцев.

— Вот именно. «Я — фотоаппарат». Читали? Ишервуд написал.

— Не читал, — ответил Рённо. Смеркалось. Стен Шёгрэн встал и включил торшер за креслом Рённа, потом снова сел.

— Ну что ж, продолжим, — сказал Рённо. — Вы собирались описать людей в машине.

— Ага, но, когда я обратил на них внимание, только один сидел в машине.

— А второй?

— Второй стоял на тротуаре, придерживал заднюю дверцу. Рослый, повыше меня верзила. Не то чтобы полный, а крепкий такой,

сильный на вид. Возраста примерно моего, лет тридцать — тридцать пять, волосатый, кудри мышиного цвета. Бровки черные, в обтяжку, расклешенные, и рубашка тоже черная, блестящая такая, на груди расстегнутая, и, по-моему, цепочка на шее с какой-то серебряной штучкой. Рожа довольно загорелая или просто красная. Когда эта дева подбежала — если это была дева, конечно, — он распахнул дверцу, чтобы она могла вскочить, захлопнул дверцу, сам сел впереди, и машина рванула со страшной скоростью.

— В какую сторону? — спросил Рённо.

— Они развернулись и понеслись к Мариаторгет.

— Так. Ясно... А второй? Второй мужчина?

— Он же сидел за рулем, так что его я не рассмотрел как следует. Но он показался мне моложе, лет двадцать с небольшим. И худой такой, бледный. Белая рубашка с короткими рукавами, руки тощие-тощие. Волосы черные, довольно длинные и грязные, я бы сказал. Жирные космы. И тоже в темных очках. Еще я припоминаю на левой руке у него широкий черный ремешок — часы, значит.

Шёгрэн откинулся назад, держа в руке бокал.

— Как будто все рассказал, все, что помню, — закончил он. — А может, забыл что-нибудь?

— Чего не знаю, того не знаю, — сказал Рённо. — Если еще что-нибудь припомните, свяжитесь с нами. Вы никуда не уезжаете?

— К сожалению. Вообще-то у меня сейчас отпуск, да денег ни гроша, куда тут поедешь. Буду дома болтаться.

Рённо допил пиво и встал.

— Вот и хорошо. Возможно, нам опять понадобится ваша помощь.

Шёгрэн тоже встал, и они спустились на первый этаж.

— Это что же, снова все рассказывать? — спросил он. — Записали бы на магнитофон, и все тут.

Он отворил наружную дверь, и Рённо вышел на крыльцо.

— Да нет, скорее вы можете нам понадобиться, чтобы опознать этих молодчиков, когда мы их схватим. Или же мы пригласим вас посмотреть кое-какие фотографии.

Они обменялись рукопожатием, и Рённо добавил:

— В общем, там будет видно. Может, и не придется вас больше беспокоить. Спасибо за пиво.

— Ну что вы. Если надо еще помочь — я пожалуйста.

Пока Рённ шел к машине, Стен Шёрген стоял на крыльце и приветливо махал ему рукой.

IX

Профессиональные борцы с преступностью, за редким исключением, такие же люди, как все. И даже при выполнении серьезных и ответственных заданий они подчас способны на обычные человеческие эмоции. Скажем, волнуются и переживают, когда предстоит ознакомиться с доказательствами первостепенной важности.

Члены спецгруппы по борьбе с банковскими грабителями и высокопоставленные самозванные гости сидели как на иголках. Свет в зале был приглушен, и все смотрели на прямоугольный экран. Сейчас вот-вот будут показаны живые картинки, повествующие о налете на Хурисгата. Собравшиеся собственными глазами увидят вооруженный налет на банк, убийство и персону, которую вечерняя пресса уже успела окрестить «смертоносной бомбой в юбке» и «белокурой красавицей в темных очках, с пистолетом в руках». По этим и другим столь же свежим эпитетам было видно, что репортеры за неимением собственной фантазии черпали вдохновение друг у друга.

Так уж повелось: на страницах вечерней прессы женщины, замешанные в крупных преступлениях, неизменно выглядели как балетные дивы.

Просмотр заветных кадров мог бы состояться и раньше, но техника, как всегда, подвела, в касете что-то заело, и лаборатории пришлось основательно повозиться, чтобы не повредить пленку. Наконец ее удалось извлечь и проявить, даже не повредив перфорацию. И по мнению техников, она удалась на славу.

— Ну, ну, что нам сегодня покажут, — предвкушал Гюнвальд Ларссон. — Вот бы Диснея, что-нибудь про утенка.

— Тигренек лучше, — отозвался Колльберг.

— Конечно, кое-кто предпочел бы «Партайтаг в Нюрнберге»¹, — заметил Гюнвальд Ларссон.

Они сидели впереди и разговаривали достаточно громко, но в задних рядах господствовала тишина. Присутствующие тузы во главе с начальником Центрального полицейского управления и его

заместителем Мальмом молчали. «Интересно, о чем они задумались?» — спросил себя Колльберг.

Должно быть, соображают, как укоротить хвост строптивым подчиненным. Мысленно переносятся в прошлое, когда кругом царил полный порядок и делегаты шведской полиции, не моргнув глазом, избрали Гейдриха¹ президентом Интерпола². Вспоминают, насколько лучше обстояли дела всего год назад, когда еще никто не смел оспаривать разумность решения, по которому подготовка полицейских снова была доверена реакционерам из вооруженных сил.

Один только Бульдозер Ульссон хихикнул, слушая остро слов.

Прежде Колльберг и Гюнвальд Ларссон не очень-то симпатизировали друг другу. Но за последние годы им довелось многое пережить вместе. Дружьи они не стали и вне службы вовсе не общались, однако все чаще ощущали некое единство душ. А в спецгруппе и подавно чувствовали себя союзниками.

Механик закончил³ приготовления.

Напряжение в зале достигло предела.

— Что ж, поглядим, — произнес Бульдозер Ульссон, потирая руки. — Если кадры и впрямь так удались, как нам тут говорят, сегодня же вечером покажем их в «Новостях» и в два счета накроем всю компанию.

— Стройные ноги тоже неплохо, — не унимался Гюнвальд Ларссон.

— А шведский стриптиз? — подхватил Колльберг. — Представляешь, я еще ни разу не смотрел порнографию. Девочка Луиза, семнадцать лет, раздевается и все такое прочее.

— Эй вы, помолчите, — прорычал начальник ЦПУ.

Пошли кадры, резкость отменная, никто из присутствующих не помнил ничего подобного. Обычно на таких просмотрах вместо людей на экране мелькали какие-то расплывчатые пятна, то ли клочки, то ли тефтели. Но на сей раз изображение было на диво четким.

Камера была хитро установлена, и благодаря специальной высококачественной пленке можно было хорошо рассмотреть человека, стоящего по ту сторону стой-

¹ Гейдрих — гитлеровский палач, убит в 1942 году патриотами в Чехословакии. (Прим. перев.)

² Интерпол — международная организация уголовной полиции. (Прим. перев.)

ки. Правда, сперва в зале было пусто. Но уже через полминуты в кадр вошел человек. Остановился, посмотрел направо, потом налево. И наконец устоялся прямо в объектив, словно для того, чтобы его получше запечатлели анфас. Отчетливо было видно одежду: замшевая куртка и стильная рубашка с отложным воротником. Энергичное суровое лицо, зачесанные назад светлые волосы, недовольный взгляд из-под густых бровей... Вот он поднял большую волосатую руку, выдернул из ноздри длинный волос и стал внимательно рассматривать его.

Лицо на экране было хорошо знакомо присутствующим: Гюнвальд Ларссон.

Вспыхнул свет. Спецгруппа безмолвствовала.

Наконец заговорил начальник ЦПУ:

— 'Об этом никому ни слова.

— Разумеется, как же иначе.

Колльберг расхохотался.

— Как это могло получиться? — спросил Бульдозер Ульссон. Казалось, даже он слегка озадачен.

— Кхм, — прокашлялся киноэксперт. — С точки зрения техники, это нетрудно объяснить. Скажем, заело спуск, и камера начала работать с опозданием. Что подлаешь, деликатное устройство.

— Если хоть одно слово просочится в печать, — рокотал начальник ЦПУ, — то...

— ...министру месяц не надо пятки мыть, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Это же надо, как она замаскировалась, — ликовал Колльберг.

Начальник ЦПУ рванулся к двери, Мальм затрусил следом.

Колльберг задыхался от смеха.

— Ну что ты тут скажешь, — сокрушался Бульдозер Ульссон.

— Лично я сказал бы, что фильм совсем не плохой, — скромно подвел итог Гюнвальд Ларссон.

X

Отдышавшись, Колльберг обратил испытующий взгляд на человека, которому он временно подчинен.

Бульдозер Ульссон был ведущей осью спецгруппы. Он обошел банковские налеты и за последний год, когда число их неизменно возросло, расцвел пуще прежнего. Он был генератором идей и концентратом энергии, мог неделями трудиться по восемнадцать часов в сутки — и никаких жалоб, никакого намека на уныние и усталость.

Бульдозер Ульссон явно считал

¹ Партайтаг в Нюрнберге — сборище немецких фашистов. (Прим. перев.)

полицейскую работу самым интересным и увлекательным делом на свете.

Скорее всего потому, что сам он был не полицейский.

Ульссон работал в прокуратуре и отвечал за расследование вооруженных налетов на банки. У него накопилось несметное количество дел такого рода. Некоторые из них раскрывали, правда, не до конца, кого-то арестовали, кого-то осудили, но налеты только участвовали: что ни неделя — три или четыре случая, и всем было ясно, что многие из них каким-то образом связаны между собой. Но каким?

Конечно, грабили не только банки. Нападений на частных лиц было неизмеримо больше, не проходило часа, чтобы кого-нибудь не ограбили. На улице, на площади, в магазине, в метро, в собственной квартире — нигде нельзя было чувствовать себя спокойным. Но банкам придавалось особое значение. Покушаться на банки было все равно что посягать на основы общества.

Система государственного устройства на каждом шагу демонстрировала свою несостоятельность. Что же до полиции, то в одном Стокгольме за последние два года 220 тысяч правонарушений остались нерасследованными из-за бессилия блюстителей порядка. Из более серьезных преступлений удавалось раскрыть только каждое четвертое, а сколько их вообще не доходило до полиции?

Высшие чины лишь озабоченно качали головой, изображая недоумение. Издавна повелось кивать друг на друга, но теперь больше не на кого было кивать. Никто не мог придумать ничего дельного.

Одно было совершенно ясно. Полиция во многом сама виновата. После централизации 1965 года, когда управление всеми полицейскими органами было передано в одни руки, сразу же стало очевидно, что руки, мягко выражаясь, не те.

Многие исследователи и социологи давно уже спрашивали себя, какими соображениями руководствуется в своих действиях Центральное полицейское управление. Вопрос этот, понятное дело, оставался без ответа. Руководствуясь правилом «об этом никому ни слова», начальник ЦПУ принципиально не отвечал ни на какие запросы. Зато он обожал произносить речи, которые чаще всего не представляли даже риторического интереса.

Сравнительно недавно кто-то из полицейских чинов придумал не-

хитрый, но вполне надежный способ подавать статистику преступности так, что она, формально оставаясь верной, сбивала людей с толку. Все началось с того, что в верхах решили сделать полицию более монолитной и боеспособной, поощряя оснастить ее техникой вообще и оружием в частности. Чтобы получить на это средства, требовалось преувеличить опасности, которым подвергались сотрудники. Словеса не могли помочь, вот и началась подтасовка статистики.

Очень кстати пришлось тут политические манифестации второй половины шестидесятых годов. Демонстранты выступали за мир — их разгоняли силой. Они были вооружены лозунгами и верой в свою правоту — против них применяли слезоточивый газ, водометы и резиновые дубинки. Чуть не каждая манифестация заканчивалась потасовкой. Тех, кто пробовал обороняться, избивали и арестовывали. Потом их привлекали к ответственности за «нападение на представителей власти» или «буйное сопротивление», и, независимо от того, кончалось дело судом или нет, все такие случаи включали в статистику.

Хитроумные тактики добились своего. Полицию вооружили до зубов. На дела, с которыми раньше справлялся один человек, вооруженный простым карандашом и толикой здравого смысла, теперь посылали полный автобус полицейских с автоматами и в пуленепробиваемых жилетах.

Правда, в конечном счете вышло не так, как было задумано. Насилие рождает не только антипатию и ненависть, оно сеет тревогу и страх. Дошло до того, что люди и впрямь стали бояться друг друга. Стокгольм превратился в город десятков тысяч перепуганных граждан, а испуганные люди опасны.

Из шестисот полицейских, которые ни с того ни с сего оставили службу, многие на самом деле ушли от страха. Хотя, как уже говорилось, их вооружили до зубов и они чаще всего сидели в патрульных машинах. Конечно, были и другие причины: кто-то вообще скверно чувствовал себя в Стокгольме, кому-то противно было нести службу так, как его заставляли. Словом, налицо был явный провал нового курса, истоки которого терялись во мраке. И кое-кто улавливал в этом мраке коричневые оттенки.

Когда политической полицией запретили подслушивать частные телефонные разговоры, опять же поспешили на помощь теоретики

ЦПУ. Они наговорили столько ужасов, что убедили риксдаг принять закон, разрешающий тайное подслушивание телефонных разговоров для борьбы против торговли наркотиками. После чего упомянутая торговля расцвела пылею прежнего, зато антикоммунисты спокойно могли продолжать подслушивание.

«Да, не очень-то приятно быть полицейским», — говорил себе Леннарт Колльберг.

Что делать, когда твоя организация заживо разлагается? Когда слышишь, как за стеной копошатся крысы фашизма? Все его сознательные годы отданы полицейской организации...

Как поступить?

Сказать все, что думаешь, — уволят.

Плохо. Должны быть какие-то более конструктивные средства. И ведь не один он так рассуждает, многие сослуживцы разделяют его взгляды. Кто именно и сколько их?

Совесть Бульдозера Ульссона не была обременена такими проблемами. Ему превосходно жилось на свете, и все было «ясно, как апельсин».

— Одно только не пойму, — сказал он.

— В самом деле? — подивился Гюнвард Ларссон. — Чего же?

— Куда машина подевалась? Ведь сигнальные установки были в порядке?

— Надо думать.

— Значит, мосты были сразу взяты под контроль.

Сёдермалм — остров, к нему подходит шесть мостов, и спецгруппа давно разработала подробные инструкции, как возможно быстрее изолировать центральные районы Стокгольма.

— Точно, — подтвердил Гюнвард Ларссон. — Я запрашивал службу охраны порядка.

— А что за телега? — спросил Колльберг.

Он еще не успел ознакомиться с деталями.

— «Рено-16», светло-серый или бежевый. С буквой «А» и двумя тройками в номере.

— Номер, конечно, фальшивый, — сказал Гюнвард Ларссон.

— Конечно, но я еще ни разу не слышал, чтобы можно было перекуситься по пути от Мариа-торгет до Слюссена. А если они поменяли машину...

— Ну?

— Куда же делась первая?

Бульдозер Ульссон быстро ходил по комнате и хлопал себя ладонями по лбу. Ему было лет сорок, рост ниже среднего, пол-

ный, румяный, все время в движении. Сейчас он рассуждал вслух:

— Они загоняют машину в какой-нибудь гараж поблизости от метро или автобусной остановки. Один сразу же увозит монеты, другой меняет номер на машине и тоже сматывается. В субботу приходит механик и перекрашивает кузов. И вчера утром можно было перегонять телегу в другое место. Но...

— Что «но»? — спросил Колльберг.

— Мои люди вчера до часа ночи проверяли каждый «рено», который шел из района Сёдор.

— Значит, либо машина проскользнула в первый же день, либо она еще на острове, — заключил Колльберг.

Гюнвальд Ларссон молчал. Он брезгливо созерцал одевание Бульдозера Ульссона. Мягкий голубой костюм, розовая рубашка, широкий цветастый галстук. Черные носки, остроносые коричневые полуботинки с кружевным узором, давно не чищенные.

— А про какого механика ты толкуешь?

— Они сами не возьмется с машинами, нанимают человека, часто совсем из другого города, из Мальмё там или из Гётеборга. Он пригоняет машину в условленное место, и он же забирает ее. С транспортном у них все точно рассчитано.

— У них? Ты о ком говоришь? — недоумевал Колльберг.

— О Мальмстрёме и Мурене, о ком же еще.

— Кто это — Мальмстрём и Мурен?

Бульдозер Ульссон странно поглядел на него, но тут же взгляд его прояснился:

— А, ну да. Ты ведь у нас в группе новенький. Мальмстрём и Мурен — налетчики, специалисты по банкам. Уже четыре месяца они на свободе, и за это время это их четвертая операция. Они удрали из Кумлы в конце февраля.

— Но ведь оттуда, говорят, невозможно убежать.

— Смотря какой побег. Их отпустили домой на субботу и воскресенье. Понятно, они не вернулись. По нашим данным, до конца апреля они ничего не затевали. Скорее всего отдыхали где-нибудь — скажем, на Канарских островах или в Гамбии. Взяли двухнедельные туристские путевки — и укатили.

— А потом?

— Потом начали добывать снаряжение. Оружие и все такое про-

чее. Обычно они разживаются в Италии или Испании.

— Но этот налет, в пятницу, совершила женщина, — возразил Колльберг.

— Маскировка, — наставительно произнес Бульдозер Ульссон. — Светлый парик, накладной бюст. Бьюсь об заклад, это работа Мальмстрёма и Мурена. Только они способны на такое нахальство. Ставка на неожиданность, тонкий ход! Чувствуешь, какое интересное дело нам поручено? Шик-блеск! Тут не заскучаешь! Все равно что...

— ...Играть с гроссмейстером в шахматы по переписке, — вяло договорил за него Гюнвальд Ларссон. — Кстати, о гроссмейстерах: не забудь, что у Мальмстрёма и Мурена сложение бычье. Вес девяносто пять килограммов, обувь сорок шестой размер, ладони — лопаты. У Мурена объем груди сто восемнадцать — на пятнадцать сантиметров больше, чем было у Аниты Экберг в ее лучшие дни. Я не очень-то представляю себе его в платье и с накладным бюстом.

— Между прочим, эта женщина, если не ошибаюсь, была в брюках? — вставил Колльберг. — И небольшого роста?

— Мало *ли кого они могли взять с собой, — спокойно отпарировал Бульдозер Ульссон. — Обычный прием.

Он подбежал к столу и схватил какую-то бумагу.

— Сколько же у них всего денег сейчас? — громко размышлял он. — Пятьдесят тысяч в Буросе взяли, сорок тысяч в Гюббэнгене, двадцать шесть в Мярста и теперь вот еще девяносто... Итого двести с лишним. Значит, скоро пойдут...

— Куда? — поинтересовался Колльберг.

— На большое дело. Дело с большой буквы «Д». Все остальное — подготовка, чтобы главную операцию финансировать. Да, теперь жди, вот-вот грянет.

Он снова забегал по комнате, обуреваемый радостным предвкушением.

— Но где — где, дамы и господа? Сейчас... давайте подумаем. Какой ход сделал бы я на месте Вернера Руса? На каком фланге повел бы атаку на короля? А вы?.. И когда?

— Кто этот Вернер Рус, черт возьми? — спросил Колльберг.

— Эконом — ну, вроде главного буфетчика, в авиакомпании работает, — объяснил Гюнвальд Ларссон.

— Прежде всего он преступник! — воскликнул Бульдозер

Ульссон. — Вернер Рус гений в своем роде. Это он им планы разрабатывает, без него Мальмстрём и Мурен были бы простые пешки. Он умственную работу делает, все до мелочей предусматривает. Сколько воров ходили бы без работы, если бы не Рус. Король преступного мира! Или, если хотите, профессор...

— Не надрывайся, — вмешался Гюнвальд Ларссон. — Ты не на судебном заседании.

— А мы вот что сделаем: схватим его! — Бульдозер Ульссон явно был восхищен своей гениальной идеей. — Прямо сейчас и возьмем.

— А завтра отпустим, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Ничего. Важно сделать неожиданный ход. Может, собьем его с толку.

— Ты уверен? В этом году его уже четыре раза задерживали.

— Ну и что?

Бульдозер Ульссон ринулся к двери. Его настоящее имя было Стен. Но об этом никто не помнил, разве что жена. Зато она, должно быть, забыла, как он выглядит.

— Ничего не соображаю, — посетовал Колльберг.

— Насчет Руса Бульдозер, пожалуй что, прав, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Редкостный пройдоха, и всегда у него алиби. Фантастические алиби. Как до дела доходит — он либо в Сингапуре, либо в Сан-Франциско, либо в Токио, либо еще где-нибудь.

— Но откуда Бульдозеру известно, что Мальмстрём и Мурен причастны к этому налету?

— Шестое чувство, интуиция... — Гюнвальд Ларссон пожал плечами и продолжал: — Ты мне другое объясни. Мальмстрём и Мурен — ответные гангстеры. Их сто раз задерживали, они каждый раз выкручивались, но все же под конец угодили в Кумлу. И вдруг этих молодчиков отпускают домой на побывку.

— Нельзя же вечно держать людей взаперти наедине с телевизором.

— Н-да, пожалуй, — согласился Гюнвальд Ларссон.

Они помолчали. Оба думали об одном. Государство не один миллион ухлопало на тюрьму Кумлу, все было сделано, чтобы физически изолировать правонарушителей от общества. Иностранцы знатоки учреждений такого рода говорили, что камеры Кумлы, пожалуй, угнетают и обезличивают человека, как ни один другой застенек в мире.

— Кстати, насчет этого убий-

ства на Хурнсгатан, — заговорил Колльберг.

— Какое там убийство. Скорее несчастный случай. Она выстрелила нечаянно. Наверно, даже не знала, что пистолет заряжен.

— Ты все-таки уверен, что это была девушка?

— Конечно.

— А как же насчет Мальмстрёма и Мурена?

— Как — взяли да послали на дело девушку.

— Ну а отпечатки пальцев не остались? Ведь она, кажется, была без перчаток.

— Отпечатки были. На дверной ручке. Но одна из служащих банка уже смазала их раньше, чем мы подоспели.

— Баллистическая экспертиза?

— Будь спокоен. Эксперты получили и пулю, и гильзу. Сорок пятый калибр, скорее всего «лама».

— Изрядный пистолет... Особенно для девушки.

— Да уж. Бульдозер говорит, оружие тоже указывает на эту компанию — Мальмстрём, Мурен и Рус. Они всегда пользуются крупным калибром, страх нагоняют. Но...

— Что «но»?

— Мальмстрём и Мурен не стреляют в людей. Во всяком случае, до сих пор не стреляли. Если кто-нибудь артачится, пустят пулю в потолок, и сразу полный порядок.

— А какой смысл брать этого Руса?

— Не знаю, может быть, Бульдозер рассуждает так: если у Руса неопровержимое алиби — скажем, в пятницу он был в Йокогаме, — можно биться об заклад, что план операции разработан им. Если же он находился в Стокгольме, тогда дело сомнительное.

— А сам Рус как ведет себя?.. Не поднимает бучу?

— Никогда. Он подтверждает, дескать, Мальмстрём и Мурен его старые друзья, это верно, и ах, как жаль, что они пошли по кривой дорожке. В прошлый раз даже спросил, не может ли он чем-нибудь помочь своим корешам. Мальм как услышал эти слова, чуть не околел от злости.

— А Ульссон?

— Бульдозер только заржал. Хитрый ход, говорит.

— На что же он рассчитывает?

— Сам слышал — ждет следующего хода. Считает, что Рус замыслил большое дело для Мальмстрёма и Мурена. Видно, приятели надумали загрести такой куш, что потом можно сматывать

ся за границу и жить до самой смерти на ренту.

— Обязательно банк пошупают?

— Бульдозер только банками занимается, на все остальное ему плевать, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Должно быть, так ему велено.

— А свидетель что же?

— К которому Эйнар ездил?

— Ну да.

— Был тут сегодня утром, смотрел фотографии. Никого не опознал.

— А насчет машины он уверен?

— Железно.

Гюнвальд Ларссон помолчал, дергая пальцы до хруста в суставах, потом добавил:

— С этой машиной что-то не так.

XI

День обещал быть жарким, и Мартин Бек достал из шкафа самый легкий костюм, голубой.

На часах еще только восемь, но он проснулся давно, несколько часов назад. Накануне неожиданно для себя он заснул рано; спал на диво спокойно, без снов. Хотя первый, после долгого перерыва, рабочий день был не таким уж напряженным, а все-таки утомил его.

Мартин Бек открыл холодильник, поглядел на пакет с молоком, на масло, на одинокую бутылку пива и сказал себе, что вечером по пути домой надо будет зайти в магазин. Взять пива и йогурта. Или бросить пить йогурт по утрам, уж больно невкусно? Но тогда нужно придумать на завтрак что-нибудь другое, врач сказал, что необходимо восстановить хотя бы те килограммы, которые он потерял после выписки из больницы.

Зазвонил телефон в спальне. Мартин Бек захлопнул холодильник, подошел к аппарату и снял трубку. Звонила медсестра Биргит из дома престарелых.

— Фру Бек стало хуже, — сообщила она. — Сегодня с утра высокая температура, тридцать девять и шесть. Я решила вам об этом сообщить.

— Ну конечно, спасибо. Еду, — сказал Мартин Бек.

Матери его исполнилось восемьдесят два года, и она уже третий год находилась в клиническом отделении дома престарелых. Болезнь развивалась медленно, сначала были легкие приступы головокружения, потом припадки участились. Кончилось это параличом, и с конца апреля она вообще не вставала с постели. Поль-

зуясь вынужденным отдыхом, Мартин Бек часто навещал мать, хоть и больно было видеть, как она медленно угасает, как она одинока в своей палате, отрезана от всего света.

Мартин Бек знал, что в доме престарелых не хватает обслуживающего персонала. Знал он также, что люди там славные, заботливые, пекутся о стариках, несмотря на мизерное жалованье. Он долго домал себе голову, как скрасить матери существование, но так ничего дельного не придумал. А потом понял: главное — почаще навещать ее. Он убедился, что многим старикам придается куда хуже — им остается лишь дожидаться кончины в приюте вместе с другими, такими же отверженными.

Правда, слово «приют» вышло из обихода, как и название «дом престарелых», — теперь говорили «дом пенсионеров», даже «отель для пенсионеров», маскируя тот факт, что на самом деле большинство стариков попадало туда отнюдь не по своей воле, а по приговору так называемого «процветающего общества», которое списывало их в расход.

Да, суровый приговор ожидает тех, кто достиг чересчур преклонного возраста. Изношенному колесу место на свалке...

Мартин Бек оделся и вызвал по телефону такси.

Дом престарелых был окружен большим парком — высокие деревья, тенистые дорожки, клумбы, газоны, террасы. До болезни мать Мартина Бека любила гулять здесь под руку с сыном...

Мартин Бек тихо отворил дверь. Мать лежала в постели, глядя в потолок. Исхудалые пальцы тербли покрывало. Он подошел к кровати. Мать медленно перевела взгляд на него.

— Приехал, в такую даль... — чуть слышно прошептала она.

— Как вы себя чувствуете, мама? — спросил Мартин Бек.

Она долго смотрела на него блестящими от жара глазами, раз другой моргнула — медленно, с усилием, словно веки стали очень тяжелыми.

— Мне холодно, — услышал он наконец.

Мартин Бек осмотрелся кругом. На табуретке в ногах лежало одеяло; он накрыл им мать.

— Спасибо, милый, — прошептала она.

Он сел возле нее, не зная, что говорить.

В горле у нее что-то сипело. Постепенно дыхание успокоилось, она закрыла глаза.

Мартин Бек продолжал сидеть

неподвижно. Тихо... Только дрозд поет за окном.

Он осторожно встал. Погладил сухую горячую щеку. Шагнув было к двери, в эту минуту мать открыла глаза и посмотрела на него.

— Надень синюю шапку, на улице холодно, — прошептала она и опять закрыла глаза.

Он постоял, нагнувшись, поцеловал ее в лоб и вышел.

XII

Кеннет Квастму, один из двух полицейских, которые обнаружили тело Сварда, опять ушел в суд давать показания. Мартин Бек разыскал его в коридоре городского суда и успел задать два самых важных для себя вопроса, до того как Квастму пригласили в зал.

Выйдя из здания суда, Мартин Бек направился к дому, где жил Свард; идти было недалеко, всего два квартала. По пути он миновал две строительные площадки. У южного торца полицейского управления прокладывалась новая линия метро, а повыше на той же улице строители бурили и взрывали скалу для подземных этажей нового полицейского штаба, куда предстояло перебраться и Мартину Беку. Экскаваторы, грузовики, пневматические буры... Какое счастье, что его кабинет сейчас помещается на Вестберга аллее! Гул моторов на Седертельеве — ничто перед здешним грохотом.

Дверь квартиры на втором этаже была отремонтирована и опечатана. Мартин Бек снял печать, прошел в комнату и сразу же ощутил слабый трупный запах, который сохранили стены и убогая обстановка.

Он подошел к закрытому окну и внимательно осмотрел его. Оно было старой конструкции, открывалось наружу, а запиралось щеколдой с кольцом, которое надевалось на крючок в раме. Собственно, щеколда было две, но нижний крючок отсутствовал. Краска вся облезла, рама внизу потрескалась. Должно быть, в щель над подоконником и ветер дул, и дождь просачивался.

Мартин Бек опустил основательно выцветшую синюю штору. Потом вышел в коридор и посмотрел оттуда на комнату. Если верить донесению Квастму, все так и было, когда полицейские проникли в квартиру. Он снова подошел к окну, дернул за шнур, и штора медленно, со скрипом свернулась. Мартин Бек распахнул окно и выглянул наружу.

Справа простиралась стронтельная площадка, где царил такой грохот, дальше высилось полицейское управление, он даже различил окна уголовной полиции в той части здания, которая выходила на Кунгсхольмсгатан. Слева видно пожарное депо и конец Бергсга-

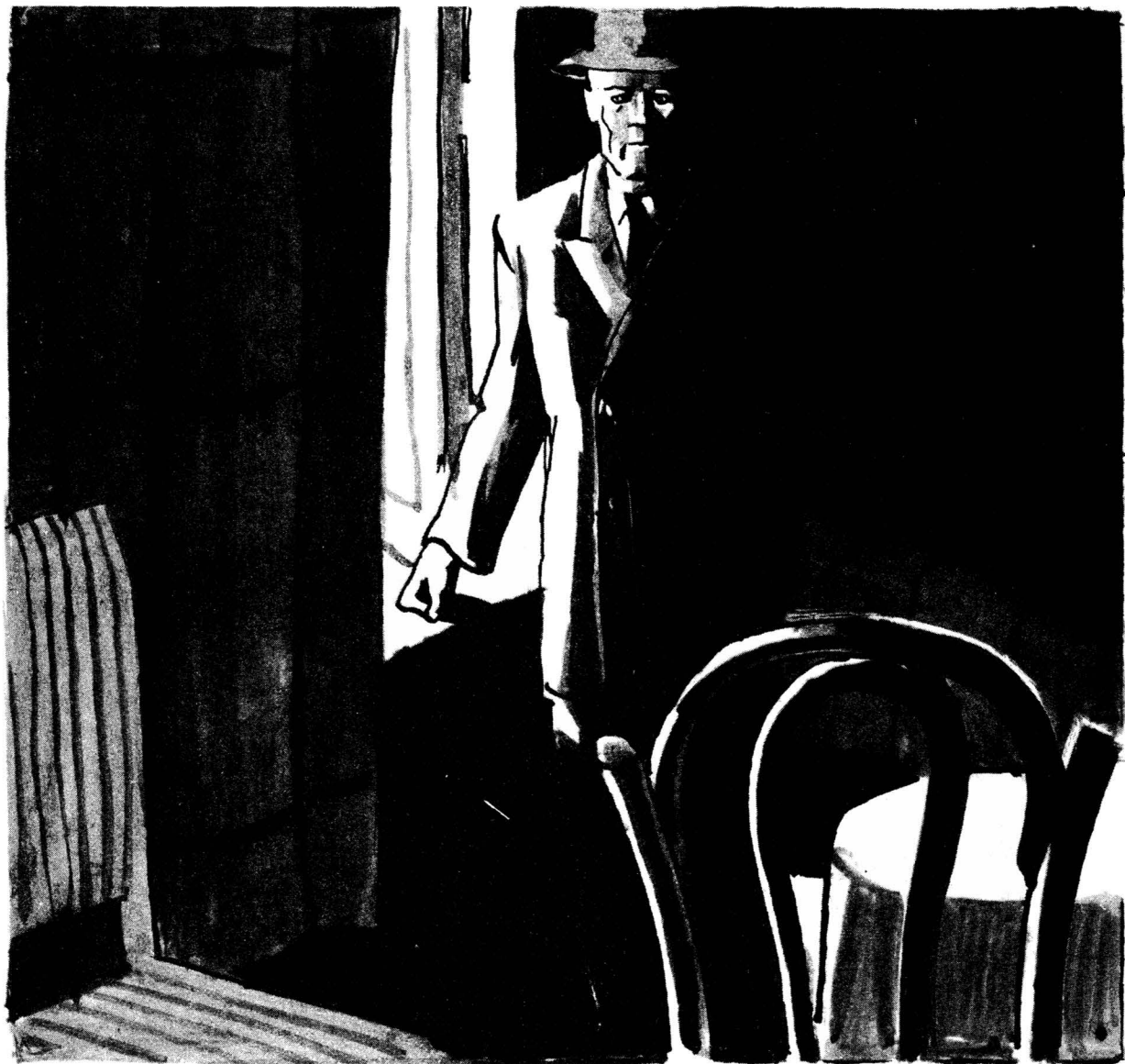
Потянуло курить, и он полез в карман, хотя знал, что сигарет там нет. Мартин Бек вздохнул. Перейти на жевательную резинку или мятные лепешки? Или жевать зубочистки по примеру коллеги Монссона в Мальмё?

Он прошел на кухню. Здесь

нул в уборную. Ни ванны, ни душа в квартире не было.

Потом он проверил наружную дверь и убедился, что все те замки и запоры, которые были перечислены в донесениях, налицо.

Чудеса, да и только. Дверь и оба окна были закрыты. Квастму

тан. Коротенький переулок соединял ее с Хантверкаргатан. Постой, что же это за переулок? Надо будет пройти там, когда он закончит осмотр квартиры.

Прямо напротив окна раскинулся Крунубергский парк, разбитый, как и многие парки Стокгольма, на естественной возвышенности.

оконная рама рассохлась еще сильнее, но щели были заклеены бумагой.

В этой квартире и обои, и потолки, и скудная обстановка — все было запущено. С тяжелым сердцем продолжал он осмотр, проверил ящики, шкафы. Негусто, только самое необходимое...

Выйдя в узкий коридор, загля-

утверждает, что они с Кристианссоном не видели никакого оружия. И что квартира все время была под наблюдением, никто не мог проникнуть в нее и что-либо вынести.

Мартин Бек еще раз внимательно оглядел комнату. Напротив двери стояла кровать, рядом с кроватью — полка. Сверху на

полке — лампа с желтым плисированным абажуром, старая пепельница зеленого стекла, большой спичечный коробок; внутри — несколько зачитанных журналов и три книги. У стены направо — стул с грязным сиденьем в зеленую и белую полоску, налево — коричневый стол и такого же цвета венский стул. От электроками на к розетке тянулся черный провод; вилка была выдернута. Еще в комнате был ковер, но его отправили в лабораторию. Среди множества всяких пятен на нем оказалось три кровавых, причем группа крови была та же, что и у Сварда.

В стенном шкафу валялись три старых носка, грязная фланелевая рубашка неопределенного цвета и пустая, сильно потертая замшевая сумка. На плечиках висело сравнительно новое демисезонное пальто, на крючках в стене — вязаный зеленый джемпер, серая нижняя рубашка с длинными рукавами и серые фланелевые брюки. В карманах ничего не было.

И все.

Патологоанатом начисто исключала возможность того, что Свард был ранен где-то еще, вошел в квартиру, запер дверь на все замки, потом лег и помер. И хотя Мартин Бек не был специалистом в медицине, опыт подсказывал ему, что она права.

Но как же это произошло? Каким образом был застрелен Свард, если, кроме него, в квартире никто не находился, а ему самому не из чего было стреляться?

Когда Мартин Бек еще только начал знакомиться с делом и увидел, как небрежно оно велось, он решил, что и эта головоломка — плод чей-то небрежности. Однако теперь он стал склоняться к мысли, что в комнате и впрямь не было никакого оружия и что Свард самолично запер двери и окна. Но как же тогда объяснить эту смерть?

Снова осмотрел он всю квартиру, тщательнее прежнего, но не нашел ничего, что могло бы пролить свет на загадку. В конце концов он решил опросить других жильцов.

Истратив на это почти час, Мартин Бек почувствовал, что топчется на месте. Бывший складской рабочий Карл Эдвин Свард явно не отличался общительностью. Большинство жильцов даже и не знало о его существовании, хотя он въехал сюда больше трех месяцев назад. К нему никто не приходил, ни с кем из соседей он даже словом не перемолвился, его ни разу не видели пьяным,

и шума в его квартире никогда не слышали.

Мартин Бек вышел из подъезда и остановился. По ту сторону улицы высилась горка с тенистым парком. Пойти посидеть под липами? Но тут он вспомнил, что хотел познакомиться с переулком, и повернул налево.

Улуф Едингсгата... Много лет назад он где-то читал, что в восемнадцатом веке в Кунгсхольменской школе преподавал Улуф Единг. И сейчас на Хантверкаргата есть школа — уж не та ли самая?

Не доходя Пульхемсгата, Мартин Бек заметил табачную лавку. Вошел и купил себе пачку сигарет с фильтром.

Свернул в сторону Кунгсхольмсгата, достал сигарету, закурил. Отвратительный вкус... Он думал о Карле Эдвине Сварде, и ему было не по себе.

XIII

Во вторник, когда на аэродроме Арланда приземлился самолет из Амстердама, Вернера Руса в пассажирском зале ждали два агента в штатском. Им было приказано действовать тактично, не привлекать внимания, и когда экононом наконец показался на летном поле в обществе стюардессы, они отступили от дверей в глубь зала.

Вернер Рус сразу заметил их. И то ли узнал в лицо, то ли интуитивно угадал полицейских, так или иначе смекнул, что они явились по его душу, остановился и сказал что-то стюардессе. Она кивнула, попрощалась и пошла к выходу. А Вернер Рус решительно направился к полицейским.

Он был высокого роста, плечистый, загорелый. Одет в синюю форму, в одной руке — фуражка, в другой — черная кожаная сумка с широким ремнем. Светлый чуб, длинные баки, нахмуренные густые брови, из-под которых холодно смотрели голубые глаза.

— По какому случаю столь торжественная встреча? — осведомился он, выпятив подбородок.

— Прокурор Ульссон хочет побеседовать с вами, — сказал один из полицейских. — Так что придется вам проследовать с нами на Кунгсхольмсгата.

— Он что, спятил? Я же был там две недели назад...

— Ладно, ладно, — сказал агент постарше. — Вы уж сами с ним объяснитесь, наше дело выполнить приказ.

Рус досадливо пожал плечами

и зашагал к выходу. Когда они подошли к машине, он сказал:

— Только сперва вы отвезете меня домой в Мярста, чтобы я мог переодеться, ясно? Адрес знаете.

Он плюхнулся на заднее сиденье и мрачно скрестил руки на груди. Младший из агентов, который вел машину, вспыхнул, дескать, он не таксист, но коллега унял его и объяснил, куда ехать.

Они поднялись вместе с Русом в его квартиру и подождали в коридоре, пока он сменил форму на светло-серые брюки, модную рубашку и замшевую куртку.

После этого они отвезли его на Кунгсхольмсгата и проводили в кабинет, где ждал Бульдозер Ульссон.

Как только отворилась дверь, Бульдозер вскочил, жестом отпустил обоих агентов и предложил Вернеру Русу сесть. Потом вернулся на свое место за письменным столом и радостно произнес:

— Кто бы мог подумать, герр Рус, что мы так скоро свидимся опять.

— Вот именно, кто! — подхватил Рус. — Во всяком случае, не я. Нельзя ли узнать, для чего вам понадобилось задерживать меня на этот раз?

— Бросьте, герр Рус, зачем же так официально. Просто мне захотелось расспросить вас кое о чем. А там будет видно.

— И вообще, совсем не обязательно было вашим подручным увозить меня с работы. А если бы мне сейчас опять идти в рейс? Что тогда — терять место только потому, что вам приспичило почесать язык?

— Ну что вы, что вы! Я отлично знаю, что у герра Руса впереди свободных двое суток — верно? Так что времени у нас хватит, ничего страшного.

— Вы не имеете права держать меня здесь больше шести часов, — сказал Вернер Рус и поглядел на свои часы.

— Двенадцать часов, герр Рус. А понадобится — так и больше.

— В таком случае не соизволит ли герр прокурор доложить, в чем меня подозревают, — вызывающе произнес Вернер Рус.

Бульдозер протянул ему пачку «Принца», но Рус презрительно мотнул головой и достал из кармана «Бенсон и Хеджс». Прикурив от золоченой зажигалки «Данхилл», он молча смотрел, как Бульдозер Ульссон чиркает спичкой и закуривает свою сигарету.

— А разве я сказал, что подозреваю в чем-либо герра Руса? — Бульдозер пододвинул эконому пепельницу. — Просто нам с вами надо бы потолковать о налете в пятницу.

— О каком еще налете?

— Я говорю про банк на Хурнгатан, — сухо ответил Бульдозер Ульссон. — Удачная операция, девяносто тысяч на полу не валяются, вот только не повезло клиенту, который при этом был убит.

Рус удивленно поглядел на него и покачал головой.

— Что-то вас не туда занесло... В пятницу, говорите?

— Вот именно, — сказал Бульдозер. — Разумеется, герр Рус в тот день находился в рейсе. И куда же вас занесло в пятницу?

Бульдозер Ульссон откинулся назад с самодовольным видом.

— Не знаю, где находился герр Ульссон, а я в пятницу был в Лиссабоне. Можете проверить в авиакомпании. По расписанию посадка в Лиссабоне в четырнадцать сорок пять, мы опоздали на десять минут. В субботу утром вылетели в девять десять, сели в Арланде в пятнадцать тридцать. В пятницу я обедал в отеле «Тиволи» и там же ночевал, это тоже можно проверить.

Вернер Рус торжествующе посмотрел на собеседника. Бульдозер сиял от удовольствия.

— Прекрасно, отличное алиби, герр Рус.

Он наклонился, смял сигарету в пепельнице и язвительно продолжал:

— Но ведь господ Мальмстрём и Мурена в Лиссабоне не было?

— А с какой стати им-то быть в Лиссабоне? И вообще, следить за Мальмстрёмом и Муреном не моя обязанность.

— В самом деле, герр Рус?

— В самом деле, герр Ульссон, и я вам об этом сто раз говорил. А что касается налета в пятницу, так я в последние дни не брал в руки шведских газет и ни о каких налетах не знаю.

— Тогда разрешите проинформировать вас, что некто, переодетый женщиной, вошел в банк перед самым закрытием, присвоил девяносто тысяч крон ассигнациями, потом застрелил клиента того же банка, после чего бежал на машине марки «рено». Полагаю, герр Рус сам понимает, что убийство — это уже совсем другая статья.

— Я другого не понимаю — при чем тут я, — отпарировал Рус.

— Когда герр Рус виделся со своими приятелями Мальмстрёмом и Муреном?

— Я уже ответил вам на этот вопрос в прошлый раз. Больше мы не встречались.

— И вам неизвестно, где их можно найти?

— Мне известно только то, что я слышал от вас. Я не видел их с тех пор, как они угодили в Кумлу.

Бульдозер пристально посмотрел на Вернера Руса, потом записал что-то в блокноте, захлопнул его и встал.

— Что ж, — произнес он. — Это нетрудно проверить.

Он подошел к окну и опустил жалюзи для защиты от солнца. Вернер Рус подождал, когда он сядет, потом сказал:

— Одно мне совершенно ясно — Мальмстрём и Мурен тут ни при чем. Убийство — нет, они не такие дураки.

— Я допускаю, что ни Мальмстрём, ни Мурен не станут стрелять в человека, но это еще не исключает их соучастия. Предположим, они сидели и ждали в машине. Что вы на это скажете?

Рус пожал плечами и хмуро уставился в пол.

— Представим себе, что у них был сообщник или сообщница, — увлеченно продолжал Бульдозер. — С такой возможностью ведь тоже надо считаться. Если не ошибаюсь, в том деле, на котором они погорели в последний раз, участвовала невеста Мальмстрёма?

Он прищелкнул пальцами, вспоминая.

— Точно: Гунилла Бергстрём... И заработала на этом полтора года, так что ее найти нетрудно.

Рус глянул на него исподлобья.

— Ну да, ведь она еще не сбегала, — пояснил Бульдозер. — Но, кроме нее, есть на свете и другие девушки, а упомянутые господа, похоже, не против женской помощи. Или я ошибаюсь?

Вернер Рус снова пожал плечами и выпрямился.

— Откуда мне знать, — безучастно произнес он. — Меня это не касается.

— Ну конечно, — кивнул Бульдозер.

Он задумчиво поглядел на Руса, потом наклонился и положил ладони на стол.

— Итак, вы утверждаете, что последние полгода не встречались с Мальмстрёмом и Муреном и они не давали о себе знать?

— Да, утверждаю, — сказал Вернер Рус. — И еще раз повторяю, что я не могу отвечать за

их поступки. Да, мы знакомы со школьной скамьи, я этого никогда не отрицал. И то, что мы потом встречались, тоже признаю. Но это не значит, что мы неразлучные друзья и они посвящают меня во все свои дела и затеи. Меня безумно огорчает, что они пошли по кривой дорожке, но я не имею ровным счетом никакого отношения к преступной деятельности, в которой их обвиняют. Я уже говорил, что с удовольствием помог бы направить их на верный путь. Но мы давным-давно не встречались.

— Надеюсь, вы понимаете, что эти слова могут сильно повредить вам, если выяснится, что вы все-таки общались с названными лицами, — на вас тоже может пасть подозрение.

— Нет, не понимаю.

Бульдозер улыбнулся.

— Ладно, чего уж там... — Он хлопнул ладонями по столу и встал. — Вы извините меня, но мне надо кое-что выяснить. Придется на несколько минут прервать нашу беседу, потом продолжим.

Бульдозер быстро направился к двери. На пороге внезапно обернулся и внимательно посмотрел на Вернера Руса.

У эконома было весьма озабоченное лицо. Бульдозер торжествующе потер руки и затрусил по коридору.

Как только дверь захлопнулась, Вернер Рус встал, неторопливо проследовал к окну и остановился, разглядывая улицу через щели жалюзи. Постоял так, тихо насвистывая что-то, потом кинул взгляд на свой «ролекс», нахмурил брови, быстро подошел к столу и сел в кресло Бульдозера. Пододвинул к себе телефон, поднял трубку, соединился с городом и набрал номер. В ожидании ответа он один за другим выдвигал ящики и штудировал их содержимое. Наконец заговорил:

— Привет, крошка, это я. Слушай, может, встретимся немного попозже? Мне тут надо потолковать с одним мужиком, это часа на два.

Он взял из ящика ручку с клеймом «Казенное имущество» и поковырял в свободном ухе.

— Ну конечно, потом куда-нибудь сходим и перекусим. Я голодный как черт.

Он покрутил ручку перед глазами, швырнул ее обратно в ящик и закрыл его.

— Нет, не из кабака, здесь что-то вроде отеля, но жратва паршивая, так что я потерплю до нашей встречи. Семь устраивает?

Ладно, значит, в семь я за тобой заеду. Ну все.

Он положил трубку, встал, сунул руки в карманы и заходил по кабинету, продолжая насвистывать.

Бульдозер отыскал Гюнвальда Ларссона.

— Рус у меня сейчас, — сообщил он.

— Ну и где же он обретался в пятницу? В Куала-Лумпуре или Сингапуре?

— В Лиссабоне, — торжествующе ответил Бульдозер. — Это ж надо, какую работенку себе от-

— А куда за ним следить? Если до Гонолулу, я сам возьмусь.

— Нет, серьезно.

Гюнвальд Ларссон вздохнул.

— Ладно, что-нибудь придумаем. Когда начинать?

— Сейчас, — сказал Бульдозер. — Сейчас я вернусь к себе и отпущу его. У него отгул до четверга, за это время он наведет нас на Мальмстрёма и Мурена, надо только следить в оба.

— Четверг... Тогда одним человеком не обойтись, нужен второй, на смену.

сти провел четыре часа в кафе «Оперное», пока Вернер Рус и его рыжеволосая партнерша ели и пили за милую душу, сидя за столиком на веранде.

Всю долгую, светлую летнюю ночь со вторника на среду Эк хоронился в роще на берегу Меларена, любясь исподтишка обнаженной натурой, меж тем как Вернер Рус рассекал кролем воды озера, словно какой-нибудь Тарзан.

Когда утреннее солнце подрумянило макушки деревьев, Рюне Эк продолжил свою сугубо сек-

хватил — идеальная ширма для гангстера. Такие роскошные алиби — любой позавидует.

— А вообще-то он что говорит?

— Да ничего. Изображает полное неведение. О банковских налетах понятия не имеет, Мальмстрёма и Мурена сто лет не видел. Скользкий, как угорь, хитрый, как муха, брешет, как собака.

— Словом, ходячий зверинец, а не человек, — подвел итог Гюнвальд Ларссон. — И что же ты думаешь с ним делать?

Бульдозер Ульссон сел в кресло напротив Ларссона.

— Думаю отпустить его. И наладить слежку. У тебя есть человек, которого Рус не знает?

— И чтобы люди были первый сорт, — подчеркнул Бульдозер. — Если он почует слежку, все пропало.

— Дай мне четверть часа, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Как позвоню, значит, готово.

Когда Вернер Рус двадцать минут спустя остановил такси на Кунгсхольмсгата, через ветровое стекло серого «вольво» за ним наблюдал следователь Рюне Эк.

Рюне Эк, тучный мужчина пятидесяти лет, имел седые волосы, очки и язву желудка, по причине каковой врач недавно прописал ему строжайшую диету. Вот почему он без особой радо-

ретную деятельность, прячась в кустах перед одноэтажным коттеджем в дачном поселке Хессельбю. Убедившись, что парочка одна в доме и к тому же крепко спит после купания, он вернулся к своей машине и ближайшие полчаса освобождал волосы и одежду от клещей.

Еще через час его сменили, а Вернер Рус по-прежнему пребывал в коттедже. Похоже было, что он вовсе не спешит вырваться из объятий рыжеволосой красотики и нанести визит своим друзьям Мальмстрёму и Мурену.

Продолжение следует

Перевел с шведского Л. ЖДАНОВ

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

Роман

XIV

Если бы кто-нибудь попытался сравнить силы полицейской спецгруппы и банды, которая занималась банками, он убедился бы, что они почти равны. Спецгруппа располагала огромными техническими ресурсами, зато у противника был большой оборотный капитал, и ему принадлежала инициатива.

Из Мальмстрёма и Мурена, наверно, вышли бы хорошие полицейские — физические данные отличные, да и с интеллектом обстояло не так уж плохо. Да только поди уеди их посвятить себя столь сомнительной профессии.

Оба в жизни ничем, кроме преступлений, не занимались, и теперь, когда одному исполнилось тридцать три, а другому — тридцать пять, они вполне заслуживали звания квалифицированных специалистов. Но поскольку их основное занятие считается почтенным лишь в узком кругу, Мальмстрём и Мурен обзавелись и другими профессиями. В паспортах, водительских удостоверениях и прочих документах они называли себя один — инженером, другой — управляющим. Со всем неглупо, если учесть, что страна буквально кишела инженерами и управляющими. Естественно, все документы были поддельные и выписаны на другие фамилии, тем не менее они производили солидное впечатление. Паспорта, например, выдержали уже не одно испытание на погранпунктах Швеции и ряда других стран.

Да и сами господа Мальмстрём и Мурен выглядели очень даже

положительно. Лица приятные, пышущие здоровьем, взгляд открытый. Четыре месяца свободы отразились на их облике: оба отлично загорели, Мальмстрём отрастил бороду, Мурен — усы и баки.

Причем загорали они не где-то там на Мальорке или Канарских островах, — нет, они провели три недели в Восточной Африке, совершили так называемое фотосафари. Хорошенько отдохнули. А затем последовали деловые поездки, одна — в Италию, чтобы пополнить снаряжение, другая — во Франкфурт, чтобы нанять толковых ассистентов.

На родине они слегка пошупали несколько банков и ограбили двух частных дисконтеров, которые предпочли не обращаться в полицию, чтобы не привлекать к себе внимания налоговых органов.

Эта деятельность принесла им неплохой доход, но издержки тоже были немалые, да и в ближайшем будущем предстояли довольно большие расходы.

Известно, однако, что дивиденды прямо зависят от капиталовложений; живя в обществе смешанной экономики, они хорошо усвоили эту истину. А цель, которую они себе поставили, была достаточно значительной. Они собирались ещё разок как следует потрудиться, а затем уйти на покой.

Осуществить наконец действительно большую операцию.

Приготовления были в основном завершены, проблема финансирования решена, план почти полностью разработан. Они не знали еще, где и когда, зато знали самое главное; как. До заветной цели оставалось совсем немного.

Хотя оба они и были профес-

сионалами, но до настоящих воротил не доросли. Настоящие воротилы не попадают.

Настоящие воротилы банков не грабят. Они сидят в конторах и управлениях и нажимают кнопки. Они ничем не рискуют. Они

не посягают на священных коров общества, а занимаются легализованным присвоением, стригут шерсть с рядовых граждан. Наживаются на всем. Отравляют природу и людей — потом «исцеляют» недуги негодными лекарствами. Намеренно приводят в запустение целые городские районы, обрекая их на снос, — потом строят новые дома, которые заведомо хуже старых.

Но главное — они не попадают.

А Мальмстрём и Мурен попадались, их словно преследовал злой рок. Но теперь, кажется, они разобрались, в чем дело: разменивались по мелочам.

— Знаешь, о чем я думал там, под душем? — спросил Мальмстрём.

Он только что вышел из ванной и теперь тщательно растерял на полу купальную простыню; второй простыней он обернул бедра, третья лежала на плечах.

Мальмстрём был болезненно чистоплотен. В этот день он с утра уже четыре раза принял душ.

— Знаю, — ответил Мурен. — О бабах.

— Как ты угадал?

Мурен, в шортах и белой сорочке, сидел у окна и обозревал Стокгольм, приставив к глазам морской бинокль.

Квартира, в которой они пребывали, помещалась в большом наемном доме на Данвиксклиппан, на высоком берегу пролива, и из окна открывался недурственный вид.

— Нельзя смешивать баб и работу, — сказал Мурен. — Сам убедился, к чему это приводит.

— А я ничего и не смешиваю, — обиженно возразил Мальмстрём. — Уж нельзя и подумать, да?

— Почему же, — великодушно уступил Мурен. — Думай на здоровье. — Он следил за белым пароходом, который шел к заливу Стрёммен.

Мальмстрём достал новое белье и носки, разорвал полиэтиленовую упаковку и начал одеваться.

— Этак ты все свое состояние на трусы растратишь, — заметил Мурен. — Непонятная страсть, ей-богу.

— Да, цены растут — кошмар.

— Инфляция, — сказал Мурен. — И виноваты мы сами.

— Мы? Ты что, столько лет в кутузке...

— Мы кучу денег выбрасываем на ветер. Все ворюги — жуткие моты.

— Уж только не ты.

— Так ведь я редкое исключение. Кстати, у меня немало уходит на еду.

— Ты жмот, в Африке мы по твоей милости три дня так ходили, пока даровых дев не нашли.

— Мной руководили не только финансовые соображения, — сказал Мурен. — И уж во всяком случае, не опасение вызвать инфляцию в Кении. А вообще-то деньги теряют цену там, где жулье заправляет. Уж если кому сидеть в Кумле, так это нашему правительству.

— Г-м-м.

— И заправилам из компаний. Кстати, недавно я прочел интересный пример, отчего бывает инфляция.

— Ну?

— Когда англичане в октябре девятьсот восемнадцатого захватили Дамаск, они ворвались в государственный банк и прикарманили всю наличность. Но солдаты ни черта не смыслили в тамошних деньгах. Один австралийский кавалерист дал полмиллиона мальчишке, который держал его коня, пока он мочился.

— А разве обязательно держать коней, когда они мочатся?

— Цены выросли стократ, уже через несколько часов рулон туалетной бумаги стоил тысячу тамошних крон.

— Разве в Австралии тогда уже была туалетная бумага?

Мурен тяжело вздохнул. С таким собеседником, как Мальмстрём, недолго и поглупеть...

— Дамаск — это в Аравии, — мрачно объяснил он. — Еще точнее — в Сирии.

— Надо же.

Мальмстрём наконец оделся, посмотрел в зеркало. Ворча что-то себе под нос, распустил бороду, щелчком стряхнул с модного пиджака незримую пушинку. Потом расстелил на полу еще две купальные простыни рядом с первой, подошел к гардеробу и достал оттуда оружие. Аккуратно разложил его на простынях, принес ветошь и банку чистила.

Мурен рассеянно поглядел на арсенал.

— Тебе еще не надоело? — сказал он. — Они же новенькие, чуть не с завода.

— Порядок есть порядок, — ответил Мальмстрём. — Оружие требует ухода.

Можно было подумать, что они готовятся к небольшой войне или по меньшей мере к государственному перевороту: на простынях лежали два пистолета, револьвер, два автомата и три дробовика с укороченными стволами.

Автоматы шведского армейского образца; на пистолетах и обрезах стояли иностранные клейма.

Управившись с пистолетами, Мальмстрём взялся за бельгийское ружье.

— Тому, кто обрезал этот ствол, самому всадить бы заряд дрови в корму, — проворчал он.

— Может быть, ему это ружье досталось не таким путем, как нам.

— Чего? Не усек.

— Я хочу сказать, что он добыл его не честным путем, — серьезно объяснил Мурен. — Скорее всего украл.

Он опять приставил к глазам бинокль и немного спустя сказал:

— А все-таки Стокгольм смотрится, честное слово.

— Это как понимать?

— Только им надо любоваться издали. Собственно, даже хорошо, что мы редко бываем на улице.

— Боишься, как бы тебя не обчистили в метро?

— Бывает и хуже. Например, стилет в спину. Или топором по черепу. А попасть под копыта истеричной полицейской лошади, думаешь, лучше? Ей-богу, жаль мне людей.

— Каких еще людей?

Мурен взмахнул рукой.

— Да тех, которые там, внизу, ходят. Представь себе, что ты все жилы из себя мотаешь, чтобы внести очередной взнос за машину или дачу, а твои дети в это время наркотиками накачиваются. Если жена после шести вечера выйдет на улицу, того и гляди изнасилуют. На вечернее богослужение соберешься — сто раз подумаешь и дома останешься.

— На богослужение?!

— Это я так, к примеру. Положи в карман больше десятки — непременно ограбят. А если меньше десятки — шпана со зла пырнет тебя ножом. На днях я прочел в газете, что фараоны боятся по одному ходить. Мол, на улицах почти не видно полицейских, и поддерживать порядок в городе становится все труднее. Какой-то чин из министерства юстиции высказался. Да, хорошо будет уехать отсюда и больше никогда не возвращаться.

— И никогда больше родного бэя не увидим, — уныло пробурчал Мальмстрём.

— Что за вульгарное пристрастие к иностранным словам, — укоризненно произнес Мурен. — Сказал бы попросту, родного залива. — И деловито добавил: — Кстати, из Кумлы его тоже не видно.

— Почему, а телевизор?
— Не напоминай мне об этом изверге, — сурово произнес Мурен.

Он встал, открыл окно, взмахнул руками и откинул голову назад, словно обращаясь к массам.

— Эй, вы там, внизу! — крикнул он. И пояснил ровным голосом: — Как сказал Линдон Джонсон, когда держал предвыборную речь с вертолета.

— Кто-то? — спросил Мальмстрём.

Раздался звонок в дверь. Друзья внимательно слушали сигнал.

— Похоже, Мауритсон. — Мурен глянул на часы. — Смотри-ка, даже не опоздал.

— Не доверяю я этому фруку, — заметил Мальмстрём. — Лучше не рисковать.

Он прицепил к одному из автоматов магазин.

— Держи. — Он протянул автомат Мурену, а сам взял «астру» и пошел к двери.

Держа револьвер в левой руке, Мальмстрём правой снял несколько цепочек — он был левша. Мурен стоял метрах в двух позади него.

Мальмстрём рывком распахнул дверь. Гость был готов к такому приему.

— Привет, — поздоровался он, опасливо глядя на револьвер.

— Здорово, — сказал Мальмстрём.

— Входи, входи, — пропел Мурен. — Привет тебе, милое создание.

Гость был весь обвешан сумками и пакетами. Складывая их на стол, он покосился на разложенное на полу оружие.

— Революцию замышляете?

— Всю жизнь только этим и занимаемся, — подтвердил Мурен. — Но в данный момент ситуация не революционная. Раков достал?

— Откуда вам раки четвертого июля?

— А за что мы тебе платим? — грозно произнес Мальмстрём.

— Справедливый вопрос, — подхватил Мурен. — Мне тоже непонятно, почему ты не можешь снабдить нас тем, что мы тебе заказываем.

— Имейте совесть, — сказал Мауритсон. — Я вам все обеспечил, черт подери, — квартиры, машины, пушки, билеты, паспорта. Но раки! В июле даже сам король раков не видит.

— Так то король, — возразил Мурен. — А ты бы поглядел на столик, за которым сидят наш

премьер, и главный профсоюзный босс, и прочие демократы! Небось ломится от раков! Нет уж, придумай какое-нибудь оправдание получше.

— И одеколона вашего тоже нигде нет, — поспешно продолжал Мауритсон. — Я весь город обегал, словно ошпаренная крыса, — уже который год продавать перестали.

Мальмстрём насулился.

— А все остальное принес, вот почта. — Мауритсон протянул гладкий коричневый конверт Мурену; тот с безразличным видом сунул его в задний карман.

Мауритсон внешне совсем не походил на своих работодателей. Рост ниже среднего, стройный, статный, возраст — около сорока. Гладко выбритое лицо, короткие светлые волосы. Большинство, особенно женщины, находили его симпатичным. Одевался он неброско, вел себя скромно. Словом, весьма распространенный тип людей с незапоминающейся внешностью. Это было ему только на руку, его уже много лет не сажали в тюрьму, не держали под наблюдением и не разыскивали.

Мауритсон подвизался на трех рентабельных поприщах: наркотики, порнография и общее снабжение. Во всех этих сферах он действовал умело, энергично и планомерно.

До странности снисходительное законодательство позволяло вполне легально производить и продавать в Швеции порнографическую продукцию всех видов. И практически неограниченное количество такой продукции требовалось Мауритсону для экспорта, большая часть которого направлялась в Италию и Испанию, принося недурную прибыль. Импортировал он преимущественно амфетамин и морфий, но принимал заказы и на другой товар, например, на оружие.

— Новые кобуры? — спросил Мальмстрём.

— Есть, лежат в сумке под продуктами. Кстати, чем вас не устраивают прежние?

— Дрянь, — сообщил Мальмстрём.

— Никуда не годятся, — подтвердил Мурен. — Откуда ты их взял?

— С главного склада полиции. Зато новые — итальянские.

— Это уже лучше, — сказал Мальмстрём.

— Будут еще заказы?

— Да, вот тебе список.

Мауритсон взял бумажку и за тараторил:

— Дюжина трусов, пятнадцать

пар нейлоновых носков, шесть настоящих сеток, полкило икры, четыре резиновые маски «Фантомас», две коробки патронов девятого калибра, шесть пар резиновых перчаток, любительский сыр, банка маринованного лука, пиво, ветошь, астро...лябия... — это еще что за диковина?

— Инструмент для измерения высоты звезд, — объяснил Мурен. — Поищи в антикварных лавках.

— Ладно. Я постараюсь. А как насчет дев?

— Всему свое время, — сказал Мурен, — настанет пора... Заседание объявляется закрытым. Следующая встреча завтра в это же время.

— О'кэй, — сказал Мауритсон. — Выпускай меня.

— Только еще один вопрос.

— Какой?

— Как тебя теперь называть?

— Как обычно, Леннарт Хольм.

— Если что-нибудь случится и надо будет быстро тебя найти?

— Вы знаете адрес.

— Жду раков.

Мауритсон безнадежно пожал плечами и вышел.

— Подонок, — сказал Мальмстрём.

— Тебе не по вкусу наш добрый друг?

— От него воняет потом, — сурово произнес Мальмстрём.

— Мауритсон — негодяй, — сказал Мурен. — Я осуждаю его деятельность. Конечно, в том, что он помогает нам, ничего дурного нет. Но сбывать наркотики школьникам и порнографические открытки неграмотным католикам... Это... это недостойно.

— Я ему не доверяю, — проворчал Мальмстрём.

Мурен вынул из кармана коричневый конверт и внимательно осматрел его.

— И правильно делаешь, друг мой, — произнес он. — Он полезный человек, но честным его не назовешь. Смотри, опять вскрывал письмо. Интересно, каким способом. Если бы Рус не подкладывал волосинку, мы бы ничего и не заметили. Нехорошо, нехорошо при таком гонораре. И почему он так любопытен?

— Штукарь он, в этом все дело.

— Возможно.

— Сколько пачек всего он получил от нас?

— Сотни полторы. Так ведь и расходы у него немалые. Оружие, автомашины, развезды и прочее. И без риска не обходится.

— Ни черта он не рискует, — возразил Мальмстрём. — Никто,

кроме Руса, не знает, что мы с ним знакомы.

Мурен достал из конверта три листка бумаги и разложил их перед собой на столе.

— Эврика! — воскликнул он.

— Чего?

— То самое, чего мы ждали. Видишь — вот чертеж. Отменный. А вот тут время расписано. Буквально до минуты.

— А что слышно насчет Хаузера и Хоффа?

— Завтра приезжают. Вот, читай.

Мальмстрём взял письмо.

Мурен вдруг громко рассмеялся.

— Над чем ты ржешь?

— Над кодом. Например: «У Жана длинные усы». Знаешь, откуда он это взял?

— Понятия не имею.

— Ладно, неважно.

— Постой, два с половиной — это миллионы?

— Несомненно.

— Чистый доход?

— Ну конечно. Издержки мы уже покрыли.

— Но двадцать процентов Русу?

— Совершенно верно. Нам с тобой по миллиону.

— А этот хореk Мауритсон что-нибудь мог тут разобрать?

— Кое-что. Например, срок исполнения.

— А когда срок?

— Пятница, четырнадцать сорок пять. Но какая пятница, не сказано.

— Зато улицы названы, — продолжал Мальмстрём.

— Да ничего нам Мауритсон не сделает, — спокойно ответил Мурен. — Видишь, что тут внизу написано?

— Ага.

— А что это означает — помнишь?

— Как же! А-а, ну конечно. Это совсем другое дело.

— То-то и оно, — подтвердил Мурен. — Черт, до чего же раков хочется!

XV

Хофф и Хаузер — так звали немецких гангстеров, которых Мальмстрём и Мурен ангажировали во время своей деловой поездки во Франкфурт. У обоих были отличные рекомендации, так что при желании вполне можно было обо всем договориться по почте. Но если Рус отличался осторожностью, то Мальмстрём и Мурен славилась разборчивостью, и одним из мотивов их путеше-

ствия было желание посмотреть на своих будущих помощников.

Встреча состоялась в первых числах июня. Было условлено, что сначала в баре «Магнолия» установят контакт с Хаузером, а уже он сведет шведов с Хоффом.

Бар «Магнолия», маленький, сумрачный, помещался в центре города. Скрытые светильники источали оранжевое сияние, стены и ковер были фиолетовые, низкие кресла у круглых столиков из плексигласа — розовые. Латунная стойка изогнулась блестящим полукругом, музыка звучала негромко, декорте у грудастых блондинок за стойкой было очень низкое, цены на напитки — очень высокие.

Мальмстрём и Мурен сели за единственный свободный столик, хотя в зале сидело человек двадцать, не больше, казалось, что бар набит до отказа. Все посетители были мужчины, слабый пол представляли только девушки за стойкой.

Получив свои коктейли, Мальмстрём и Мурен попытались определить, кто же тут Хаузер. Они совершенно не представляли себе, как он выглядит, знали только, что он натуральный бандюга.

Мальмстрём первым его заметил.

Он стоял у дальнего конца стойки, одетый в замшевый костюм песочного цвета. В уголке рта — тонкая сигара, в руке — стаканчик виски. Высокий, стройный, плечистый, густые баки, темные волосы, вьющиеся на затылке, редющие на макушке. Вылитый Шон Коннери... Каменное лицо, холодный взгляд серых глаз устремлен в пространство над локонами химической блондинки... Ее он просто не замечал. Не человек — кремень. Даже Мурен смотрел на него с легким почтением.

Они ждали, когда он обратит на них внимание.

В это время к ним подсел крепкий коротыш в мешковатом сером костюме и белой найлоновой рубашке с бордовым галстуком. У него было круглое, гладко выбритое румяное лицо, короткие волнистые волосы, за толстыми очками без оправы поблескивали голубые, словно фарфоровые глаза.

Мальмстрём и Мурен равнодушно глянули на него и снова усталились на Джеймса Бонда у стойки.

Коротыш тихо сказал что-то низким голосом, однако они не сразу осознали, что он обращается к ним, и прошло еще какое-то

время, прежде чем друзья уразумели, что именно этот херувим, а не хват у стойки, Густав Хаузер.

Через несколько минут они покинули бар и отправились к Хоффу.

Проведя три дня с новыми компаньонами, Мальмстрём и Мурен уехали домой, чтобы продолжить подготовку к операции. Немцы обещали, что в четверг, шестого июля, они будут в условленном месте.

В среду они прибыли в Швецию. Утренний паром из Копенгагена доставил Хаузера с его машиной в Мальме. В двенадцать часов он должен был встретить пароход «Абсален», на котором плыл Хофф.

Хофф еще никогда не бывал в Швеции и не знал, как выглядят шведские полицейские. Сойдя по трапу на пристань, он увидел шагающего ему навстречу человека в форме. «Полицейский!» — пронеслось у него в голове. Операция провалилась, сейчас его схватят...

В эту минуту он увидел машину Хаузера, молниеносно выхватил пистолет и направил его на озадаченного таможенника. Прежде чем кто-либо осознал, что происходит, Хофф перемахнул через изгородь, отделяющую пристань от тротуара, юркнул между двумя такси, одолел прыжком еще одну изгородь, вильнул за тяжелый грузовик и нырнул в машину Хаузера, по-прежнему держа наготове пистолет. Как только Хофф плюхнулся на сиденье, Хаузер выжал до отказа газ, и машина скрылась за углом так стремительно, что никто даже не успел заметить ее номер. Хаузер остановился лишь после того, как убедился, что их не преследуют.

XVI

Известно: где одному повезет, другого подчас ждет осечка. Мауритсон предпочитал ничего не оставлять на волю случая. Во всех своих предприятиях он тщательно страховался, и благодаря разработанной им системе нужно было прямо-таки невероятное стечение неблагоприятных обстоятельств, чтобы сорвать его планы.

Правда, месяца два назад произошла одна непостижимая вещь. Но в итоге все обошлось благополучно, и Мауритсон не сомневался, что на ближайшие несколько лет застрахован от таких неожиданностей. Он по праву

считал, что шансов угодить в кулуар у него не больше, чем надежда угадать тринадцать номеров в спортивном тотализаторе.

Мауритсон не любил праздности, и на среду у него была намечена достаточно обширная программа. Сначала надо было получить на Центральном вокзале посылку с наркотиками и доставить ее в один из боксов камеры хранения на станции метро Эстер-мальмсторг. Потом передать ключ от бокса некоему лицу в обмен на конверт с ассигнациями. После этого наведаться по адресу, куда поступали таинственные письма для Мальмстрёма и Мурена; его несколько раздражало, что он никак не может распознать отправителя. Затем — поход в магазин за трусами и прочими заказами. Последним пунктом программы значился очередной визит в дом на Даввиксклиппан.

Наркотики — амфетамин и гашиш — были искусно запрятаны внутри сдобной булки и куска сыра, которые лежали в обычной сумке вместе с другими абсолютно невинными продуктами.

Мауритсон уже забрал товар на вокзале и стоял у перехода — обычный человечек с располагающей внешностью и с бумажной сумкой в руке. Рядом с ним стояли с одной стороны пожилая женщина, с другой — молодая регулировщица в зеленой форме. На тротуаре метрах в пяти от перехода толпились два полицейских — руки за спину, на лице тупая важность. Машины шли, как всегда, сплошным потоком. Наконец загорелся зеленый свет, и все ринулись вперед как угорелые, беззащитно орудуя локтями, чтобы хоть на сотую долю секунды опередить других. Кто-то толкнул пожилую даму; испуганно озираясь по сторонам, она спросила:

— Я плохо вижу без очков, что — уже зеленый свет?

— Да-да, — приветливо подтвердил Мауритсон. — Позвольте, я помогу вам перейти.

Он знал по опыту, что учтивость нередко вознаграждается.

— Большое спасибо, — сказала дама. — А то ведь до нас, стариков, сейчас никому нет дела.

Что верно, то верно...

— Мне спешить некуда, — сказал Мауритсон и, бережно взяв даму под руку, повел ее через улицу.

Не успели они дойти до противоположного тротуара, как даму снова кто-то толкнул так, что она едва не упала, но Мауритсон

вовремя поддержал ее. В эту минуту раздался крик:

— Полиция! Полиция!

Пожилая дама растерянно оглянулась.

Обернувшись, он увидел, что регулировщица указывает на него обличительным жестом.

— Держите вора! — надсаживалась регулировщица.

Мауритсон нахмурился, но продолжал вести себя с достоинством.

— В чем дело? — допытывалась пожилая дама.

Притопали полицейские.

— Что здесь происходит? — властно спросил один.

— Что здесь происходит? — не столь властно повторил другой.

— Вор! — надрывалась регулировщица, показывая на Мауритсона. — Он хотел вырвать сумочку у этой женщины!

Мауритсон пристально посмотрел на нее и сказал про себя: «Да заткнись ты, стерва проклятая».

Вслух он произнес:

— Извините, это, какая-то ошибка.

Но регулировщица, двадцатипятилетняя блондинка, не унималась:

— Я сама видела!

— Что? — волновалась пожилая дама. — Где вор?

— Что здесь происходит? — наперебой бубнили полицейские.

Мауритсон сохранял полное спокойствие.

— Это явное недоразумение, — повторил он.

— Этот господин помог мне перейти улицу, — объяснила дама.

— Как же, они помогут! — кипятилась блондинка. — Да он так дернул сумочку, что ба... что эта дама чуть не грохнулась.

— Вы все перепутали, — терпеливо объяснил Мауритсон. — На самом деле даму нечаянно задел другой человек. А я только поддержал ее, чтобы она не упала и не ушиблась.

— Ладно, не заливай, — отпаривала регулировщица.

Блюстители порядка вопросительно посмотрели друг на друга. Суровый явно был более опытным и энергичным. Подумав, он вспомнил магическую формулу:

— Прошу вас проследовать за мной. — И добавил: — Все трое. Подозреваемый, свидетельница и истица.

Пожилая дама ошелолилась; регулировщица сразу остыла.

Мауритсон был сама кротость.

— Это явное недоразумение, — твердил он. — Впрочем, ничего

удивительного, как подумаешь, сколько подозрительных личностей бродит по улицам. Я охотно проследую за вами.

— Как это? — растерялась дама. — Куда идти?

— В участок, — ответил суровый полицейский.

— Участок?

— Да, в полицейский участок.

Процессия двинулась вперед, вызывая живой интерес у прохожих.

— А может, я ошиблась, — заколебалась блондинка.

Она привыкла записывать номера автомашин и фамилии людей, а тут как бы самой не попасть в протокол...

— Ничего страшного, — утешил ее Мауритсон. — В таких оживленных местах особенно нужен глаз да глаз.

Участок помещался в здании вокзала.

Началась замысловатая процедура. Сначала записали имя, фамилию, адрес свидетельницы и мнимой жертвы.

— Нет, правда, я ошиблась, — нервничала свидетельница. — Я пойду, у меня там пост.

— Мы обязаны выяснить все до конца, — неумолимо ответил суровый. — Проверь его карманы, Кеннет.

Полицейский извлек из карманов Мауритсона ряд вполне безобидных предметов. Одновременно продолжался допрос:

— Ваше имя, фамилия?

— Арне Леннарт Хольм, — сказал Мауритсон.

— Адрес?

— Викиргатан, шесть.

— Имя и фамилию он правильно сказал, — подтвердил Кеннет. — Вот его водительское удостоверение.

Первый полицейский обратился к пожилой даме:

— Какие ценности у вас были при себе?

— Шесть крон и тридцать пять эре в кошельке. Кроме того, проездной билет и пенсионное удостоверение.

— Все на месте?

— Да.

Полицейский захлопнул записную книжку, важно посмотрел на задержанных и сказал:

— Так, вопрос ясен. Вы двое можете идти. Хольм останется.

Мауритсон рассовал по карманам свое имущество.

Продуктовая сумка стояла на полу около двери, из нее торчали длинный огурец и шесть стеблей ревеня.

— Что у вас там в сумке? — спросил полицейский.

— Продукты.

— Продукты? А ну-ка, Кеннет, проверь.

Полицейский принялся выкладывать продукты на скамейку.

Мауритсон невозмутимо наблюдал за его действиями.

— Так, — говорит Кеннет, — все точно, в сумке продукты, как показал Хольм, вот хлеб... масло...

сыр... ремень... кофе — да, все так, как показал Хольм.

— Ясно, — подытожил суровый. — Вопрос исчерпан. Клади продукты обратно, Кеннет.

Он подумал, потом обратился к Мауритсону:

— Так вот, господин Хольм. Вышло недоразумение. Но вы, сами понимаете, такая у нас служба. Мы сожалеем, что на вас па-

ло подозрение в преступлении. Надеемся, вы на нас не в претензии.

— Что вы, что вы, — сказал Мауритсон. — Вы только исполнили свой долг.

— Всего доброго, господин Хольм.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

— Всего доброго, всего доброго.

Дверь открылась, вошел еще один полицейский, одетый в серо-голубой комбинезон. Он вел на поводке овчарку а в другой руке держал бутылку лимонада.

— Фу, жариха! — выдохнул он, бросая фуражку на скамейку. — Сидеть, Джек. — Сорвал с бутылки колпачок и поднес ее ко рту. Повернулся к собаке и сердито повторил: — Сидеть, Джек!

Пес послушался, но тотчас встал опять и принялся обнюхивать сумку Мауритсона.

Мауритсон пошел к двери.

— Всего вам доброго, господин Хольм, — сказал Кеннет.

— Всего доброго, всего доброго, — отозвался Мауритсон.

Пес уже всю голову засунул в сумку.

Мауритсон отворил дверь левой рукой, а правую протянул за сумкой.

Пес зарычал.

— Минутку, — сказал полицейский в комбинезоне.

Коллеги вопросительно посмотрели на него. Мауритсон оттолкнул собаку и поднял сумку с пола.

— Ни с места, — крикнул полицейский и поставил бутылку на скамью.

— Простите?.. — озадаченно произнес Мауритсон.

— Эта собака натаскана на наркотики, — сказал полицейский, поднося руку к кобуре.

XVII

Начальник отдела наркотиков Хенрик Якобссон занимал эту должность почти десять лет и десять лет не ведал, что такое покой. Другой на его месте давно заработал бы язву желудка или расстройство моторных центров или жевал бы занавески. Но организм Хенрика Якобссона все выдержал, а теперь его и вовсе трудно было чем-нибудь удивить.

Сейчас он невозмутимо созерцал разрезанный сыр, выпотрошенную булку, конвертики с гашишем, капсулы с амфетаминном и сотрудника, который полосовал ремень.

Перед ним сидел Мауритсон, внешне спокойный, а на деле сам не свой. Двойная страховка подвела, и как подвела — самым невероятным, дурацким образом. Это что-то непостижимое. Ну ладно, один раз еще куда ни шло, так ведь один просчет уже был у него два месяца назад. Но два раза подряд!.. Того и жди, ока-

жется, что он угадал тринадцать номеров в очередном розыгрыше спортивного тотализатора.

Он уже сказал все, что положено говорить в таких случаях. Что злополучную сумку ему вручил неизвестный человек на Центральной вокзале и попросил передать другому неизвестному на Мариаторгет; и конечно, он сразу заподозрил неладное, но не смог устоять против соблазна, когда ему предложили сто крон.

Якобссон выслушал его молча, не перебивая. И скорее всего не поверил ни единому слову. Наконец он сказал:

— Что ж, Хольм, могу только повторить тебе то, что уже говорил: мы тебя задержим. Ордер будет подписан завтра утром. Можешь воспользоваться телефоном при условии, что это не помешает следствию.

— Неужели дело такое серьезное? — смиренно осведомился Мауритсон.

— Смотря что считать серьезным. Посмотрим еще, что мы найдем при домашнем обыске.

Мауритсон отлично знал, что они найдут в однокомнатной квартире на Викергатан, — плохонькую мебель и старую одежду. Тут ему бояться было нечего. Неизбежный вопрос — к каким замкам подходят его прочие ключи, — Мауритсона тоже не тревожил, ибо он не собирался отвечать. Так что скорее всего его вторая квартира, на Армфельтсгатан, не будет осквернена ни двуногими, ни четвероногими ищущими.

— Неужели штраф платить придется? — спросил он еще более смиренно.

— Никак нет, старик, — ответил Якобссон. — Штрафом ты не отделаешься, тут тюрьмой пахнет. Да, Хольм, здорово ты влип. Кстате, кофе не желаешь?

— Спасибо, лучше чаю, если не трудно.

Мауритсон лихорадочно соображал. Что верно, то верно — влип, и похлестче, чем думает Якобссон. Ведь у него взяли отпечатки пальцев, а это значит, что электронная машина в два счета выдаст карточку, на которой написано не Арне Леннарт Хольм, а нечто совсем другое. И пойдут неприятные вопросы...

Они выпили чаю и кофе и съели полбатона; тем временем сотрудник сосредоточенно вскрывал скальпелем огурец.

— Здесь ничего нет, — подвел он итог.

Якобссон флегматично кивнул:

— Ясно.

Посмотрел на Мауритсона и добавил:

— С тебя и найденного хватит.

В душе Мауритсона зрело решение. Он в нокдауне, но до нокаута еще далеко. Надо встать — встать прежде, чем прозвучит роковое «аут», а оно прозвучит, как только на стол Якобссона ляжет справка из картотеки.

Он выпрямился и заговорил совсем другим голосом:

— Ладно, я открываюсь. Не буду больше темнить.

— Премного благодарен, — невозмутимо произнес Якобссон.

— Моя фамилия не Хольм.

— В самом деле?

— Ну да, в документах написана Хольм, но это не настоящая фамилия.

— А как же тебя величать?

— Филип Трезор Мауритсон.

— Ты что же, стыдишься своей настоящей фамилии?

— Откровенно говоря, несколько лет назад угодил я за решетку. Ну, а там, сам понимаешь, раз посидел, за тобой уже слава идет.

— Понимаю.

— Кто-нибудь непременно пронохает, глядишь, уже фараоны идут проверять... прости, я хотел сказать, полиция идет.

— Ничего, я не обидчивый, — сказал Якобссон.

Мауритсон беспокойно поглядел на стальные часы.

— Да и посадили-то меня за ерунду, — продолжал он. — Сбыт краденного, незаконное хранение оружия — в общем, мелочи. Была еще кража со взломом, но с тех пор уже десять лет прошло.

— А все эти годы, значит, вел себя паинькой? Исправленному верить? Или стал тоньше работать?

Мауритсон криво усмехнулся, но ответной улыбки не дождался.

— Ну, и куда же ты гнешь? — осведомился Якобссон.

— В тюрьму не хочется.

— Поздно, раньше надо было думать. Да и чего особенного? Не ты первый, не ты последний. Дня не проходит, чтобы кто-нибудь не сел. Отдохнешь два-три месяца — чем плохо?

Однако Мауритсон чувствовал, что краткосрочным отпуском дело не ограничится. Он прикидывал, что, если его арестуют, полиция начнет копать всерьез, и могут всплыть малоприятные для него вещи. А ведь у него хранится в иностранных банках приличная сумма... Так что главное сейчас — выйти отсюда. И сразу

уехать из города. Лучше всего за границу, а там все наладится.

Словом, мешкать нельзя. И Мауритсон спросил:

— Кто занимается банковскими налетами?

— Бульдозер... — вырвалось у Якобссона.

— Бульдозер Ульссон, — живо договорил Мауритсон.

— Прокурор Ульссон, — поправил его Якобссон. — Стучать собираешься?

— Я мог бы кое о чем осветить его.

— А ты осведоми меня.

— Речь идет о секретных сведениях, — ответил Мауритсон. — Неужели трудно позвонить ему?

Якобссон задумался. Он хорошо помнил, как начальник ЦПУ и его подручные говорили, что банковские налеты важнее всего. Только одно преступление считалось еще страшнее — забрасывать яйцами посла Соединенных Штатов.

Он пододвинул к себе телефон и набрал номер штаба спецгруппы. Бульдозер тотчас взял трубку.

— Ульссон слушает.

— Это Хенрик Якобссон говорит. Мы тут задержали одного за наркотики, уверяет, будто ему что-то известно.

— Насчет банков?

— По-видимому.

— Сейчас буду, — ответил Бульдозер.

Он вломился в кабинет, горя от нетерпения.

Диалог был недолгим.

— Так о чем вы хотели нам поведать, герр Мауритсон?

— Господина прокурора интересуют двое по фамилии Мальмстрём и Мурен?

Бульдозер даже облизнулся.

— Очень, очень интересуют! И что же именно вам известно, герр Мауритсон?

— Мне известно, где находятся Мальмстрём и Мурен.

Бульдозер возбужденно потер руки. Потом как бы спохватился:

— Надо думать, герр Мауритсон собирается предложить какие-то условия?

— Мне хотелось бы обсудить этот вопрос в более уютном месте.

— Г-м-м. Мой кабинет на Кунгсхольмсгатан вас устроит?

— Вполне, — ответил Мауритсон. — Насколько я понимаю, господину прокурору теперь нужно переговорить с этим господином?

Лицо Якобссона ничего не выражало.

— Совершенно верно, — горя-

чо подтвердил Бульдозер. — Посоветаемся, Якобссон? Где-нибудь с глазу на глаз.

Якобссон кивнул, покоряясь судьбе.

XVIII

Якобссон был человек практичный. Зачем понапрасну нервничать? Он не был близко знаком с Бульдозером Ульссоном, но достаточно наслышался о нем и понимал, что сражаться нет смысла, все равно исход боя предreshен.

Антураж был очень скромный — голые стены, письменный стол, два стула, шкаф для папок. И все, даже ковра не было.

Якобссон спокойно сидел за столом.

Бульдозер метался по комнате, заложив руки за спину и наклонив голову.

— Только один сугубо технический вопрос, — сказал он. — Мауритсон арестован?

— Нет. Еще нет.

— Отлично. Превосходно. Тогда, собственно, и совещаться не о чем. Хочешь, свяжись с начальником цепу. С его заместителем, с начальником управления.

Якобссон покачал головой. Он хорошо знал названных боссов.

— Тогда замечано?

Якобссон промолчал.

— И ты в накладе не останешься. Теперь ты знаешь этого субчика и будешь держать его на примете. Пригодится.

Якобссон вернулся к Мауритсону, смерил его взглядом и сказал:

— Так вот, Мауритсон, я тут поразмыслил... Ты получил сумку от неизвестного лица для передачи другому неизвестному лицу. Всякое бывает. Доказать, что ты говоришь неправду, будет нелегко. Короче, мы воздерживаемся от ареста.

— Ясно.

— Товар мы, конечно, конфискуем. Но ведь ты мог и не знать, что передаешь.

— Меня отпустят?

— Отпустят, отпустят. При условии, что ты явишься в распоряжение прокурора Ульссона.

Бульдозер, должно быть, слушал за дверью — она распахнулась, и он ворвался в кабинет.

— Давай поехали! Потолкуем у меня.

— Ну конечно, — сказал Мауритсон. — С удовольствием.

— Да уж не иначе, — подхватил Бульдозер. — Привет, Якобссон.

Якобссон молча проводил их безучастным взглядом. Он ко всему привык.

Десять минут спустя Мауритсон был доставлен в штаб спецгруппы. Его приняли как почетного гостя и усадили в самое удобное кресло, а кругом расположились блистательные детективы. Колльберг держал в руках памятку Мауритсона.

— Дюжина трусов и пятнадцать пар носков. Это для кого?

— Две пары Мурену, остальное, наверное, второму пойдет.

— Он что — бельем питается, этот Мальмстрём?

— Да нет, просто никогда не отдает белье в стирку, каждый раз новое надевает.

— Ладно, бросьте эту бумажку, давайте-ка делом займемся. — Бульдозер хлопнул ладонями и энергично потер руки.

Он призывно поглядел на свое войско, в состав которого, кроме Колльберга, Рённа и Гюнварльда Ларссона, вошли два младших следователя, эксперт по слезоточивым газам (газовщик), техник-вычислитель и никудышный поллиейский по имени Бу Цакриссон, которого, невзирая на острую нехватку кадров, все с величайшей охотой уступали друг другу для всякого рода специальных заданий.

Начальник ЦПУ и прочие тузы, слава богу, после злополучного киносеанса не показывались, да же не звонили.

— Итак, репетируем, — объявил Бульдозер. — Ровно в шесть Мауритсон должен позвонить в дверь. Ну-ка, изобразите еще раз...

Колльберг отстучал сигнал пальцем по столу.

Мауритсон кивнул.

— Точно, — сказал он; потом добавил: — Во всяком случае, очень похоже.

Точка — тире, пауза, четыре точки, пауза, тире — точка.

— Я в жизни не запомнил бы, — уныло произнес Цакриссон.

— Мы тебе поручим что-нибудь еще, — сказал Бульдозер. — Что именно? — поинтересовался Гюнварльд Ларссон.

Из всей группы только ему приходилось раньше сотрудничать с Цакриссоном, и он не любил вспоминать об этом.

— А мне что делать? — осведомился техник-вычислитель.

— Вот именно, — отозвался Бульдозер. — Кто тебя к нам направил?

— Не знаю. Звонил кто-то из управления.

— А может, ты нам вычислишь что-нибудь? — предположил Гюн-

вальд Ларссон. — Скажем, какие номера выиграют в следующем тираже.

— Исключено, — мрачно произнес вычислитель. — Сколько лет пытаюсь, ни одной недели не пропустил, и все мимо.

— Проиграем мысленно всю ситуацию, — продолжал Бульдозер. — Кто звонит в дверь?

— Колльберг, — предложил Гюнвард Ларссон.

— Прекрасно. Итак, Колльберг звонит. Мальмстрём открывает. Он ожидает увидеть Мауритсона с трусами, астроблей и прочими вещами. А вместо этого видит...

— Нас, — пробурчал Рёни.

— Вот именно! Мальмстрём и Мурен огорочены. Их провели!

Он семенит по комнате, самодовольно усмехаясь.

— А Руса-то как прищучим! Одним ходом шах ему и мат!

У Бульдозера даже дух захватило от столь грандиозной перспективы. Однако он тут же вернулся на землю:

— Но* мы не должны забывать, что Мальмстрём и Мурен вооружены. Нельзя исключать возможности того, что они с отчаяния пойдут на прорыв. Тут уж придется тебе вмешаться.

Он указал на эксперта по слезоточивым газам.

— Кроме того, с нами пойдет проводник с собакой, — продолжал Бульдозер. — Собака бросается...

— Это как же, — перебил его Гюнвард Ларссон. — На ней что, противогаз будет?

— Значит, так, — вещал Бульдозер. — Случай первый: Мальмстрём и Мурен пытаются оказать сопротивление, но встречают сокрушительный отпор, атакуются собакой и обезвреживаются слезоточивым газом.

— Всё одновременно? — усомнился Колльберг.

Но Бульдозер вошел в раж, и никакие возражения не могли его остановить.

— Случай второй: Мальмстрём и Мурен не оказывают сопротивления. Полиция с пистолетами наготове вламывается в квартиру и окружает их.

— Только не я, — возразил Колльберг.

Он принципиально отказывался носить оружие.

Бульдозер заливался соловьем:

— Преступники обезоруживаются и заковываются в наручники. Затем я вхожу в квартиру и объявляю их арестованными. Они уводятся.

Несколько секунд он смаковал упонительную перспективу.

— И наконец, вариант номер три — интересный вариант: Мальмстрём и Мурен не открывают. Они предельно осторожны и могут не открыть, если сигнал покажется им не таким, как положено. С Мауритсоном у них условлено, что он в таком случае уходит, а ровно через двенадцать минут возвращается и звонит снова. Мы так и поступим. Выждем двенадцать минут и позволим опять. После этого автоматически возникает одна из двух ситуаций, которые мы уже разобрали.

Колльберг и Гюнвард Ларссон выразительно посмотрели друг на друга.

— Четвертая альтернатива... — начал Бульдозер.

Но Колльберг перебил его:

— Альтернатива — это одно из двух.

— Не морочь голову. Итак, четвертая альтернатива: Мальмстрём и Мурен все равно не открывают. Тогда вы высаживаете дверь...

— ...вламываемся с пистолетами наготове в квартиру и окружаем преступников, — вздохнул Гюнвард Ларссон.

— Вот именно, — сказал Бульдозер. — Точно так. После чего я вхожу и объявляю их арестованными. Превосходно. Вы запомнили все слово в слово. Ну что — как будто все варианты исчерпаны?

Собравшиеся молчали. Наконец Цакриссон пробормотал:

— А пятая альтернатива такая, что гангстеры открывают дверь, косят из автоматов нас всех вместе с собакой и сматываются.

— Балда, — сказал Гюнвард Ларссон. — Во-первых, Мальмстрёма и Мурена задерживали не один раз, и при этом еще никто не пострадал. Во-вторых, их всего двое, а у дверей будет шестеро и одна собака, да еще на лестнице десять человек, да на улице, двадцать, да один прокурор на чердаке — или где он там намерен пребывать.

Цакриссон ступешался, однако добавил мрачно:

— В этом мире ни на кого нельзя положиться.

— Расположение квартиры, входы и выходы вам известны, — подвел итог Бульдозер. — Три часа назад дом незаметно взят под наблюдение. Как и следовало ожидать, все спокойно. Мальмстрём и Мурен даже и не подозревают, что их ждет. Господа, мы готовы.

Он вытащил из нагрудного кар-

машка старинные серебряные часы, щелкнул крышкой и сказал:

— Через тридцать две минуты мы нанесем удар... Полагаю, герр Мауритсон вряд ли пожелает присоединиться к нам? Или вам нужно повидаться с приятелями?

Мауритсон не то поежился, не то пожал плечами.

— В таком случае предлагаю вам спокойно переждать в этом здании, пока мы проведем операцию. Герр Мауритсон делец, и я тоже в некотором роде делец, так что он меня поймет. Вдруг выяснится, что вы нас подвели, — тогда придется пересмотреть наше соглашение.

Мауритсон кивнул.

— Идет, — сказал он. — Но я точно знаю, что они там.

— По-моему, герр Мауритсон — подонки, — произнес Гюнвард Ларссон в пространство.

Колльберг и Рёни напоследок еще раз проштудировали план квартиры, начерченный со слов Мауритсона. Затем Колльберг сложил листок и сунул его в карман.

— Что ж, поехали, — сказал он.

Раздался голос Мауритсона:

— Только ради бога учтите, что Мальмстрём и Мурен опаснее, чем вы думаете. Как бы они не попробовали прорваться. Вы уж зря не рискуйте.

— Хорошо, хорошо, — отозвался Колльберг. — Не будем.

Гюнвард Ларссон неприязненно посмотрел на Мауритсона.

— Понятно, герр Мауритсон предпочел бы, чтобы мы ухлопали его приятелей, тогда ему не надо будет всю жизнь дрожать за свою жалкую шкуру.

— Я только хотел предостеречь вас, — возразил Мауритсон. — Зря ты обижаешься.

— Заткнись, мразь, — проворчал Гюнвард Ларссон.

Он не терпел панибратства от людей, которых презирал. Будь то доносчики или начальство из ЦПУ.

— Ну, все готово, — нетерпеливо вмешался Бульдозер. — Операция начинается. Поехали.

В доме на Данвикскиппан все оказалось так, как говорил Мауритсон. Даже такая деталь, как табличка с надписью «С. Андерсон» на дверях квартиры.

Справа и слева от двери прижались к стене Рёни и Гюнвард Ларссон. Оба держали в руках пистолеты, Гюнвард Ларссон — свой личный «смит и вессон 38 мастер», Рёни — обыкновенный «вальтер», калибр 7.65. Прямо пе-

ред дверью стоял Колльберг. Лестничная клетка за его спиной была битком набита людьми; тут были и Цакриссон, и эксперт по газам, и проводник с собакой, и

оба младших следователя, и нижние чины с автоматами в пуленепробиваемых жилетах.

Бульдозер Ульссон, по всем данным, находился в лифте.

«Ох уж это оружие», — подумал Колльберг, следя глазами за секундной стрелкой на часах Гюнварда Ларссона; сам он был безоружен.

Осталось тридцать четыре секунды...

У Гюнварльда Ларссона были часы высшего класса, они показывали время с исключительной точностью.

В душе Колльберга не было ни капли страха. Он слишком много лет прослужил в полиции, чтобы бояться таких субьектов, как Мальмстрём и Мурен.

Интересно, о чем они говорят и думают, закрывшись там со своими запасами оружия и трусов, горами паштета и икры?..

Шестнадцать секунд...

Один из них — очевидно, Мурен, судя по словам Мауритсона, бо-ольшой гурман. Вполне простительная слабость, Колльберг и сам любил вкусно поесть.

Восемь секунд...

Что будет со всем этим добром, когда Мальмстрёма и Мурена закуют в наручники и увезут? Может, Мурен уступит ему свои припасы по недорогой цене? Или это будет скупка краденного?..

Две секунды.

Секунда.

Ноль.

Он нажал кнопку звонка указательным пальцем правой руки.

Точка — тире, пауза... четыре точки... пауза... тире — точка.

Все замерли в ожидании.

Кто-то шумно вздохнул.

Потом скрипнул чей-то башмак.

Цакриссон звякнул пистолетом. Звякнуть пистолетом — это ведь надо суметь!

А за дверью ни звука. Прошло две минуты.

По плану полагалось выждать еще десять минут и повторить сигнал.

Колльберг поднял правую руку, давая понять, чтобы освободили лестничную площадку. Подчиняясь его жесту, Цакриссон и проводник с собакой поднялись на несколько ступенек вверх, а эксперт по газам спустился вниз.

Рённ и Гюнварльд Ларссон остались на своих местах.

Колльберг хорошо помнил план, но не менее хорошо знал, что Гюнварльд Ларссон отнюдь не намерен следовать намеченной схеме. Поэтому он и сам отошел в сторону. Гюнварльд Ларссон стал перед дверью и смерил ее взглядом. Ничего, можно справиться...

Гюнварльд Ларссон был одержим страстью вышибать двери, и почти всегда проделывал это весьма успешно. Но Колльберг был принципиальным противником таких методов, поэтому он отрицательно покачал головой и всем

лицом изобразил неодобрение. Как и следовало ожидать, его мимика не возымела никакого действия. Гюнварльд Ларссон отступил на несколько шагов и уперся правым плечом в стену. Рённ приготовился поддерживать его маневр. Гюнварльд Ларссон чуть присел и напрягся, выставив вперед левое плечо, — живой таран весом сто восемь килограммов, ростом сто девяносто два сантиметра. Разумеется, Колльберг тоже изготавился, раз уж дело приняло такой оборот. Однако того, что случилось в следующую минуту, никто не мог предвидеть.

Гюнварльд Ларссон бросился на дверь, и она распахнулась с такой легкостью, будто ее и не было вовсе.

Не встретив никакого сопротивления, Гюнварльд Ларссон влетел в квартиру, с разгона промчался в наклонном положении через комнату, словно сорванный ураганом подъемный кран, въехал головой в подоконник и, обливаясь кровью, упал как подкошенный. При этом он разбил колено и штанина тоже окрасилась в алый цвет.

Рённ двигался не столь проворно, однако успел перемахнуть через порог как раз в тот момент, когда дверь качнулась обратно на скрипучих петлях. Она ударила его наотмашь в лоб, он выронил пистолет и упал навзничь на лестничную площадку.

Как только дверь после столкновения с Рённом распахнулась вторично, в квартиру ворвался Колльберг. Окинув комнату взглядом, он убедился, что в ней нет ни души, если не считать Гюнварльда Ларссона. Тогда он бросился на помощь товарищу и стал приводить его в чувство.

В эту минуту Рённ, слегка ошалевший от удара по голове, пересек порог и принялся искать оброненный пистолет.

Следующим в дверях показался Цакриссон. Он увидел Рённа с расквашенным лбом и лежащий на полу пистолет. Увидел также у окна Колльберга и окровавленного Гюнварльда Ларссона. И закричал:

— Ни с места! Полиция!

После чего выстрелил вверх и попал в стеклянный шар под потолком. Лампа разлетелась вдребезги с оглушительным шумом.

Цакриссон повернулся кругом и снова выстрелил.

Вторая пуля влетела в открытую дверь ванной и пробила трубу. Длинная струя горячей воды с шипением ударила прямо в комнату и хлестнула Цакриссона по лицу.

Помещение мгновенно наполнилось туманом.

Следом ворвался в квартиру полицейский в сине-зеленом пуленепробиваемом жилете, с автоматом в руках, зацепил ногой Рённа и растянулся во весь рост. Его автомат с шумом покотился по паркету в дальний угол.

Гюнварльд Ларссон сидел на полу совершенно обессиленный. Но голова у него работала, и он пришел к четкому выводу. Во-первых, в квартире никого не было: ни Мальмстрёма, ни Мурена, ни кого-либо еще. Во-вторых, дверь была не заперта и скорее всего даже не захлопнута как следует.

Тогда Гюнварльд Ларссон поднял руку и заорал:

— Кончайте, черт побери...

Приняв его возглас за команду, «газовщик» одну за другой бросил в квартиру две гранаты со слезоточивым газом. Они упали на пол между Рённом и проводником собаки и тотчас взорвались.

Раздался еще один выстрел; кто, именно выстрелил — установить не удалось, но скорее всего это был проводник. Пуля угодила «газовщику» в плечо.

Колльберг попытался крикнуть: «Сдаемся! Сдаемся!» — но из его горла вырвалось лишь хриплое карканье.

Газ мгновенно распространился по квартире, смешиваясь с паром и пороховым дымом.

Пять человек и одна собака стонали, рыдали и кашляли в ядовитой мгле.

Шестой человек сидел на лестничной клетке и подвывал, прижимая ладонь к левому плечу.

Откуда-то сверху примчался взбудораженный Бульдозер.

— Что такое? Что тут происходит? — допытывался он.

Сквозь туман из квартиры доносились жуткие звуки. Кто-то скулил, кто-то звал на помощь сдавленным голосом, кто-то грязно бранился.

— Отставьте! — скомандовал Бульдозер, поперхнулся газом и закашлялся.

Он попятился по ступенькам вверх, но облако газа следовало за ним. Тогда Бульдозер приосанился и обратил грозный взгляд на едва различимый дверной проем.

— Мальмстрём и Мурен, — властно произнес он, обливаясь слезами. — Бросайте оружие и выходите! Руки над головой! Вы арестованы!

Продолжение следует

Перевел с шведского Л. ЖДАНОВ

МАЙ ШЕВАЛЛЬ
И ПЕР ВАЛЕ

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

Роман

ХИХ

тром в четверг 6 июля 1972 года специальная группа по борьбе с банковскими налетами собралась в своем штабе. Члены группы сидели бледные, но собранные, царил строгая тишина.

Мысль о вчерашних событиях никого не располагала к веселью. А Гюнвальда Ларссона и подавно: разбитый лоб и порванный костюм не потеха. Пожалуй, больше всего Гюнвальд Ларссон расстраивался из-за костюма. Он был очень разборчив, и на одежду уходила немалая часть его жалованья. И вот опять, в который раз, драгоценный костюм, можно сказать, погиб при исполнении служебных обязанностей. Эйнар Рённ тоже пригорюнился, и даже Колльберг не мог и не желал оценить очевидный комизм ситуации.

Битва на Данквиксклиппан подверглась придирчивому разбору. Тем не менее объяснительная записка была весьма туманна и пестрила уклончивыми оборотами. Составлял ее Колльберг.

Но потери нельзя было скрыть. Троиш пришлось отвезти в больницу. Правда, ни смерть, ни инвалидность им не грозила. У «газовщика» — ранение мягких тканей плеча, у Цакриссона — ожоги на лице. (Кроме того, врачи утверждали, что у него шок, он производит «странное» впечатление и не в состоянии толково ответить на простейшие вопросы. Но это скорее всего объяснялось тем, что они не знали Цакриссона и переоценивали его умственные способности.)

Рённ сидел с пластырем на лбу; его красный от природы нос подчеркивал живописность двух отменных синяков.

Гюнвальду Ларссону, по чести говоря, было место не на службе, а дома — вряд ли можно считать трудоспособным человека, у ко-

торого правая рука и правое колено туго перевязаны бинтами. К тому же изрядная шишка украшала его голову.

У Колльберга голова раскалывалась от боли, которую он приписывал загрязненной атмосфере на поле боя. Специальное лечение — коньяк, аспирин и супружеская ласка — помогло только отчасти.

Поскольку противник в битве не участвовал, его потери были минимальными. Правда, в квартире обнаружили и конфисковали кое-какое имущество, но даже Бульдозер Ульссон не решился бы всерьез утверждать, что утрата рулона туалетной бумаги, картона с ветошью, двух банок брусничного варенья и горы использованного белья может сколько-нибудь удручать Мальмстрёма и Мурена или затруднять их дальнейшие действия.

Без двух минут девять в кабинет ворвался и сам Бульдозер. Он уже успел с утра пораньше посетить два важных совещания и был, что называется, на боевом взводе.

— Доброе утро, привет. Ну как, ребята?

Ребята отнюдь не чувствовали себя ребятами, и он не дождался ответа.

— Что ж, вчера Рус сделал ловкий ход, но не будем из-за этого вешать нос. Скажем так, мы проиграли пешку-другую и потеряли темп.

— А по-моему, это детский мат, — возразил Колльберг.

— Но теперь наш ход, — продолжал Бульдозер. — Тащите сюда Мауритсона, мы ему пулье пощупаем! Он кое-что держит про запас. И он трусит, уважаемые господа, еще как трусит! Знает, что теперь Мальмстрём и Мурен не дадут ему спуска. Отпустить его сейчас — значит оказать ему медвежью услугу. И он это понимает.

Рённ, Колльберг и Гюнвальд Ларссон уставились воспаленными глазами на своего вождя. Пер-

спектива снова что-то затевать по указке Мауритсона им несколько не улыбалась.

Бульдозер критически оглядел их; его глаза тоже были воспалены, веки опухли.

— Знаете, ребята, о чем я подумал сегодня ночью? Не лучше ли впредь для таких операций, вроде вчерашней, использовать более свежие и молодые силы? Как по-вашему? — Помолчав, он добавил: — А то ведь как-то не солидно получается, когда пожилые, степенные люди, ответственные работники бегают, палят из пистолетов, куролесят...

Гюнвальд Ларссон глубоко вздохнул и поник, словно ему вонзили нож в спину.

«А что, — подумал Колльберг, — ведь так оно и есть. — Но тут же возмутился: — Как он сказал? Пожилые?.. Степенные?..»

Рённ что-то пробормотал.

— Что ты говоришь, Эйнар? — приветливо спросил Бульдозер.

— Да нет, я только хотел сказать, что не мы стреляли.

— Возможно, — согласился Бульдозер. — Возможно. Ну все, хватит киснуть. Мауритсона сюда!

Мауритсон провел ночь в камере, правда, с большим комфортом, чем рядовые арестанты. Ему выделили персональную парашу, он даже одеяло получил, и надзиратель предложил ему стакан воды.

Ему сообщили, что Мальмстрём и Мурен не соизволили дожидаться, когда за ними придут. Он был заметно удивлен и озабочен.

И вот Мауритсон снова сидит в окружении детективов. Сидит тихий, скромный человечек с располагающей внешностью.

— Что ж, дорогой господин Мауритсон, — ласково произнес Бульдозер. — Не сбилось то, что мы с вами задумали.

Мауритсон покачал головой.

— Странно, — сказал он. — Я ничего не понимаю. Может быть, у них чутье, шестое чувство?

— Шестое чувство... — задумчиво произнес Бульдозер. — Иной

раз и впрямь начинаешь верить в шестое чувство. Если только Рус...

— Какой еще Рус?

— Да нет, господин Мауритсон, ничего. Это я так, про себя. Меня беспокоит другое. Ведь у нас с вами дебит-кредит не сходится! Как-никак я оказал господину Мауритсону немалую услугу. А он, выходит, все еще в долгу передо мной.

Мауритсон задумался.

— Другими словами, господин прокурор, меня еще не отпустили? — спросил он наконец.

— Как вам сказать. И да, и нет. Что ни говори, махинации с наркотиками — серьезное преступление. Дойди дело до суда, можно получить... — Он посчитал по пальцам. — Да, пожалуй, восемь месяцев. И уж никак не меньше шести.

Мауритсон смотрел на него совершенно спокойно.

— Но, — голос Бульдозера потеплел, — с другой стороны, я посулил на сей раз господину Мауритсону отпущение грехов. Если получу что-то взамен. — Он выпрямился и жестко произнес: — Другими словами: если ты сию минуту не выложишь все, что тебе известно о Мальмстрёме и Мурене, мы официально арестуем тебя как соучастника. В квартире нашли твои отпечатки пальцев. А потом передадим тебя опять Якобссону. Да еще позаботимся о том, чтобы тебя хорошенько вздули.

Гюнвальд Ларссон одобрительно посмотрел на начальника спецгруппы.

— Лично я с удовольствием... — Он не договорил.

Мауритсон и бровью не повел.

— Ладно, — сказал он. — Есть у меня кое-что... Вы накроете и Мальмстрёма, и Мурена, и не только их.

Бульдозер Ульссон расплылся в улыбку.

— Так, так, господин Мауритсон, это уже интересно. И что же вы хотите нам предложить?

Мауритсон покосился на Гюнвальда Ларссона и продолжал:

— Элементарное дело, котенок справится.

— Котенок?

— Да. И вы уж не валите на меня, если опять дадите маху.

— Ну что вы, дорогой Мауритсон, зачем же так грубо. Вы не меньше нашего заинтересованы в том, чтобы их накрыли. Так что у вас там припасено? Выклады-вайте!

— План их следующей операции, — бесстрастно произнес Мауритсон. — Время, место и все такое прочее.

Глаза прокурора Ульссона чуть не выскочили из орбит. Он трижды обежал вокруг кресла Мауритсона.

— Говорите, господин Мауритсон! Все говорите! Считайте, что вы уже свободны! Если хотите, обеспечим вам охрану. Только рассказывайте, дорогой Мауритсон, все рассказывайте!

Члены спецгруппы нетерпеливо окружили доносчика.

— Ладно, — сказал Мауритсон, — слушайте. Я взялся немного помочь Мальмстрёму и Мурену — ходил для них в магазин и все такое прочее. Сами они предпочитали не выходить на улицу. Ну вот, и в том числе я каждый день должен был справляться в табачной лавке в Биркастан на счет почты.

— Чья лавка? — живо спросил Колльберг.

— Пожалуйста, я скажу, да только вам это ничего не даст, я уже проверял. Лавка принадлежит одной старухе, а письма приносили пенсионеры, каждый раз другие.

— Дальше! — поторопил Бульдозер. — Какие письма? Сколько их было?

— За все время было только три письма, — ответил Мауритсон.

— И вы передали их?

— Да, но сперва я их вскрывал.

— Мурен ничего не заметил?

— Нет. Я умю вскрывать письма, такой способ знаю, что никто не заметит. Химия...

— Ну и что же было в этих письмах?

Бульдозеру не стоялось на месте, он перебирал ногами, будто раскормленный петух на противне.

— В первых двух ничего интересного не было, речь шла о каких-то X и Y, которые должны были приехать в пункт Z и так далее. Совсем короткие записки, и все кодом. Просмотрю, заклею опять и несу Мурену.

— А в третьем что?

— Третье пришло позавчера. Очень интересное письмо. План очередной операции, во всех подробностях.

— И эту бумагу вы передали Мурену?

— Не бумагу, а бумаги. Там было три листка. Да, я отнес их Мурену. Но сперва сделал фотокопии и спрятал в надежном месте.

— Дорогой господин Мауритсон. — У Бульдозера даже дыхание перехватило. — Что это за место? Сколько времени нужно вам, чтобы забрать копии?

— Сами забирайте, меня что-то не тянет.

— Когда?

— Как только я скажу, где они.

— Так где же они?

— Спокойно, не жмите на педаль, — сказал Мауритсон. — Товар натуральный, никакого подвоха. Но сперва я должен кое-что получить от вас.

— Что именно?

— Во-первых, бумагу за подписью Якобссона, она лежит у вас в кармане. Та самая, в которой сказано, что подозрение в махинациях с наркотиками с меня снято, предварительное следствие прекращено за отсутствием доказательств и так далее.

— Вот она.

— И еще одну бумагу с вашей подписью, это уже насчет моего соучастия в операциях Мальмстрёма и Мурена. Дескать, дело выяснено, я ни в чем не замешан — все как положено.

Бульдозер Ульссон ринулся к пишущей машинке.

Меньше чем за две минуты бумага была готова. Мауритсон получил оба документа, внимательно прочитал их и сказал:

— Порядок. Конверт с фотокопиями находится в «Шаратоне».

— В отеле?

— Ага. Получите у швейцара до востребования.

— На чье имя?

— На имя графа Филиппа фон Бранденбурга, — скромно ответил Мауритсон.

Члены спецгруппы вытаращили глаза.

Наконец Бульдозер опомнился.

— Замечательно, дорогой господин Мауритсон, замечательно. Может быть, вы пока посидите в другой комнате, совсем недолго, выпьете чашечку кофе со сдобой?

— Лучше чаю, — сказал Мауритсон.

— Чаю... — рассеянно произнес Бульдозер. — Эйнар, позаботься о том, чтобы господину Мауритсону принесли чаю со сдобой... и чтобы кто-нибудь составил ему компанию.

Рённ проводил Мауритсона и тут же вернулся.

— Что дальше делаем? — спросил Колльберг.

— Забираем письма, — ответил Бульдозер. — Сейчас же. Проще всего будет, если кто-нибудь из вас отправится туда, назовется графом фон Бранденбургом и потребует почту. Хотя бы ты, Гюнвальд.

Гюнвальд Ларссон воззрился на него своими фарфоровыми глазами.

— Я? Лучше сразу подам заявление об уходе.

— Тогда придется тебе ехать, Эйнар. Только не говори, в чем

дело, а то еще заартачатся, дескать, не имеем права вылаять почту графа.

— Так, — сказал Рёни. — Филипп фон Бранденбург, граф. У меня тут визитная карточка есть, Мауритсон дал. Они у него в бумажнике лежат, в потайном отделении. Благородство-то какое!

Он показал им: мелкие буквы пепельного цвета, серебряная монограмма в уголке.

— Ладно, трогай! — распорядился Бульдозер. — Живей!!

Рёни вышел.

— Подумать только, — сказал Колльберг. — Если я зайду в лавку, где уже десять лет покупаю продукты, и попрошу поллитра молока в долг, мне шиш покажут. А этакий Мауритсон удостоит своим визитом самый роскошный ювелирный магазин в городе, назовется герцогом Малабарским, и ему тут же выдадут два ящика бриллиантовых колец и десять жемчужных ожерелий на дом для ознакомления.

— Что подделаешь, — отозвался Гюнвальд Ларссон. — Классовое общество...

Бульдозер Ульссон кивнул с отсутствующим видом. Вопросы общественного устройства его не волновали.

Швейцар посмотрел на письмо, потом на визитную карточку и, наконец, на Рённа.

— А вы точно граф фон Бранденбург? — подозрительно осведомился он.

— Ну, понимаете, — промямлил Рёни, — я его посыльный.

— А-а, — протянул швейцар. — Понятно. Пожалуйста, возьмите. И передайте господину графу, что мы всегда к его услугам.

...Три листка из графского конверта оказались такими захватывающими, что Колльберг, Рёни и Гюнвальд Ларссон и час спустя не могли от них оторваться.

Никакого сомнения, на столе спецгруппы и впрямь лежали фотокопии всесторонне разработанного плана очередного налета. И надо признать, замысел был грандиозный.

Речь шла о той большой операции, которую ждали уже несколько недель, но о которой до сего дня, по существу, ничего не знали. И вот теперь вдруг стало известно почти все!

Операция была назначена на пятницу, время — 14.45. По всей

вероятности, подразумевалось либо седьмое число (а это уже завтра), либо четырнадцатое (через неделю).

Многое говорило в пользу «второй альтернативы»; неделя — этого хватит с избытком для самой основательной подготовки. Но даже если Мальмстрём и Мурен нанесут удар безотлагательно, в этих трех листках было достаточно данных, чтобы без труда схватить злоумышленников на месте преступления.

На одном листке — подробный чертеж банковского зала с детальными указаниями, как будет происходить налет, как размещаются участники и автомашины, какими маршрутами уходить.

Бульдозер Ульссон знал все о стокгольмских банках, ему достаточно было одного взгляда на схему, чтобы опознать зал. Это был один из крупнейших новых банков в деловой части города.

План был настолько прост и гениален, что имя автора не вызвало сомнения: Вернер Рус. Во всяком случае, Бульдозер был твердо в этом убежден.

Вся операция распадалась на три независимых звена.

Звено первое — диверсия.

Звено второе — превентивная акция, направленная против главного противника, то есть против полиции.

Звено третье — само ограбление.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

Чтобы осуществить такой план, Мальмстрёму и Мурену требовалось по меньшей мере четыре активных помощника. Два из них даже были названы: Хаузер и Хофф. Судя по всему, им отводилась роль наружной охраны во время налета. Двое других (не исключено, что их больше) отвечали за диверсию и превентивную акцию. В плане они именовались «подрядчиками».

Время диверсии — 14.40, место — Русенлюндсгатан, в южной части города. Необходимые атрибуты — минимум две автомашины и мощный заряд взрывчатки. Судя по всему, смысл этой шумной диверсии заключался в том, чтобы привлечь возможно больше патрульных машин, циркулирующих в центре города и южных предместьях.

За диверсию отвечал «подрядчик А».

Минутой позже — верный тактический ход! — начинается превентивная акция. Эта часть плана, одинаково дерзкая и остроумная, предусматривала блокировку выезда машин, постоянно находящихся в оперативном резерве при полицейском управлении.

Этой частью операции руководил «подрядчик Б».

В случае успеха обеих предварительных акций в 14.45 большая часть мобильных полицейских патрулей оказалась бы связанной на Русенлюндсгатан, а оперативные резервы — запертыми в полицейском управлении на Кунгсхольмене. Что позволило бы Мальмстрёму и Мурену при участии таинственных незнакомцев Хоффа и Хаузера в эту самую минуту нанести удар по банку, не опасаясь вмешательства со стороны полиции.

Для отступления налетчики располагали двумя машинами, да еще четыре на подставе, по одной на каждого. Отход намечалось осуществить в северном направлении, поскольку предполагалось, что почти все полицейские патрули в это время будут заняты в южной части города, а оперативные резервы застрянут на Кунгсхольмене.

Автор плана не забыл даже указать предполагаемые размеры добычи: что-то около двух с половиной миллионов шведских крон.

Эта цифра заставила спецгруппу склониться к выводу, что операция намечена на четырнадцатое июля. Ибо из телефонного разговора с банком выяснилось, что как раз в этот день там вполне можно будет набрать такую сумму в разной валюте. Если же

банда нанесет удар завтра, добыча будет гораздо меньше.

Большинство пунктов плана было изложено открытым текстом, а закодированные легко расшифровывались.

— «У Жана длинные усы», — прочел Колльберг. — Известная фраза. Во время второй мировой войны такой сигнал союзники передавали французским партизанам перед высадкой. — Заметив просительный взгляд Рённа, он пояснил: — Расшифровывается очень просто: *Начинаем, ребята*.

— И в конце тоже все понятно, — сказал Гюнвальд Ларссон. «Оставить корабль». Правда, по-английски написано, вот Мауритсон и не постиг. Приказ немедленно уносить ноги. Оттого и была квартира пуста. Видно, Рус не доверял Мауритсону и велел им сменить крышу.

— И еще одно слово под конец: «Милан», — заметил Колльберг. — Это как понимать?

— *Сбор и дележка в Милане*, — уверенно объявил Бульдозер. — Да только они дальше банка никуда не денутся. Если мы их вообще туда пустим. Считайте, что партия уже выиграна.

— Это точно, — подтвердил Колльберг. — Похоже на то.

Теперь, когда они знали план, нетрудно было принять контрмеры. Что бы ни произошло на Русенлюндсгатан — не обращать особенного внимания. А что касается полицейских машин на Кунгсхольмене, то надо лишь позаботиться о том, чтобы к моменту превентивной акции они не стояли во дворе управления, а были целесообразно размещены в районе банка.

— Так, — рассуждал Бульдозер, — план составлен Вернером Русом, это несомненно. Но как это доказать?

— А пишущая машинка? — высказался Рённ.

— Привязать текст к электрической машинке почти невозможно. На чем бы его подловить?

— Ты прокурор — твоя забота, — сказал Колльберг. — У нас ведь главное — предъявить обвинение, а там, будь человек сто раз невиновен, все равно осудят.

— Но Вернер Рус как раз виновен, — возразил Бульдозер.

— А что с Мауритсоном будем делать? — поинтересовался Гюнвальд Ларссон.

— Отпустим, что же еще, — рассеянно ответил Бульдозер. — Он свою роль сыграл, с него больше нечего спросить.

— Так уж и нечего, — усомнился Гюнвальд Ларссон.

— Следующая пятница, — меч-

тательно произнес Бульдозер. — Подумать только, что нас ждет.

— Вот именно, только подумать, — кисло повторил Колльберг.

Зазвонил телефон: ограбление банка в Веллингбю.

Оказалось, ничего интересного. Игрушечный пистолет, вся добыча — пятнадцать тысяч. Злоумышленника схватили через час, когда он, еле держась на ногах, раздавал деньги прохожим в парке Хюмлегорден. За этот час он успел напиться пьяным и купить сигару, да еще, в довершение всего, получил пулю в ногу от не в меру усердного постового.

С этим делом спецгруппа разобралась, не покидая штаба.

Рённ направился в свой кабинет.

За его столом сидел человек, которого он очень давно не видел. Мартин Бек.

XX

Окно кабинета Эйнара Рённа в штабе уголовной полиции на Кунгсхольмсгатан выходило во двор, открывая хозяину вид на огромный котлован. Постепенно из этой ямы вырастет роскошное новое здание ЦПУ. От ультрасовременного колосса в сердце Стокгольма полиция протянет свои щупальца во все стороны и крепко стиснет ими незадачливых граждан. Ведь не все же могут уехать за границу и не каждый способен покончить с собой.

Новое здание должно служить олицетворением силы и власти. Облегчить централизованное управление в тоталитарном духе, а заодно стать крепостью, твердыней, закрытой для посторонних глаз. Роль посторонних отводилась в этом случае всему народу.

И еще один важный мотив: над шведской полицией в последнее время много смеялись. Слишком много. Теперь смеху будет положен конец.

Впрочем, все это пока не выходило за пределы сокровенных чаяний, лелеяемых кучкой людей. И то, что при благоприятных политических зигзагах могло трансформироваться в средоточие ужаса и кошмара, пока что было всего лишь огромной ямой в каменистой почве острова Кунгсхольмен.

И по-прежнему из окна Рённа можно было созерцать верхнюю часть Бергсгатан и пышную зелень Крунубергского парка.

Мартин Бек встал с кресла и подошел к окну. Ему было видно даже окно той самой квартиры,

где Карл Эдвин Свард так долго пролежал мертвый и всеми забытый.

— Прежде чем стать специалистом по банковским налетам, ты расследовал один смертный случай. Фамилия покойного — Свард.

Рёни смущенно улыбнулся.

— Специалистом... Не слгзлы!

Рёни был человек как человек, но в характере ничего общего с Мартином Беком, поэтому сотрудничество у них не ладилось.

— А насчет Сварда ты прав, — продолжал он. — Я как раз занимался этим делом, когда меня отрядили в распоряжение специальной группы.

— Отрядили в распоряжение?

— Ну да, направили в спецгруппу.

Мартин Бек поморщился. Сам того не замечая, Рёни сбивается на военный жаргон... Два года назад в его речи не было словечек вроде «отрядили в распоряжение»...

— Хорошо, а к какому выводу ты пришел?

Рёни помял свой красный нос и пробурчал:

— Я не успел копнуть как следует. А почему ты спрашиваешь? — Потому что поручили это дело мне. Своего рода трудовая терапия.

— Ну да... Дурацкое дело. Совсем как в детективном романе. Убитый старик в комнате, которая заперта изнутри. А тут еще...

Рёни умолк, словно чего-то устыдился.

— Да говори же, что еще?

— Да нет, просто Гюнвальд сказал, что для начала мне следовало бы арестовать самого себя.

— Это почему же?

— В качестве подозреваемого. Да ты погляди — видишь? Дескать, я мог сам застрелить его отсюда, из окна моего кабинета. Каково?

Мартин Бек не ответил, и Рёни окончательно смешался.

— Да нет, это он пошутил, конечно. И ведь окно Сварда было закрыто изнутри. И штора опущена, и стекло целое. К тому же...

— Ну, что к тому же?

— К тому же я никудышный стрелок. Один раз с восьми метров промахнулся по лосю. После того отец не давал мне ружья. Только термос доверял, водку да бутерброды. Так что...

— Что?

— Да ведь тут двести пятьдесят метров. Если я с восьми метров по лосю промазал, так неужели попаду по такой цели из пистолета! Ох, ты извини меня, ради бога... Я просто не подумал...

— Что не подумал?

— Да нет, я все время говорю про пистолеты, про стрельбу, а ведь тебе это должно быть неприятно.

— Ничуть. Ну и что же ты все-таки успел сделать?

— Да почти ничего. Провели научно-техническое исследование, но к тому времени там уже столько наптали... Еще я позвонил в химическую лабораторию, спросил, проверяли руки Сварда на следы пороха или нет. Оказалось, не проверяли. И в довершение всего...

— Ну что?

— Да то, что трупа уже не было. Кремировали. Хорошенькая история. Дознание, называется.

— Ну ладно. А биографией Сварда ты занимался?

— Да нет, не успел. Но я затеял одно дело.

— Какое же?

— Сам понимаешь, если человек убит из пистолета, должна быть пуля. А баллистической экспертизы не провели. Ну, я и позвонил патологоанатому — между прочим, оказалась женщина, — и она сказала, что положила пулю в конверт, а конверт этот куда-то засунула. Словом, халатность на каждом шагу.

— А дальше?

— А дальше она никак не могла найти его, конверт тот. Я ей велел, чтобы непременно разыскала и отправила пулю на баллистическую экспертизу. Ну а потом дело у меня забрали.

Глядя на дома вдаль, на Бергсгата, Мартин Бек задумчиво потер переносицу.

— Послушай, Эйнар, — сказал он. — А что ты лично думаешь об этом случае? Твое частное мнение?

В полиции личное и частное мнение о следственных делах обсуждается только между близкими друзьями.

Мартин Бек и Рёни никогда не были ни друзьями, ни недругами. Рёни был явно озадачен вопросом Мартина Бека. Наконец он заговорил:

— По моему, в квартире был револьвер, когда туда вломились постовые.

Почему именно револьвер? Очень просто: гильзу не нашли. Значит, Рёни кое-что соображает. В самом деле: на полу — скажем, под трупом — лежал револьвер. Потом кто-то его забрал.

— Но ведь тогда выходит, кто-то из полицейских неправду говорит?

Рёни уныло покачал головой.

— Да нет... Я сказал бы по-

другому — просто они дали маху, а потом решили покрывать друг друга. Допустим, Свард покончил с собой, и револьвер лежал под трупом. Тогда ни полицейские, ни Гюставссон, которого они вызвали, не могли увидеть его, пока тело оставалось на месте. А когда труп увезли, у них опять же руки не дошли пол проверить.

— Ты знаешь Альдора Гюставссона?

— Знаю. — Рёни заерзал.

— Еще одно дело, Эйнар, — сказал Мартин Бек.

— Какое?

— Важное: ты разговаривал с Кристьянссоном и Квамту? Когда я вышел на работу в понедельник, только один из них был на месте, а теперь ни одного засгать не могу.

— Ну как же, я обоих вызывал.

— И что они показали?

— То же самое, что написали в донесении, ясное дело. Что с той минуты, когда они взломали дверь, и пока не ушли, в квартире побывало только пятеро.

— То есть, они сами, Гюставссон и двое, которые увезли тело?

— Точно так.

— Ты, конечно, спросил, смотрели ли они под трупом?

— Конечно. Квамту сказал, что смотрел. А Кристьянссон предпочел держаться подальше.

Мартин Бек продолжал нажимать.

— И, по-моему, Квамту сказал неправду?

Рёни замаялся.

«Сказал ведь «а», — подумал Мартин Бек, — так не тяни, говори «б!»»

Рёни потрогал пластырь на лбу.

— Недаром мне говорили, что не дай бог попасть к тебе на допрос.

— А что?

— Да ничего, только похоже, что верю говорили.

— Извини, но, может быть, ты все-таки ответишь на мой вопрос?

— Я не специалист по свидетельской психологии, — сказал Рёни. — Но мне показалось, что Квамту говорил правду.

— У тебя концы с концами не сходятся, — холодно заметил Мартин Бек. — С одной стороны, ты допускаешь, что в комнате был револьвер, с другой стороны, считаешь, что полицейские говорили правду.

— А если другого объяснения нет, тогда что?

— Не сердись, Эйнар, я ведь тоже верю Квамту.

— Но ты же с ним не разговаривал, сам сказал, — удивился Рёни.

— Ничего подобного я не говорил. Я беседовал с Квастму во вторник. Но у меня в отличие от тебя не было случая расспросить его по-человечески, в спокойной обстановке.

Рённ надудлся.

— Нет, с тобой и вправду тяжело говорить.

Он выдвинул средний ящик стола и достал блокнот. Полистал его, вырвал листок и протянул Мартину Беку.

— Вот держи — может, пригодится, — сказал он. — Ведь Свард совсем недавно переехал сюда, на Кунгсхольмен. Я выяснил, где он жил прежде. Но тут дело ушло от меня. На, держи.

Мартин Бек поглядел на бумажку. Фамилия, номер дома, название улицы — Тюлегатан.

— Спасибо, Эйнар.

Рённ промолчал.

— Пока.

Рённ кивнул.

Мартин Бек покинул кабинет и вышел из здания уголовной полиции. Быстро шагая по Кунгсхольмсгатан, он дошел до Королевского моста, пересек пролив, по Кунгсгатан вышел на Свеавеген и повернул налево.

Улучшить отношения с Рённом было бы совсем нетрудно: сказать ему доброе слово, похвалить.

Что ни говори, Рённ тотчас уразумел, что под трупом мог лежать револьвер, — обстоятельство крайне существенное. Точно ли Квастму осматривал пол после того, как увезли тело? И ведь строго говоря, если он этого не сделал, какой с него спрос? Обыкновенный постовой, а тут появляется Гюставссон, он старше чином, он криминалист, так что его категорические выводы снимали ответственность с полицейских.

А если Квастму не осматривал пол, это в корне меняет дело. После того как тело увезли, полицейские опечатали квартиру и уехали. Но что означало в данном случае «опечатать квартиру»?

Ведь для того чтобы проникнуть внутрь, пришлось снять дверь с петель, причем еще до этого над ней крепко поработали. В итоге опечатывание свелось к тому, что полицейские протянули веревочку от косяка до косяка и повесили стандартную бумажку, возвещающую, что вход воспрещен согласно такому-то параграфу. Пустая формальность, при желании кто угодно мог без труда проникнуть внутрь. И унести что-нибудь — например, огнестрельное оружие.

Но тут возникают два вопроса. Во-первых, получается, что Кваст-

му намеренно солгал и притом так искусно, что убедил не только Рённа, но и самого Мартина Бека. А ведь Рённ и Мартин Бек отнюдь не новички, им не так-то просто заморочить голову. Во-вторых, если Свард застрелился сам, зачем кому-то понадобилось прятать оружие? В этом нет никакого смысла. Как и в том, что покойник лежал в комнате, которая была надежно заперта изнутри и в которой к тому же не найдено оружия.

Судя по всему, у Сварда не было близких родственников. Известно также, что он ни с кем не водил компании. Но если у него не было даже знакомых, кому на руку его смерть?

В общем надо выяснить целый ряд вопросов. И в частности, проверить еще одну деталь, связанную с событиями, которые происходили в воскресенье 18 июня. Но прежде всего необходимо побольше узнать о Карле Эдвине Сварде.

На листке, полученном от Рённа, помимо адреса, была фамилия. «Квартиросдатчик: Рея Нильсен».

Кстати, вот и нужный ему дом. Взглянув на доску с перечнем жильцов, он убедился, что хозяйка дома проживает тут же.

Мартин Бек поднялся на третий этаж.

XXI

Серый фургон, никаких особых примет, если не считать номерные знаки... Люди, работающие на этом фургоне, были одеты в комбинезоны примерно такого же цвета, как машина, и ничто в их внешности не выдавало их занятия: то ли слесари-ремонтники, то ли работники одной из муниципальных служб.

Мартин Бек не застал хозяйку дома на Тюлегатане, зато тут ему повезло. Два труженика в серых комбинезонах сидели возле своего «фольксвагена» и тянули пиво, не обращая внимания на едкий запах дезинфекции и еще на один аромат, которого никакая химия на свете не может истребить.

Задняя дверца машины была, естественно, открыта, поскольку кузов старались проветривать при каждом удобном случае.

В этом прекрасном городе двое в комбинезонах исполняли специфическую и весьма важную функцию. Их повседневная работа заключалась в том, чтобы переправлять самоубийц и иных малопочтенных покойников из домашней обстановки в другую, более подходящую.

Подобно многим другим, кому приходится исполнять не самые приятные обязанности, водитель фургона и его напарник относились к своей работе с завидным хладнокровием и нисколько не преувеличивали собственной роли в механизме так называемого процветающего общества. О делах службы толковали преимущественно лишь между собой, ибо давно убедились, что большинство слушателей воспринимает эту тему весьма и весьма негативно, особенно когда соберется веселые собутыльники или подруги жизни пригласят одна другую на чашку кофе.

С сотрудниками полиции они общались каждый день, однако все больше с рядовыми детективами.

Так что внимание комиссара полиции, который к тому же удосужился лично прийти, было для них даже отчасти лестным.

Тот, который побойчее, вытер губы рукой и сказал:

— Ну как же, помню. Бергсгатан — точно?

— Совершенно верно.

— Вот только фамилия мне ничего не говорит. Как вы сказали — Скэт?

— Свард.

— Мимо. Нам ведь фамилии ни к чему.

— Понятно.

— К тому же это было в воскресенье, а по воскресеньям нам особенно жарко приходится.

— Ну а полицейского, которого я назвал, не помните? Кеннет Квастму?

— Мимо. Фамилии для меня звук пустой. А вообще-то фараон там стоял, все наблюдал за нами.

— Это когда вы тело забирали? — Во-во, когда забирали. Мы еще решили, что этот, видно, матерый.

— В каком смысле?

— Так ведь фараоны бывают двух родов. Одних тошнит, другим хоть бы что. Этот даже нос не зажал.

— Значит, он стоял там все время?

— Ну да, я же говорю. Небось следил, насколько добросовестно мы исполняем свои обязанности...

Его товарищ усмехнулся и хлебнул пива.

— Еще один вопрос, последний.

— Валайте.

— Когда вы поднимали тело, под ним ничего не лежало?

— А что там могло лежать?

— Пистолет, скажем. Или револьвер... Мне важно знать, не было ли на полу под покойником какого-нибудь оружия?

— Ничегошеньки. И ведь полицейский тут же стоял, глаз не сводил. Он еще остался там, когда мы уложили клиента в цинковый ящик и отчалили. Точно, Арне?

— Как в аптеке.

— Вы абсолютно уверены?

— Сто пятьдесят процентов. Под этим клиентом ничего не лежало, кроме отборной коллекции циннома и мортурорум.

— Это еще что такое?

— Трупные черви.

— Значит, уверены.

— Чтоб мне провалиться.

— Спасибо, — сказал Мартин Бек.

И ушел. После его ухода разговор еще некоторое время продолжался.

— Здорово ты его уел, — сказал Арне.

— Чем?

— Да этим греческим названием. А то ведь эти шишки думают, что все остальные только на то и годятся, что тухлых жмуриков возить.

Зазвонил телефон. Арне взял

трубку, буркнул что-то и повесил трубку на место.

— Черт бы его побрал, — сказал он. — Опять висельник.

— Что поделаешь, — скорбно вздохнул его коллега. — Се ля ви.

— Не люблю висельников, честное слово. Что ты там опять загнул?

— Да ничего, поехали.

Похоже было, что Мартин Бек изучил весь фактический материал, касающийся странного самоубийства на Бергсгатан. Во всяком случае, он достаточно четко представлял себе, что сделано полицией. Оставалось еще одно важное дело: разыскать заключение баллистической экспертизы, если таковая вообще производилась. О самом Сварде он по-прежнему знал очень мало, хотя и принимал меры, чтобы собрать сведения.

Бурные события среды совершенно не коснулись Мартина Бека. Он ничего не слышал о банковских налетах и о невзгодах спецгруппы. Побывав во вторник в квартире Сварда, он сперва от-

правился в уголовную полицию. Там все были поглощены своими проблемами, всем было некогда. Тогда он прошел в здание ЦПУ. И сразу услышал в кулуарах слух, который сперва показался ему просто смешным. Но поразмыслив, он расстроился.

Кажется, его намерены повысить. Повысить? И куда же его назначат? Начальником канцелярии? Заместителем начальника ЦПУ по вопросам быта и гигиены?

Звание комиссара полиции ему присвоили недавно, в 1967 году, и он вовсе не рассчитывал на дальнейшее продвижение по служебной лестнице. Так откуда же этот слух? Должны быть какие-то резоны. Какие?

Мартин Бек мог представить себе два мотива.

Первый: его хотят выжить с поста начальника отдела расследования убийств. Так сильно хотят, что готовы придать ему ускорение вверх по бюрократической лестнице — самый распространенный способ отделываться от нежелательных или откровенно не-

радивых должностных лиц. Второй мотив казался ему более правдоподобным. К сожалению, он и более унижен для обеих сторон. Пятнадцать месяцев назад Мартин Бек едва не приказал долго жить. Он единственный в современной истории шведской полиции высокий чин, раненный пулей злоумышленника. Случай этот вызвал много шума, и поведение Мартина Бека изображали как подвиг. Дело в том, что у полиции по вполне естественным причинам острый дефицит героев, а посему заслуги Мартина Бека раздували сверх всякой меры.

Итак, полицейское сословие обзавелось своим героем. А как отметить героя? Медаль он успел получить еще раньше. Значит, его надо хотя бы повысить!

У Мартина Бека было вдоволь времени, чтобы анализировать события злополучного апрельского дня 1971 года, и он уже давно пришел к выводу, что действовал неправильно не только в моральном, но и в чисто профессиональном смысле. И он отлично понимал, что задолго до него к такому же выводу пришли многие его коллеги. Он схватил пулю из-за собственной дурачности. И за это его теперь собираются назначить на более высокую и ответственную должность.

Весь вечер вторника он размышлял об этом казусе, но, как только в среду пришел в кабинет на Вестберга алле, всецело переключился на дело Сварда. Сидя в одиночестве за сядим столом, он с холодной и неумолимой систематичностью прорабатывал материалы следствия.

И в какой-то момент поймал себя на мысли, что, пожалуй, это для него в общем-то самый подходящий вариант: работать над делом в одиночку, привычными методами, без помех со стороны. Он всегда был склонен к уединению, а теперь и вовсе начал превращаться в отшельника и не ощущал стремления вырваться из окружающей его пустоты. В глубине души он чувствовал, что ему чего-то недостает. Чего именно? Может быть, подлинной увлеченности.

Этак недолго стать роботом, функционирующим под колпаком из незримого стекла...

Дело, которым Мартин Бек сейчас занимался, не задевало его профессиональное самолюбие. В его отделе процент успешного расследования был высок; во многом благодаря тому, что дела чаще всего были несложные, виновные быстро сдавались и признавали свою вину.

К тому же отдел расследования убийств был неплохо оснащен техникой. В этом его превосходила только полиция безопасности, в существовании которой было мало смысла, ведь она по-прежнему занималась преимущественно учетом коммунистов, упорно закрывая глаза на разного рода фашистские организации, и, чтобы не остаться совсем без дела, ей приходилось измышлять несуществующие политические преступления и мнимые угрозы для безопасности страны. Результат был смехотворный. Однако полиция безопасности представляла собой тактический резерв для борьбы против нежелательных идейных течений, и нетрудно было представить себе ситуации, когда ее деятельность станет отнюдь не смехотворной...

Конечно, случались осечки и у отдела расследования убийств, бывало, что следствие заходило в тупик, и в архив ложилось нераскрытое дело. Причем нередко и злоумышленник был известен, да не хватало улик. Так уж бывает: чем примитивнее насильственное преступление, тем скуднее доказательства.

Дело Сварда было куда необычнее; Мартин Бек не помнил ничего похожего в своей практике. Казалось бы, это должно его подхлестнуть, но он равнодушно относился к загадкам и не испытывал ни малейшего азарта. К тому же исследование, которое он провел в среду, сидя в своем кабинете, почти ничего не дало. Данные о покойном, почерпнутые из обычных источников, оказались слишком скудными.

В уголовной картотеке Карл Эдвин Свард не значился, но из этого вытекало только то, что он никогда не привлекался к суду, а мало ли преступников благополучно уходят от карающей руки правосудия? Не говоря уже о том, что закон сам по себе призван охранять сомнительные интересы определенных классов, и пробелов в нем больше, чем смысла.

Судя по тому, что карточка Сварда в ведомстве контроля была чиста, он не был алкоголиком, ибо власти пристально следят за тем, сколько спиртного покупают такие люди, как Свард. В Швеции, когда пьет буржуазия, это называется «умеренным потреблением спиртных напитков», а простой люд сразу зачисляют в ряд алкоголиков, нуждающихся в лечении. И оставляют без лечения.

Свард всю жизнь был складским рабочим; в последнее время работал в экспедиционной фирме.

Он жаловался на боли в спине — обычный для его профессии недуг — и в пятьдесят шесть лет получил инвалидность. После чего, судя по всему, перебивался, как мог, на пенсию, пополнив собой ряды тех членов общества, для блага которых на прилавках продуктовых магазинов отводятся так много места банкам с собачьим и кошачьим кормом.

Кстати, в кухонном шкафу Сварда только и нашли съестного, что наполовину опустошенную банку с надписью «Мяу».

Вот и все, что Мартину Беку удалось выяснить в среду. Если не считать еще кое-каких мало-значительных фактов.

Свард родился в Стокгольме, его родители скончались в сороковых годах, он никогда не был женат и не имел детей.

За помощью в органы социального обеспечения не обращался. В фирме, где он работал до ухода на пенсию, его никто не помнил. Врач, который подписал заключение об инвалидности, отыскал в своих бумагах записи о том, что пациент не способен к физическому труду и слишком стар, чтобы освоить новую профессию. К тому же сам Свард заявил врачу, что его не тянет больше работать, он не видит в этом никакого смысла.

Может быть, и выяснять, кто его убил и зачем, тоже нет никакого смысла. К тому же способ убийства настолько непонятен, что, похоже, надо сперва отыскать убийцу и спросить его, как было дело...

Но это все было в среду, а в четверг, примерно через час после беседы с водителем фургона, Мартин Бек снова подошел к дому на Тюлегатан.

Рабочий день кончился, но ему не хотелось идти домой. Он опять поднялся на третий этаж и остановился перевести дух. Еще раз прочел надпись на овальной табличке. На белой эмали зеленые буквы: «Рея Нильсен».

Электрического звонка не было, но на притолоке висел шнур. Мартин Бек дернул его и стал ждать. Колокольчик послушно звякнул. Но никто не реагировал на его зов.

Дом был старый, и через вставленные в створки ребристые стекла Мартин Бек видел свет в прихожей. Значит, дома кто-то есть. Выждав немного, он снова дернул шнур. На этот раз после звонка послышались торопливые шаги, и за стеклом возник чей-то силуэт.

У Мартина Бека давно выработалась привычка первым делом составлять себе общее представление о людях, с которыми его сталкивала служба. Или, выражаясь профессиональной прозой, регистрировать приметы.

Женщине, — которая открыла дверь, на вид было не больше тридцати пяти, но что-то подсказывало ему, что на самом деле ей около сорока. Рост невысокий, что-нибудь около метра пятидесяти восьми. Плотное телосложение, но не коренастая, а скорее стройная и подтянутая.

Лицо энергичное, не совсем пропорциональное; строгие голубые глаза смотрели на него в упор, обличая человека решительного, с боевым характером. Волосы светлые, прямые, коротко остриженные; в данную минуту — мокрые и не расчесанные. Он уловил приятный запах какого-то шампуня.

Одета она была в белую блузку и поношенные джинсы, цвет которых свидетельствовал, что они не один десяток раз побывали в стиральной машине. Блузка на плечах влажная.

Так... Плечи сравнительно широкие, бедра узкие, загорелые руки покрыты светлым пушком. Босая. Ступня маленькая, пальцы прямые, как у людей, предпочитающих носить свободную обувь, а то и вовсе обходиться без обуви.

Мартин Бек поймал себя на том, что рассматривает ее ноги с таким же профессиональным вниманием, с каким привык штудировать следы крови и трупные пятна, и перевел взгляд на ее лицо.

Глаза пытливые, брови чуть нахмурены...

— Я мыла голову, — сказала она.

Голос был несколько хриплый то ли от простуды, то ли от курения, то ли просто от природы.

Он кивнул.

— Я кричала: «Войдите!» Два раза кричала. Дверь не заперта. Когда я дома, обычно не запираю. Разве что отдохнуть хочется. Вы не слышали, как я кричала?

— Нет. Вы — Рея Нильсен?

— Да. А вы из полиции?

Мартин Бек не жаловался на смекалку, но сейчас он, похоже, встретил человека, способного дать ему несколько очков вперед. В один миг она верно классифицировала его и к тому же, судя по выражению глаз, уже составила себе общее представление о нем. Какое именно?

Разумеется, это легко объяснить тем, что она ждала гостей из полиции... Нет, не похоже.

Мартин Бек полез в бумажник за удостоверением. Она остановила его:

— С меня достаточно, если вы представитесь. Да входите, ради бога. Насколько я понимаю, вы хотите о чем-то спросить. И предпочитаете разговаривать не на лестнице. Я тоже.

Мартин Бек опешил, самую малость, что с ним бывало крайне редко.

Хозяйка круто повернулась и пошла, ему оставалось только следовать за ней.

С одного взгляда трудно было разобраться в планировке квартиры, но он обратил внимание на то, что комнаты обставлены со вкусом старой, хотя и разнообразной мебели.

Приколотые кнопками детские рисунки свидетельствовали, что хозяйка живет не одна. Кроме этих рисунков, стены украшали живопись, графика, старые фотографии в овальных рамках, а также вырезки из газет и плакаты, в том числе два с портретами видных коммунистических деятелей. Много книг — и не только на полках, внушительная коллекция пластинок, стереопроектор, две старые, хорошо послужившие пишущие машинки, стопки газет и соединенных скрепками бумаг, смахивающих на полицейские донесения. Скорее всего курсовые задания; следовательно, хозяйка учится заочно.

Они миновали детскую; судя по царившему в ней порядку, обитатели этой комнаты находились в отлучке.

Что же, лето есть лето, дети более или менее обеспеченных родителей отдыхают в деревне, подальше от зачумленного города.

Она оглянулась на него через плечо — без особой приязни — и сказала:

— Ничего, если потолкуем на кухне? Или вас это не устраивает? — Голос не ласковый, но и не враждебный.

— Сойдет.

Они вошли на кухню.

— Тогда присаживайтесь.

Шесть стульев — все разные и все ярко окрашенные — окружали большой круглый стол. Мартин Бек сел на один из них.

— Одну минуточку, — сказала хозяйка.

В ее поведении сквозила какая-то нервозность, но Мартин Бек чувствовал, что он тут ни при чем, просто такой у нее харак-

тер. Возле плиты на полу стояли красные деревянные башмаки. Она сунула в них ноги и, громко топая, вышла из кухни.

Раздался какой-то стук, загудел электромотор.

— Вы еще не представились, — услышал он ее голос.

— Бек. Мартин Бек.

— Значит, в полиции служите?

— Да.

— Где именно?

— Уголовная полиция.

— Жалованье по двадцать пятому классу?

— По двадцать седьмому.

— Ишь ты. Недурно.

— Еще бы.

— А чин какой?

— Комиссар.

Мотор продолжал жужжать; знакомый звук... Он уже сообразил, чем она занята: пылесосом сучит волосы.

— Рея, — представилась она. — Да вы и так знаете. И на двери написано.

Кухня, как во многих старых домах, была просторная, кроме обеденного стола, в ней разместились газовая плита, рабочий столик, холодильник, двухкамерная мойка да еще осталось вдоволь свободного места. На полке, над рабочим столиком, стояли горшки и кастрюли; ниже полки на гвоздях висели пучки полыни и чабреца, гроздь рябины, сушеные опята и сморчки и три длинные плети чеснока. Этот набор был не так уж необходим в хозяйстве, но распространял приятный аромат и вызывал ощущение домовитости. Правда, полынь и рябина хороши для настоек, а чабрец — недурная приправа к гороховому супу. Грибы тоже неплохо, если знаешь, как их приготовить. А вот чеснок явно висел для красоты, ибо такого количества хватило бы на целую жизнь.

Хозяйка вышла на кухню, расчесывая волосы, и перехватила его взгляд:

— Это против клопов.

— Чеснок?

— Ну да. Вы не ходите в кино? На все случаи жизни ответ дает.

Влажную блузку сменила какая-то бирюзовая безрукавка, смахивающая на нижнюю рубашку.

— Полицейский, значит, — сказала она. — Комиссар уголовной полиции.

Слегка нахмурясь, она испытующе посмотрела на него.

— Вот уж не думала, что чиновники двадцать седьмого класса самолично посещают клиентов.

— Верно, обычно они этого не делают, — согласился он.

Она села, но тотчас встала опять.

«Ладно, пора приступать к делу» — подумал Мартин Бек.

— Если я вас правильно понял, вы не очень одобрительно относитесь к полиции, — начал он.

Ее глаза скользнули по нему.

— Точно. Не припомню случая, чтобы мне когда-нибудь была от нее польза. И не только

мне. Зато знаю многих, кому она причинила неприятности, даже страдания.

— В таком случае постараюсь не слишком обременять госпожу Нильсен.

— Рея, — сказала она. — Все зовут меня Рея.

— Если не ошибаюсь, этот дом принадлежит вам?

— Мне. Получила в наследство несколько лет назад. Но для полиции здесь нет ничего интересного. Ни наркоманов, ни иг-

роков, даже проституток и воров нет.

Она помолчала.

— Разве что небольшая подпольная деятельность ведется. Крамольные мысли. Но ведь вы не из политической полиции.

— Вы уверены?

Она вдруг рассмеялась — от души, заразительно.

— Я не совсем дура.

«Да уж это верно», — сказал себе Мартин Бек.

— Вы правы, — продолжал он

вслух. — Я занимаюсь по большей части насильственными преступлениями. Намеренные и ненамеренные убийства.

— Чего нет, того нет. За последние три года даже ни одной драки не было. Правда, зимой кто-то взломал дверь на чердак и утащил разный хлам. Пришлось обратиться в полицию, страховые компании этого требуют. Из полиции никто не пришел — им некогда было, но страховку я получила. Главное — формальность соблюсти. — Она почесала затылок. — Ну так что тебе надо?

— Потолковать об одном из жильцов.

— Из моих жильцов?

Она нахмурилась. В интонации, с которой было произнесено слово «мои», сквозило удивление и беспокойство.

— Из бывших жильцов, — пояснил он.

— В этом году только один переехал.

— Свярд.

— Правильно, жил у меня один по фамилии Свярд. Переехал весной. А что с ним?

— Умер.

— Его убили?

— Застрелили.

— Кто?

— Возможно, самоубийство. Немы в этом не уверены.

— Послушай, а нельзя нам разговаривать как-нибудь попроще?

— Пожалуйста. Что вы подразумеваете? Чтобы я тоже перешел на «ты»?

Она пожала плечами.

— Терпеть не могу официальный тон в разговоре. Нет, конечно, я могу быть весьма корректной, если это необходимо. А могу и пококетничать — принарядиться, подкрасить губы, оттенить глаза.

Мартин Бек слегка растерялся. — Чаю хочешь? — вдруг предложила она. — Отличная штука — чай.

Ему очень хотелось чая, но он ответил:

— Нет-нет, зачем же столько хлопот.

— Пустяки, — возразила она. — Вздор. Погоди-ка, сейчас будет чай, и поесть что-нибудь придумаю.

От ее слов у него сразу разыгрался аппетит. Она продолжала говорить, предвзято его откалывая.

— От силы десять минут. Я постоянно что-нибудь стряпаю. Уже руку набила. Это даже полезно. Нельзя поддаваться унынию. Когда на душе очень погано, приготовить что-нибудь вкусненькое.

Вскипачу чайник, хлеба поджарю, потом можно и потолковать.

Мартин Бек понял, что отказываться бесполезно. Видно, эта маленькая женщина не лишена упрямства и силы воли, умеет на своем настоять.

— Спасибо, — покорно произнес он.

Она уже действовала. С шумом, с грохотом, зато толково и быстро.

Мартин Бек никогда еще не видел такой сноровки во всяком случае, в Швеции.

Семь минут ушло у нее на то, чтобы приготовить чай и шесть ломтей поджаренного хлеба с тертым сыром и кружками помидора. Пока она молча трудилась, Мартин Бек пытался сообразить, сколько же ей все-таки лет.

Садясь напротив него, она сказала:

— Тридцать семь. Хотя кажусь моложе.

Мартин Бек оторопел.

— Как ты угадала...

— А что, ведь верно угадала? — перебила она. — Ешь.

Бутерброды были очень вкусные.

— Я вечно голодная, — объяснила Рея. — Ем десять, а то и двенадцать раз в день. И ни капельки не толстею. А хоть бы и потолстела. Несколько килограммов больше или меньше ничего не меняют. Во всяком случае, я не меняюсь. Правда, если не поем, огрызаться начинаю.

Она живо управилась с тремя бутербродами. Мартин Бек съел один, подумал и взял второй.

— Похоже, ты не очень лестного мнения о Сварде, — сказал он.

— Что верно, то верно.

Они понимали друг друга с полуслова. И оба почему-то считали это вполне естественным.

— У него был какой-нибудь заскок?

— Вот именно, — подтвердила Рея, — с причудами мужчины, большой оригинал. Я никак его не могла раскусить и была счастлива, когда он переехал. А что же с ним все-таки произошло?

— Его нашли в его квартире восемнадцатого июня. Минимум полтора месяца пролежал мертвый, если не два.

Она поежилась.

— Кошмар. Пожалуйста, не надо подробностей. Я слишком впечатлительна, чтобы всякие ужасы слушать. Потом еще приснится...

Он хотел сказать, что она может быть спокойна, но понял, что в этом нет надобности, тем

более что она уже продолжала:

— Одно могу сказать тебе точно.

— Что именно?

— В моем доме ничего подобного не случилось бы.

— Это почему же?

— Потому что я бы этого не допустила.

Она подперла левой ладонью подбородок. У нее был довольно крупный нос, руки крепкие, ногти острижены. Глаза строго смотрели на Мартина Бека.

Вдруг она поднялась и подошла к полке. Покопалась, отыскала спички, сигареты и закурила, сильно затягиваясь.

Потом потушила сигарету, съела еще один бутерброд и откинулась на спинку стула, понурив голову и положив локти на колени. Наконец, подняла взгляд на Мартина Бека:

— Может быть, я не упустила бы его от смерти, но, во всяком случае, он не пролежал бы так два месяца. И двух дней не пролежал бы.

«Да уж наверно», — сказал себе Мартин Бек.

— Квартиросдатчики в этой стране, — продолжала Рея, — последняя сволочь. Что подделаешь, наш строй поощряет эксплуатацию.

Мартин Бек прикусил нижнюю губу. Он ни с кем не делился своими политическими взглядами и вообще избегал разговоров с политической окраской.

— Что, не надо о политике? — спросила она. — Ладно, не будем ее трогать. Но так уж вышло, что я сама оказалась в числе квартиросдатчиков. Чистая случайность — наследство... Кстати, дом совсем неплохой, но, когда я сюда переехала, жуть что было, крысиная нора, да и только. Мой дорогой родитель за последние десять лет, наверно, ни одной перегоревшей лампочки не сменил, ни одного стекла не вставил. Сам-то он жил в другом конце города и только об одном заботился: собирать квартплату да вышибать жильцов, которые не могли заплатить вовремя. Потом превратил квартиры в общежития для иностранцев и прочих, кому некуда деться. И драл с них втридорога, благо у них не было выбора. Таких сквалыг в городе хватает.

Кто-то отворил наружную дверь и вошел, но Рея никак не реагировала.

Продолжение следует

Перевел со шведского
Л. ЖДАНОВ

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

Роман

В дверях кухни появилась девушка в рабочем халате, с узелком в руке.

— Привет, — поздоровалась она. — Можно воспользоваться стиральной машиной?

— Конечно.

— Ингела только что въехала, — объяснила Рея. — В ту самую квартиру, где Свард жил.

Она повернулась к девушке с узелком:

— Как тебе квартира нравится?

— Здорово. Только уборная опять барахлит.

— Чтoб ее. Завтра утром позволю водопроводчику.

— А так все в полном порядке. Да, знаешь...

— Чтo?

— У меня стирального порошка нет.

— Возьми за ванной.

— И денег ни гроша.

— Ничего. Возьми на полкроны, потом отработаешь — скажем, запрешь подъезд на ночь.

— Спасибо.

Девушка вышла, Рея закурила новую сигарету.

— Да, вот тебе один ребус... Квартира хорошая, я ее отремонтировала два года назад. Свард платил всего восемьдесят крон в месяц. И все-таки переехал.

— Почему?

— Не знаю.

— Поругались?

— Чтo ты. Я с жильцами не ругаюсь. А зачем ругаться? Конечно, у каждого своя блажь. Но это только занятию.

Мартин Бек промолчал. Он отдышал душой. И чувствовал, что наводящие вопросы просто не нужны.

— А самое странное с этим Свардом — четыре замка поставил. Это в таком доме, где люди запираются только в тех случаях, когда не хотят, чтобы их беспокоили. А как собрался переезжать, отвинтил все замки, цепочки, задвижки и взял с собой. Надежно

был защищен — не хуже нынешних девочек.

— Это ты в переносном смысле?

— Ну конечно. Нынешним девчонкам нечего бояться, вон сколько средств придумано. А как я дрожала — вдруг попадусь! Поймай, о чем мы говорили?

Мартин Бек рассмеялся. И сам удивился, но факт оставался фактом: он смеялся.

— Мы говорили о дверях Сварда.

— Ну да. А ты, оказывается, умеешь смеяться. Вот уж не ожидала. Я думала, ты давно разучился.

— Может, я сегодня просто не в духе.

— Правда, я только в шестнадцать лет влюбилась по-настоящему. Но в наше время все было иначе: дескать, ни к чему нищих плодить.

Она смяла сигарету и деловито заметила:

— Я слишком много говорю, кошмар. Вечная история. И это только один из моих недостатков. Хотя пороком это не назовешь... А ты как считаешь, это серьезный порок, если человек любит поговорить?

Он отрицательно покачал головой. Рея поскребла затылок и продолжала:

— А что, Свард так и не расстался со своими замками?

— Нет.

Она тряхнула головой и сбросила деревянные башмаки. Уперлась пятками в пол и свела вместе большие пальцы.

— Чего не понимаю, того не понимаю. Или это у него мания такая была? Иногда я даже беспокоиться начинала. У меня ведь ко всем дверям запасные ключи. Мало ли что. В доме много стариков. Вдруг кто-то из них заболел, надо помочь. Как без ключа в квартиру попадешь? Но ведь никакой ключ не поможет, когда человек вот так забаррикадируется. А Свард был уже в летах...

В ванной что-то загудело, и Рея крикнула:

— Тебе помочь, Ингела?

— Да... если можно.

Она вышла, через несколько минут вернулась и сообщила:

— Теперь все в порядке. Кстати, о возрасте: ведь мы с тобой почти ровесники?

Мартин Бек улыбнулся. Он привык к тому, что никто не давал ему пятидесяти лет, от силы сорок пять.

— Да, он не то чтобы очень старый был, — продолжала Рея, — но со здоровьем у него не ладилось. Что-то серьезное было, он считал, что ему недолго жить осталось. Как раз перед тем, как переселиться, лежал на исследовании. Что ему там сказали, не знаю. В онкологической клинике лежал, а это, насколько я понимаю, нехорошая примета.

Мартин Бек наострил уши. Важная новость! Но тут опять хлопнула наружная дверь, и кто-то громко позвал:

— Рея?

— Здесь я. На кухню.

Вошел мужчина. Увидев Мартина Бека, он остановился, но Рея живо пододвинула ему ногой стул:

— Садись.

Мужчина был молодой, лет двадцати пяти, рост средний, ладное телосложение. Овальное лицо, русые волосы, серые глаза, белые зубы. Одет в клетчатую рубашку, вельветовые брюки и сандалии. В руке он держал бутылку красного вина.

— Вот захватил по дороге.

— А я-то думала сегодня одним чаем обойтись, — сказала Рея. — Ладно. Доставай бокалы. Ставь четыре — Ингела стирает в ванной.

Она нагнулась, поскребла ногтями левую щиколотку, потом сказала:

— Бутылка на четверых — маловато будет. Ничего, у меня кое-что припасено. Возьми одну в шкафчике, с левой стороны. Штопор лежит в верхнем ящике, слева от раковины.

Мужчина выполнил ее указания. Он явно привык подчиняться. Когда он снова сел, Рея представила: — Надо думать, вы незнакомы? Мартин... Кент.

Они обменялись рукопожатием. Рея наполнила бокалы и крикнула:

— Ингела, как справишься, тебѣ тут вино ждет.

Потом озабоченно посмотрела на парня в клетчатой рубашке:

— Какой-то ты кислый сегодня. В чем дело? Опять неудача?

Кент глотнул вина и спрятал лицо в ладонях.

— Рея, куда мне податься?

— Все еще без работы?

— И никакого просвета. Для чего я диплом получал, если мест свободных нет? Нет и, похоже, не будет.

Он потянулся к ней, хотел взять ее за руку, но она недовольно отодвинулась.

— Сегодня мне пришла в голову отчаянная мысль, — продолжал он. — Хочу знать твоѣ мнение.

— Давай выкладывай свою мысль.

— Поступить в полицейское училище. Они всех берут, им не хватает людей. С моим образованием я вполне могу рассчитывать на продвижение, как только научусь бить по морде лиходеев.

— Тебе что, не терпится людей избивать?

— Будто ты не знаешь. Но ведь я могу сделать что-то полезное... Важно освоиться, а там можно попытаться изменить порядки.

— Между прочим, полиция меньше всего с лиходеем воюет, — заметила Рея. — А как ты думаешь кормить Стину и детей, пока будешь учиться?

— Можно занять денег. Я вчера узнавал, когда брал бланки для поступления. Вот, может, посмотришь и скажешь свое мнение. Ты во всем разбираешься.

Он вынул из заднего кармана несколько бланков, проспект и положил на стол.

— Или ты считаешь, что это безрассудная затѣя?

— Да уж... К тому же вряд ли полиции нужны думающие люди, которые собираются перестраивать ее изнутри. А как у тебя анкета? С точки зрения политики?

— Я состоял одно время в «Кларте», больше ничего не было. А в училище теперь всех принимают, кроме явных коммунистов.

Она задумалась, потом глотнула вина и пожала плечами.

— Что ж, попробуй... Вроде бы несурзная идея, а на деле может оказаться интересно.

— Меня ведь что беспокоит...

— Он чокнулся с Мартином Беком.

— Ну что тебя беспокоит? — Голос Реи выдавал ее недовольство.

— Выдержу ли я, вот в чем вопрос. Служба-то какая...

Рея лукаво посмотрела на Мартина Бека; хмурое выражение на ее лице сменилось улыбкой.

— А ты спроси Мартина. Он у нас знаток.

Парень недоверчиво поглядел на Мартина Бека.

— Ты правда смыслишь в этом деле?

— Пѣмного. И могу подтвердить, что полиции позарез нужны

хорошие люди. И в проспекте правильно сказано, что служба многогранная, можно специализироваться в разных областях. Если человек, например, увлекается вертолетами, или механизмами, или организационными проблемами, или лошадьми...

Рея хлопнула ладонью по столу так, что бокалы подпрыгнули.

— Хватит чушь городить, — сердито сказала она. — Отвѣчай честно.

К своему собственному удивлению, Мартин Бек ответил:

— Если вы согласны повседневно общаться с тупицами и чтобы вами помыкали спесивцы, карьеристы или просто идиоты, можно выдержать несколько лет. Главное, не иметь собственного мнения ни по каким вопросам. А потом... потом, глядишь, и сам таким станешь.

— Да, я вижу, ты не любишь полицию, — разочарованно сказал Кент. — Не верю я, что дело обстоит так плохо. Вообще о полиции многие предвзятно судят. А ты что скажешь, Рея?

Она рассмеялась — громко, от души.

— Попробуй, — сказала она наконец. — Сдается мне, будет из тебя хороший полицейский. Тем более что кандидатов на это звание, судя по всему, немного. Так что тебе успех обеспечен.

— Ты сможешь мне бланки заполнить?

— Дай ручку.

...Звякнул колокольчик, скрипнула наружная дверь, и кто-то засеменил по коридору. На кухню вошла пожилая женщина.

— У меня что-то телевизор плохо показывает, — пожаловалась она.

— Если антенна виновата, я попрошу Эрикссона завтра проверить ее. Или же придется приемник чинить. Что поделаешь, уже давно стоит. А мы пока одолжим другой у моих друзей, у них есть лишний. Тоже старый, правда. Завтра договорюсь.

— Я сегодня хлеб пекла, вот и вам булку принесла.

— Спасибо, огромное спасибо. Вы не волнуйтесь, все будет в порядке с телевизором.

Рея вернула бланки Кенту и снова пристально посмотрела на Мартина Бека.

— Сам видишь, домовладелец обо всем должен заботиться. Именно должен, да мало кому это по душе. Большинство ловит, только и думает, на чем выгадать. По-моему, это свинство, я стараюсь все сделать, чтобы жильцам было уютно и чтобы они ладили между собой. Квартиры

привела в порядок, а вот для оружного ремонта денег нет. Пытаться квартирную плату тоже не хочется. Но ведь осень на носу, так что никуда не денешься.

У Мартина Бека было удивительно хорошо на душе. Ему не хотелось уходить из этой кухни. К тому же его немного разморило от вина. Как-никак больше года не брал в рот спиртного.

— Постой, — спохватилась она. — Разговор-то у нас о Сварде!

— У него были дома какие-нибудь ценности?

— Какие там ценности... Два стула, стол, кровать, грязный ковер да немного утвари — вот и все его имущество. Одежды — только что на нем. Нет, замки эти явно от помешательства. Всех людей сторонился. Со мной, правда, разговаривал, но только в самых необходимых случаях.

— У меня такое впечатление, что он был совсем нищий.

Рея глубоко задумалась. Наполнила бокал вином, сделала глоток и наконец ответила:

— А вот в этом я не уверена. Болезненно скупой — это да. Конечно, квартплату он вносил вовремя, но каждый раз ворчал. Из-за восьмидесяти-то крон! И насколько мне известно, в магазине брал только собачий корм. Нет, вру — кошачий. Не пил. Расходов у него не было никаких, так что вполне мог бы позволить себе иногда взять немного колбасы, пенсия позволяла. Конечно, многие старики собачьим кормом обходятся, но у них больше ухитряются на квартиру. Да и то они разрешают себе побаловаться бутылочкой десертного вина. Свард себе даже приемника не завел. Я читала в курсе психологии про людей, которые ели картофельную кожуру и носили старое тряпье, а в матрасе у них были зашиты сотни тысяч крон. Да ты небось знаешь. Изъян в психике, не помню только, как называется.

— Но в матрасе Сварда денег не было.

— И он сменил квартиру. Не в его духе поступок. Ведь на новом месте, наверно, приходилось больше платить. Да и на переезд что-то пошло. Вот и пойми его.

Мартин Бек допил вино. Как ни хочется посидеть еще с этими людьми, пора уходить. Зато теперь есть над чем поразмыслить...

— Ну ладно, я пошел. Спасибо. Всего доброго.

— А я собиралась приготовить макароны с мясным соусом. Оставься?

— Нет, мне надо идти.

Рея пошла проводить его до

дверей. Проходя мимо детской, он заглянул туда.

— Совершенно верно, — сказала она, — детей нет дома, они за городом. Я разведена.

Помолчала и спросила:

— Ты ведь тоже?..

— Тоже.

Прощаясь, она сказала:

— Ну пока, приходи еще. Днем я занимаюсь на летних курсах, а вечером, после шести, всегда дома.

Выждала немного и добавила с лукавинкой во взгляде:

— Потолкуем о Сварде.

Он видел по ее лицу, что она раздумывает над тем, как бы его удержать, чем соблазнить — например, макаронами.

Однако она передумала:

— Ну ладно, привет.

— Привет.

Никто из них не сказал «до свидания».

Пока он шагал к дому, стемнело.

Он думал о Сварде.

Он думал о Рее.

И хотя он этого по-настоящему еще не осознал, на душе у него было хорошо. Так хорошо, как давно не было.

XXII

За письменным столом Гюнвальда Ларссона друг против друга сидели двое — хозяин стола и Колльберг. У обоих был задумчивый вид.

На календаре по-прежнему четверг, шестое июля, они только что покинули кабинет Бульдозера Ульссона, предоставив начальнику спецгруппы в одиночестве мечтать о счастливых дне, когда он наконец посадит за решетку Вернера Руса.

— Не пойму я этого Бульдозера, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Неужели он и впрямь собирается отпустить Мауритсона?

Колльберг пожал плечами:

— Похоже на то.

— Ну хоть бы слежку организовал, — продолжал Гюнвальд Ларссон. — Прямой смысл... Или, по-твоему, у Бульдозера припасена какая-нибудь другая гениальная идея?

Колльберг покачал головой:

— Нет, по-моему, тут вот что: Бульдозер решил пожертвовать тем, что ему может дать слежка за Мауритсоном, ради чего-то еще более важного.

— Например? — Гюнвальд Ларссон нахмурил брови. — Разве Бульдозеру не важнее всего накрыть эту шайку?

— Это верно. Но ты задумывался над тем, что никто из нас

не располагает такими надежными источниками информации, как Бульдозер? Он знает кучу воров и рецидивистов, и они ему всецело доверяют, потому что он их никогда не подводит, всегда держит слово. Осведомители — главная опора Бульдозера.

— Ты считаешь, что не будет ему ни доверия, ни надежной информации, как только они проведут, что он устроил слежку за стукачом?

— Вот именно, — ответил Колльберг.

— Все равно, по-моему, упустить такой шанс — глупее глупого, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Если незаметно проследить, куда направится Мауритсон, и выяснить, что у него на уме, Бульдозера от этого не убудет.

Он вопросительно посмотрел на Колльберга.

— Ладно, — отозвался тот. — Я и сам не прочь разузнать, что собирается предпринять господин Трезор Мауритсон. Кстати, Трезор — это имя или у него двойная фамилия?

— Собачья кличка, — объяснил Гюнвальд Ларссон. — Может, он иногда под видом собаки орудуешь?.. Но нам надо потарапливаться, его с минуты на минуту могут отпустить. Кто начинает?

Колльберг посмотрел на свои новые часы, такие же, как те, которые побывали в стиральной машине. Он уже два часа не ел и успел проголодаться. В какой-то книжке он прочел, что одно из правил диеты для тучных — есть понемногу, но часто, — и усердно выполнял вторую половину этого правила.

— Начни ты, — предложил он. — А я буду у телефона, как только тебе понадобится помощь или смена — звони.

Гюнвальд Ларссон встал и застегнул пиджак.

В дверях он обернулся:

— Если Бульдозер будет меня искать, придумай что-нибудь.

Колльберг выдержал еще две минуты, потом спустился в столовую, чтобы расправиться с очередным диетическим блюдом.

Гюнвальду Ларссону не пришлось долго ждать. Через несколько минут на крыльце появился Мауритсон. Подумав немного, он взял курс на Агнетатан. Свернул направо, дошел до Хантваркагтан и повернул налево. Дойдя до автобусной остановки на площади Кунгсхольмсторг, он остановился.

Гюнвальд Ларссон притаился в подъезде неподалеку.

Он отлично понимал, что перед ним стоит нелегкая задача. При

его росте и массе даже в толпе трудно оставаться незамеченным, а ведь Мауритсон узнает его с первого взгляда. Так что ехать с ним в одном автобусе нельзя... На стоянке такси через улицу ждала свободная машина.

Подошел шестьдесят второй автобус, и Мауритсон сел в него. Гюнвард Ларссон дал автобусу отойти подальше, чтобы Мауритсон не увидел его из окна, и поспешил к такси.

За рулем сидела молодая женщина с копной светлых волос и живыми карими глазами. Гюнвард Ларссон показал свое удостоверение и попросил ее следовать за автобусом.

— Как интересно! — сразу загорелась она. — Наверно, за каким-нибудь опасным гангстером гонитесь?

Гюнвард Ларссон промолчал.

— Понимаю, секрет. Не беспокойтесь, я умею держать язык за зубами.

Но этого она как раз не умела.

— Поедем с таким расчетом, чтобы не обгонять автобус на остановках? — спросила она тут же.

— Вот именно, — процедил Гюнвард Ларссон. — Только близко не подъезжайте.

— Ясно, чтобы он вас не заметил. Да вы опустите козырек от солнца, и сверху вас никто не разглядит.

Гюнвард Ларссон послушался. Она поглядела на него с видом заговорщика, увидела перевязанную руку и воскликнула:

— Ой, что это у вас? Наверно, с бандитами сражались?

Гюнвард Ларссон только крикнул в ответ.

— Да, полицейская служба опасная, — не унималась она. — Но зато и увлекательная! Я сама до того, как за руль сесть, собиралась в полицейские пойти. Лучше всего в детективы, но муж был против.

Гюнвард Ларссон молчал.

— Да и на такси тоже бывает интересно. Вот как сейчас, например.

Гюнвард Ларссон криво усмехнулся в ответ на ее сияющую улыбку.

Она старательно выдерживала нужную дистанцию и на редкость хорошо вела машину, за это можно было простить ей болтливость.

Как ни отмалчивался Гюнвард Ларссон, она успела наговориться всласть, прежде чем Мауритсон наконец сошел с автобуса на Эрик Дальбергсгатан. Кроме него, никто не вышел, и, пока Гюнвард Ларссон искал деньги, кареглазая

блондинка рассмотрела Мауритсона.

— Нисколько не похож на бандита, — разочарованно произнесла она. Получила деньги и быстро выписала квитанцию.

Тем временем Мауритсон пересек улицу и свернул на Армфельтсгатан. Как только он исчез за углом, Гюнвард Ларссон поспешил вдогонку и увидел, как Мауритсон входит в подъезд.

Подождав немного, Гюнвард Ларссон вошел следом. Где-то щелкнул замок. Он остановился перед доской с перечнем жильцов.

Фамилия «Мауритсон» сразу бросилась ему в глаза. Он удивленно поднял брови. Так, значит, Филип Трезор Мауритсон живет здесь под своей настоящей фамилией. А на допросах указывал адрес на Викаргатан, там он известен как Леннарт Хольм. Ловко устроился... В эту минуту кто-то вызвал лифт, и Гюнвард Ларссон поспешил выйти из подъезда.

Переходить через улицу было рискованно — еще увидит из окна, — и Гюнвард Ларссон, прижимаясь к стене, вернулся на угол Эрик Дальбергсгатан, чтобы оттуда продолжать наблюдение.

Он протомился на углу минут сорок пять, прежде чем Мауритсон вышел из подъезда, направляясь в его сторону. Гюнвард Ларссон отпрянул за угол и добежал до ближайшего подъезда. Кажется, не заметил...

Мауритсон прошел мимо, глядя прямо перед собой. Он был в другом костюме и нес в руке черный чемоданчик. Гюнвард Ларссон выждал и, когда он пересек Вальхаллавеген, осторожно двинулся следом.

Мауритсон направился к метро, спустился на перрон и сел на поезд, идущий к центру. Гюнвард Ларссон вскочил в следующий вагон.

У Хётorget они вышли, и Мауритсон исчез в толпе.

Гюнвард Ларссон весь перрон глазами обрыскал — как сквозь землю провалился! И на лестницах не видно. Неужели Мауритсон все-таки заметил его? В таком случае ничто не мешало ему перебежать через перрон и сесть на поезд, идущий в противоположную сторону.

Наконец он остановился перед витриной подземного универмага, кляня себя за невнимательность. Гюнвард Ларссон мрачно посмотрел на итальянские замшевые туфли, которые охотно приобрел бы, будь в магазине его размер.

Только он решил выйти из мет-

ро, как в другом конце подземного зала показался Мауритсон. Он направлялся к выходу; к черному чемоданчику прибавился сверток с нарядной розеткой. Гюнвард Ларссон дал ему подняться по лестнице и двинулся следом.

Дойдя по Свеаеверген до агентства аэрофлота, Мауритсон вошел в кассовый зал. Гюнвард Ларссон продолжал наблюдение, укрывшись за товарным фургоном на Лестмакаргатан. Через большие окна было видно, как Мауритсон подошел к стойке и обратился к высокой блондинке в синей форме.

Интересно, куда это он собрался? На юг, должно быть, к Средиземному морю, а то и подальше, теперь многие в Африке отдыхают. Стокгольм его, понятно, сейчас не устраивает — как только Мальмстрём и Мурен смекнут, что он их продал, ему несдобровать.

Мауритсон открыл чемоданчик, положил в него сверток, получил билет и сунул в карман пиджака. Выйдя на улицу, он не спеша зашагал в сторону Сергельсторг. Гюнвард Ларссон проводил его взглядом и вошел в кассовый зал. Девушка, которая обслуживала Мауритсона, искала что-то в картотеке.

— Пожалуйста, что вам угодно? — спросила она, продолжая перебирать карточки.

— К вам сейчас подходил господин, мне нужно узнать, купил он билет? И если купил — куда?

— Простите, но я не обязана отвечать на такие вопросы, — сказала блондинка. — А зачем это вам?

Гюнвард Ларссон положил на стойку свой документ. Девушка поглядела на удостоверение, потом на Гюнварда Ларссона и сказала:

— Насколько я понимаю, вас интересует граф фон Бранденбург? Он взял билет до Енчёпинга на самолет, который вылетает в 15.40. На аэродром поедет на автобусе. Автобус отходит от Сергельсторга без пяти три. А что, граф...

— Спасибо, больше вопросов нет, — сказал Гюнвард Ларссон. — Всего доброго.

Идя к выходу, он соображал, с чего это Мауритсона вдруг потянуло в Енчёпинг. Потом вспомнил его анкетные данные: ну конечно, ведь он там родился, и там по-прежнему живет его мать. Ясно, Мауритсон решил спрятаться дома у мамочки...

Гюнвард Ларссон вышел на Свеаеверген. Он поглядел в сторо-

Рисунки В. КОЛТУНОВА

ну Сергельсторг — вдали, наслаждаясь солнышком, не спеша шагал Трезор Мауритсон Хольм фон Бранденбург.

Гюнвальд Ларссон взял курс в противоположную сторону. Ему нужно было созвониться с Колльбергом.

XXIII

Леннарт Колльберг явился на Армфельтсгатан вооруженный всевозможными отмычками. Правда, не мешало бы, кроме того, запастись ордером на обыск с подписью прокурора Ульссона. Однако друзей ничуть не тревожил тот факт, что они нарушают

порядок. Расчет был прост: если в квартире Мауритсона найдется что-нибудь для Бульдозера, тот на радостях не станет придирааться. А не найдут ничего — ему не обязательно знать о нарушении. К этому времени Мауритсон уже должен был вылететь из Стокгольма на юг, правда, не в Африку, но все же достаточно далеко, чтобы они могли работать без помех.

Квартира состояла из трех комнат, кухни, прихожей, ванной и производила очень приличное впечатление. Обстановка довольно дорогая, правда, с налетом безвкусицы.

Они вошли в гостиную. Прямо перед ними стояла стенка, отделанная под благородное дерево: книжные полки, шкаф, встроенный секретер. Одну полку занимали дешевые книжки, на других стояли всякие безделушки — сувениры, фарфоровые фигурки, вазочки, блюдечки. На стенах висели олеографии и репродукции, какие можно приобрести в сомнительных лавчонках. Мебель, гардины, ковры — все это, несомненно, стоило немалых денег, однако подбор был случайный, материал, цвет, узоры плохо сочетались.

В углу стоял небольшой бар. Подойдя к бару, Колльберг от-

ворил дверцы. Початая бутылка «Перфе д'Амур», остатки шведского десертного, нетронутая поллитровка пуниша и пустая бутылка из-под джина «Бифитер».

Окно-фонарь выходило на улицу. У стены в другой комнате стояло пианино, в углу — приемник и проигрыватель.

— Прошу, музыкальный кабинет, — взмахнул он рукой.

— Ты можешь представить себе, чтобы эта тварь сидела тут и играла Лунную сонату? — спросил Гюнвард Ларссон.

Он подошел к инструменту, поднял крышку и заглянул внутрь. — Во всяком случае, трупов здесь нет.

Когда общий осмотр закончили, Колльберг снял пиджак, и они взялись за работу всерьез. Начали со спальни. Пока Гюнвард Ларссон хозяйничал в стенном шкафу, Колльберг изучал ящики письменного стола. Долго они трудились молча, наконец Колльберг нарушил тишину:

— Слышь, Гюнвард.

В ответ из шкафа донесся какой-то невнятный звук.

— Слежка за Русом ничего не дала, — продолжал Колльберг. — Бульдозер жутко расстроился. Не оправдал он его надежд, не навел на Малмстрёма и Мурена.

Гюнвард Ларссон, кряхтя, высунул голову и сказал:

— Он бы поменьше загадывал, не приходилось бы так часто расстраиваться. Впрочем, Бульдозер долго унывать не будет.

Гюнвард Ларссон выбрался из шкафа и затворил дверь.

— Ничего. Если не считать кучи безобразного тряпья, — сообщил он и направился в ванную.

А Колльберг тем временем занялся зеленой тумбочкой, которая служила ночным столиком.

В двух верхних ящиках лежало всевозможное барахло: бумажные носовые платки, ресторанные счета и магазинные чеки, шариковые ручки, открытка из-за границы с хвастливым текстом: «Водка, женщины, кровать — что еще надо. Стиссе», сломанная зажигалка и тупая финка без чехла. Сверху на тумбочке валялся детектив. На обложке ковбой — ноги широко расставлены, в каждой руке по дымящемуся револьверу. «Перестрелка в Черном овраге»...

Колльберг полистал книжку: из нее на пол выпала цветная фотография, любительский снимок, — на лодочной пристани сидит женщина в шортах и белой майке. На обороте сверху было написано карандашом: «Мэйя, 1969». Понизже — синими чернилами и другим почерком: «Монита».

Он сунул фотографию обратно в книгу. Потом выдвинул нижний ящик — он был глубже двух других — и позвал Гюнварда Ларссона.

— Нашел тоже место, где держать точило, — сказал он. — Или это вовсе не точило, а какое-нибудь новейшее приспособление для массажа?

— Интересно, зачем оно ему понадобилось, — произнес Гюнвард Ларссон. — Вот уж кто не похож на столтера-любителя. А может, просто стащил где-нибудь? Или получил в уплату за наркотики?

Он вернулся в ванную.

Через час с небольшим обыск был завершен. Ничего особенного они не нашли — ни ловко спрятанных денег, ни уличающих писем, ни оружия; самые сильнodelствующие медикаменты — таблетки от головной боли да сельтерская вода.

Напоследок они осмотрели кухню, обшарили все ящики и шкафы. За кухонной дверью висело кольцо с двумя ключами.

— От чердака, — сказал Колльберг, показывая на них.

Гюнвард Ларссон осмотрел ключи и добавил:

— Или от подвала. Давай проверим.

К чердаку ключи не подошли. Тогда они спустились в подвал.

Большой ключ подошел к патентованному замку огнеупорной двери, за которой начинался короткий проход. Открыв правую дверь, они увидели шахту мусоропровода и подвешенный на каркасной тележке большой мешок из желтого пластика. Около стены еще три тележки; два мешка пустые, третий до краев наполнен мусором. В одном углу стояли совки и веник.

Дверь напротив была заперта; за ней, судя по надписи, помещалась домовая прачечная.

Проход упирался в длинный поперечный коридор, разделявший два ряда тумерованных дверей с висящими замками всех родов и видов.

Колльберг и Гюнвард Ларссон довольно скоро нашли замок, к которому подходил меньший ключ. В чулане Мауритсона хранились только два предмета — старый пылесос без шланга и большой чемодан. Гюнвард Ларссон заглянул внутрь пылесоса.

— Пусто, — сообщил он.

— Зато здесь не пусто, смотри, — ответил Колльберг, который в это время расковырял замочек чемодана.

Он поднял крышку, и Гюнвард

Ларссон увидел четырнадцать больших бутылок пятидесятиградусной польской водки, четыре кассетных магнитофона, электрический фен и шесть электробритв.

— Контрабанда, — сказал Гюнвард Ларссон. — Или же скупка краденого.

— А по-моему, вознаграждение за наркотики, — возразил Колльберг и запер чемодан. Они вышли в коридор.

— Что ж, не совсем зря трудился, — подвел итог Колльберг. — Правда, Бульдозера порадовать нечем. Осталось только повесить ключи на место, и можно сматываться. Здесь больше делать нечего.

— Осторожный жук этот Мауритсон, — отозвался Гюнвард Ларссон. — А может быть, у него есть еще квартиры?

Он примолк, глядя на дверь в конце коридора. Над дверью красной краской было выведено: «БОМБОУБЕЖИЩЕ».

— Поглядим, если открыто, — предложил Гюнвард Ларссон. — Заодно уж...

Дверь была открыта. Бомбоубежище служило вместилищем всякого хлама.

— Мне всегда не по себе в таких помещениях, — произнес Колльберг. — В войну, когда устраивали учебные тревоги, я все представлял себе, что будет, если в самом деле разбомбят дом и бомбы убежище завалит...

В углу за верстаком стоял старый сундук с полустершейся надписью: «ПЕСОК».

— Смотри-ка, — сказал Колльберг. — Сундук с песком еще с войны стоит.

Он подошел и поднял крышку. — Даже песок остался.

— Слава богу, не понадобился, — заметил Гюнвард Ларссон. — Обошлось без бомб. А это что у тебя?

Он смотрел на предмет, который Колльберг только что извлек из недр ящика.

Зеленая американская брезентовая сумка армейского образца.

Леннарт Колльберг открыл сумку и выложил на верстак содержимое.

Скомканная голубая рубашка. Светлый парик. Мягкая синяя шляпа с широкими полями. Темные очки. И пистолет «лама автомат» сорок пятого калибра.

В тот летний день три года назад, когда молодую женщину по имени Монита сфотографировали на лодочной пристани, она

еще не была знакома с Филипом Трезором Мауритсоном.

Это было последнее лето ее шестилетнего брака с Петером: осенью он познакомился с другой женщиной и сразу после рождения оставил Мониту с пятилетней дочерью Моной. По его просьбе она срочно обратилась в суд — он спешил расписаться с новой женой, которая была уже на пятом месяце, когда ему оформили развод. Моните осталась двухкомнатная квартира в Хёкарэнгене, и Петер вовсе не претендовал на ребенка. Он отказался даже от права регулярно общаться с дочерью; вскоре выяснилось, что он отказался и от обязанности платить алименты.

Больше всего огорчило Мониту то, что пришлось бросить курсы, на которые она недавно записалась.

Она уже давно чувствовала, как ее связывает недостаток образования, и ведь ее вины тут не было. После обязательных девяти классов она решила год отдохнуть от учебников, но познакомилась с Петером, вышла замуж, и мысль об учении пришлось оставить. На следующий год родилась дочь. Петер тем временем поступил на вечерние курсы, и только за год до развода, когда он их окончил, наступила ее очередь. Но с разводом все планы рухнули, ведь няню найти невозможно, а если и найдешь — где денег взять?

Первые два года после рождения ребенка Монита сидела дома, но, как только удалось пристроить дочь на день в частной воспитательнице, пошла на фабрику. Она и раньше, почти до самых родов, работала в разных местах: и в канцелярии, и кассиршей в магазине самообслуживания, и продавщицей, и работницей на фабрике, и официанткой.

Но когда Монита после двухлетнего перерыва опять начала искать место, оказалось, что положение на бирже труда ухудшилось, возможностей выбора куда меньше. Без специального образования и знакомств она могла рассчитывать лишь на самую нудную работу с невысоким жалованьем. Правда, как только она опять начала учиться и появилась перспектива, стало легче переносить убийственное однообразие конвейера.

Но после развода, когда она осталась одна и пришлось перейти на укороченный рабочий день с меньшей оплатой, ей стало невозможно. В приступе отчаяния она уволилась, хотя и не представляла себе, что будет дальше.

Некоторое время Монита тянула

на скудное пособие по безработице. Только и думай, как свести концы с концами; квартплата, еда и одежда для дочери поглощали все, что удавалось наскрести. Она даже бросила курить, но кипа непоплаченных счетов продолжала расти.

Под рождество она вместе с Моной поехала к старшей сестре в Осло. Родители погибли в автомобильной катастрофе пять лет назад, и, кроме сестры, у нее никого не осталось. С тех пор сестры встречали рождество вместе. Чтобы купить билет, Монита отнесла в ломбард обручальные кольца родителей и несколько брошек. Провела в Осло две недели, прибавила за это время три килограмма и вернулась после Нового года в Стокгольм совсем в другом настроении.

В феврале 1971 года Моните исполнилось двадцать пять лет.

С тех пор как Петер оставил ее, прошел год. У нее было ощущение, что за это время она переменилась больше, чем за все годы брака. Прибавилось жизненного опыта и уверенности в

себе. Правда, стала жестче и циничнее. И она очень тяготилась одиночеством.

Монита ходила гулять с дочкой, брала в библиотеке кучу книг, которые читала, когда спала Мона. Телефон теперь звонил редко, самой звонить некому, и, когда его совсем отключили за неуплату, она этого почти и не заметила. Она чувствовала себя в своей квартире как в тюрьме, но постепенно заточение стало для нее залогом покоя, а жизнь за стенами ее унылой конуры казалась все более чужой и нереальной. По ночам, когда Монита бесцельно бродила по квартире не в силах читать от усталости и не в силах уснуть от душевной смуты, ей иногда казалось, что она сходит с ума.

Будущее дочери сильно тревожило Мониту, нередко она даже плакала от горечи и бессилия. Ей хотелось, чтобы Мона росла в человеческих условиях, окруженная заботой и теплом, а не в такой среде, где погоня за деньгами и социальным престижем, стремление возвыситься над другими де-

лают людей врагами, где слова «приобретать» и «иметь» соединяют знаком равенства со словом «счастье». Хотелось, чтобы ее ребенок узнал радость труда и товарищества, жил без тревог и унижений, жил достойно. Однако Монита отлично понимала, что в Швеции ни о чем таком мечтать не приходится.

Вернувшись домой из Осло, она решила взять себя в руки.

Монита в десятый раз обратилась в детский сад, и ей вдруг повезло: Мону приняли.

После этого она принялась искать работу.

И все время мозг ее сверлила одна мысль: как раздобыть денег? Монита решила во что бы то ни стало уехать из Швеции, в душе зрела ненависть к обществу, которое кичилось процветанием, тогда как на самом деле на долю подавляющего большинства выпала лишь одна привилегия: крутить маховик, приводящий в движение весь механизм.

Она перебирала в уме разные способы добыть нужные средства, но не видела подходящего решения.

Накопить деньги честным трудом? Исключено. До сих пор того, что оставалось после уплаты налогов, ей хватало только на квартиру и питание.

Выиграть в тотализаторе? Маловероятно. И все-таки она каждую неделю заполняла бланки спортивного лото: хоть какая-то надежда.

Ждать крупного наследства откуда. Где найдешь смертельно больного миллионера, который попросит ее руки и прикажет долго жить в свадебную ночь...

Некоторые девушки — она знала таких — хорошо зарабатывали проституцией. Теперь не нужно промышлять на улице, назовись моделью и открой ателье, или поступи в «Институт массажа», или запишись в какой-нибудь роскошный «Секс-клуб». Но сама мысль об этом была глубоко отвратительна.

Остается украсть. Но как и где? Да и не выйдет у нее ничего.

Ладно, для начала хоть бы на стоящую работу устроиться.

Моните повеселилось: ее взяли официанткой в популярный ресторан в деловом центре Стокгольма. Удобные рабочие часы, и можно рассчитывать на приличные чаевые.

И вышло так, что за один из столиков Мониты однажды сел степенный человек с ординарной внешностью, который заказал

свинные ножки с картофельным пюре. Рассчитываясь, он сказал ей какой-то комплимент, но особого впечатления на нее не произвел. Правда, и Монита не привлекла его внимания, во всяком случае в тот раз.

Она не могла похвастать броской внешностью, в чем давно уже убедилась: люди ее редко узнавали при повторной встрече. Темные волосы, серо-голубые глаза, ровные зубы, правильные черты лица. Средний рост (метр шестьдесят пять), нормальное сложение (вес — шестьдесят килограммов).

Некоторые мужчины считали ее красивой, но только те, у кого был случай как следует к ней приглядеться.

Когда Мауритсон в третий раз сел за столик Мониты, она узнала его и загадала, что он попросит шкварки с тушеным картофелем — в этот день они представляли в меню крестьянскую кухню. В прошлый раз он ел блины.

Мауритсон заказал шкварки и молоко и, когда она принесла ему заказ, сказал:

— А вы, должно быть, новенькая?

Монита кивнула. Она привыкла чувствовать себя безликой, а одежда официантки не прибавляла ей своеобразия.

Когда она принесла счет, он не поспулился на чаевые и заметил:

— Надеюсь, вы здесь приживетесь, как я прижился. В этом ресторане вкусно кормят, так что берегите фигуру.

На прощание он приветливо подмигнул ей.

Монита заметила, что аккуратный маленький человек, который всегда ест крестьянские блюда и пьет только молоко, намеренно выбирает один из ее столиков. Стоит у двери, посмотрит, где она обслуживает, и садится там. Ей это было не совсем понятно и чуточку лестно.

Монита считала себя плохой официанткой, она не умела сдерживать себя, когда нетерпеливый клиент начинал брюзжать, на грубость отвечала грубостью. Но работа она быстро и ловко и с теми, кто, на ее взгляд, того заслуживал, держалась приветливо, хотя без заигрывания и кокетства.

Мауритсон неизменно обменивался с ней дружескими репликами, и она стала воспринимать его как старого знакомого. Моните нравилась его несколько старомодная учтивость, пусть она даже не вязалась с его взгля-

дами, излагаемыми подчас в довольно энергичных выражениях.

Нельзя сказать, чтобы Монита была в восторге от своей новой работы, но в общем-то ничего, и она успевала забрать Мону из детского сада до закрытия.

У Моны появилось много подруг, и по утрам она буквально рвалась в детский сад. Ее лучшая подруга жила в том же доме, Монита познакомилась с родителями — славной молодой четой — и, когда им надо было пойти куда-нибудь, брала девочку ночевать к себе. В свою очередь, и Монита изредка пользовалась возможностью вечером сходить в кино. Других развлечений она не могла придумать, но все-таки теперь Монита уже не чувствовала себя такой связанной. А позже дружба с соседями ей еще больше пригодилась.

В один апрельский день — шел третий месяц ее работы в ресторане — Мауритсон позвонил ей к своему столику. Она подошла, кивнула на тарелку с гороховым супом и спросила:

— Невкусно?

— Превосходно, как всегда. Но мне сейчас пришла в голову одна вещь. Я тут каждый день сижу, ем за милую душу, а вы все на ногах, все трудитесь. Вот я и подумал — можно мне вас пригласить куда-нибудь поесть? Вечером, конечно, когда вы свободны. Скажем, завтра?

Монита недолго колебалась. Она давно уже вынесла свое суждение о нем: человек честный, трудолюбивый, непьющий, чудаковат, правда, но вполне безобидный и симпатичный. К тому же его приглашение не было для нее неожиданностью.

— Ну что ж, — сказала Монита, — можно и завтра.

Посетив в пятницу ресторан вместе с Мауритсоном, она только по двум пунктам пересмотрела свое суждение о нем: во-первых, он не трезвенник, во-вторых, непохоже, чтобы он был таким уж большим трудолобом. Впрочем, он от этого не стал ей менее симпатичен. Больше того, ей с ним было очень интересно.

В ту весну они еще несколько раз ходили в ресторан, при этом Монита мягко, но категорически отклоняла попытки Мауритсона позвать ее вечером к себе на рюмку вина или напроситься в гости к ней.

В начале лета он куда-то пропал, а в июле она сама ездила на две недели в отпуск к сестре в Норвегию.

Возвратившись из отпуска, Монита в первый же день увидела

его за своим столиком, и вечером они встретились. На этот раз она поехала с ним на Армфельтсгата и впервые осталась у него ночевать. Он оказался весьма приятным любовником.

Обе стороны были довольны тем, как складывались их отношения. Мауритсон не навязывался, и они встречались, только когда ей этого хотелось — один-два раза в неделю. Он относился к ней заботливо, тактично, им было хорошо вместе.

В свою очередь, и она вела себя деликатно. К примеру, Мауритсон избегал говорить о том, чем он занимается и откуда берет деньги. И хотя этот вопрос занимал Мониту, она не давала волю своему любопытству. Ей ведь не хотелось, чтобы он вторгся в ее жизнь, особенно она берегла Мону, а потому не вмешивалась в его дела. Она его не ревновала, он ее тоже — то ли чувствовал, что у нее больше никого нет, то ли не придавал этому значения. И о прошлом не расспрашивал.

Осенью они все реже ходили куда-либо, а больше сидели у него дома — готовят что-нибудь вкусное, немного выпьют и рано ложатся спать.

Время от времени Мауритсон уезжал по делам, но куда и зачем — не рассказывал. Монита была не так уж глупа и быстро уразумела, что занимается он чем-то противозаконным, но, так как Мауритсон был ей симпатичен, она считала, что в глубине души он порядочный человек, так сказать, благородный жулик. Если даже и крадет, то только у богатых. И уж во всяком случае, не торгует белыми рабынями и не сбывает наркотики детям.

Под рождество Мауритсон поневоле приоткрыл завесу над своей деятельностью. Рождество и для жуликов хлопотное время, и, боясь хоть что-то упустить, он пожадничал, набрал столько поручений, что одному справиться было физически невозможно. В самом деле, как в один день успеть в Гамбург для замысловатой сделки и доставить заказ на аэродром Форнебю под Осло? А тут Монита, как обычно, собралась в Осло встречать рождество, и он не устоял против соблазна, попросил ее быть его заместителем и курьером. От нее не требовалось никаких смелых действий, но процедура передачи его посылки была обставлена столь хитрыми предосторожностями, что нелепо делать вид, будто речь идет о заурядном рождественском подарке. Мауритсон

тщательно проинструктировал ее и, зная отношение Мониты к наркотикам, изобразил дело так, словно речь шла о фальшивых бланках для махинаций с почтовыми переводами.

Монита не стала возражать и успешно справилась с заданием. Он оплатил ей проезд да еще добавил несколько сот крон.

Казалось бы, она должна войти во вкус — деньги дались легко и пришлились очень кстати, — однако, поразмыслив, Монита решила впредь поосторожнее относиться к таким поручениям.

Жаль, что не проверила сверток: кажется, Мауритсон все-таки обманул ее... Нет, лучше не выступать в роли его посланца. Что за радость таскать таинственные свертки, в которых может быть все, что угодно, — от опиума до бомбы с часовым механизмом.

Должно быть, Мауритсон угадал настроение Мониты, потому что больше не просил ее выручить его. Но хотя он относился к ней по-прежнему, она стала открывать в нем такие черты, которых прежде не замечала. Так, он часто лгал ей, притом без всякой нужды, ведь она его никогда не спрашивала, чем он занимается, и не пыталась припереть к стенке. К тому же Монита начала подозревать, что он вовсе не благородный жулик, а скорее этакий «чегоизволите», ради денег способный на любые мелкие преступления.

После Нового года они встречались реже, и не из-за прозрения Мониты, просто Мауритсон чаще обычного уезжал по своим делам.

Судя по тому, что каждый свободный вечер он предпочитал проводить с ней, она вряд ли ему наскучила. Как-то раз, в начале марта, при ней к нему зашли гости, некие Мурен и Мальмстрём, как видно — деловое знакомство. Они были чуть помоложе Мауритсона, один из них ей даже понравился, но больше они не появлялись.

Зима 1972 года была для Мониты несчастливой. Ресторан перешел к другому владельцу, тот открыл пивной бар, старых клиентов растерял, а новых не приобрел, в конце концов уволил весь персонал и установил игральные автоматы. Опять Монита оказалась без работы, и она острее прежнего переживала одиночество, ведь Мона будни проводила в детском саду, а в субботу и воскресенье днем играла с подружками.

Ее злило, что она не может порвать с Мауритсоном. Впрочем, злилась она тогда, когда его не было, а с ним Моните было хорошо, и ей лстыла его откровенная влюбленность. К тому же, кроме Моны, это был единственный человек, кому она была нужна.

Томясь без дела, Монита стала иногда заходить в квартиру на Армфельтсгата, когда хозяин отсутствовал. Ей нравилось посидеть там, почитать книгу, побродить по комнатам среди вещей, с которыми она никак не могла свыкнуться, хотя видела их десятки раз. Кроме двух-трех книг и нескольких пластинок, у Мауритсона не было ничего, что она стала бы держать в своей квартире, и все же ей почему-то было у него уютно.

Он не давал ей ключа, она сама заказала. Это было ее единственное покушение на его независимость, и несколько дней она мучилась угрызениями совести.

Монита заботилась о том, чтобы после ее визитов не оставалось никаких следов, и ходила на Армфельтсгата лишь тогда, когда была уверена, что Мауритсона нет в городе. Интересно, как он поступит, если проведает?.. Конечно, она иногда рылась в его вещах, но пока ей не попало ничего криминального. И ведь она вовсе не для этого обзавелась ключом, просто ей нужен такой вот тайный уголок. Разумеется, ее никто не разыскивал, и вообще никому не было дела до Мониты, но ей нравилось чувствовать себя недостижимой, как в детстве, когда во время игры в прятки удавалось найти такое местечко, где никто на свете не смог бы ее найти. Наверно, он сам дал бы ей ключ, если бы она попросила, но это испортило бы всю игру.

В один апрельский день, когда Монита буквально не находила себе места, она отправилась на Армфельтсгата. Посидит в самом безобразном и самом удобном кресле Мауритсона, послушает Вивальди — смотришь, душа обретет покой.

Мауритсон уехал в Испанию, она ждала его только на следующий день.

Монита повесила пальто и сумку в прихожей, взяла из сумки сигареты, спички и прошла в гостиную. Все как обычно, чистота и порядок. Мауритсон сам занимался уборкой. В начале их знакомства она как-то спросила его, почему он не наймет уборщицу. Он ответил, что ему нравится

убирать и он не хочет лишать себя этого удовольствия.

Она положила сигареты и спички на широкий подлокотник, вышла в соседнюю комнату и включила проигрыватель. Отыскала «Четыре времени года», под звуки «Весны» сходил на кухню

за блюдцем, села в кресло, поджав ноги, и поставила блюдце на подлокотник.

Монита думала о Мауритсоне, о том, какой у них убогий роман. Уже год знакомы, а их взаимоотношения ничем не обогатились, не стали полновеснее, скорее напротив. Она не могла даже припомнить, о чем они разговаривали при встречах. Сидя в его любимом кресле и глядя на полку с рядами дурацких безделушек, она говорила себе, что он ничтожество, фитюлька. Почему, да, почему она до сих пор не бросила его и не завела себе настоящего мужчину?..

Монита закурила, пустила струйку дыма к потолку и решила, что хватит думать об этом хлыще, только окончательно настроение себе испортить.

Она села поудобнее и закрыла глаза, медленно помахивая рукой в такт музыке и стараясь ни о чем не думать. Посреди ларго рука задела блюдце, оно слетело на пол и разбилось вдребезги.

— А, черт, чтоб его, — вырвалось у нее.

Она встала, вышла на кухню, открыла дверцу под раковиной и протянула руку за веником, который обычно стоял справа от пакета для мусора. Веника не было на месте, тогда Монита присела на корточки и заглянула внутрь шкафчика. Веник лежал на полу, и, потянувшись за ним, она увидела за мусорным пакетом портфель. Старый, потертый коричневый портфель. Должно быть, Мауритсон поставил его здесь, собираясь отнести вниз, в мусорный контейнер, потому что для мусоропровода портфель был слишком велик.

Но тут она заметила, что портфель надежно обмотан крепкой бечевкой, которая завязана несколькими узлами.

Монита вытащила портфель и поставила на пол. Тяжелый...

Любопытство взяло верх, и она принялась осторожно развязывать узлы, стараясь запомнить их последовательность. Потом размотала бечевку и открыла портфель.

Камни, плоские плитки черного шифера; где-то она совсем недавно видела такие же.

Монита озадаченно нахмурилась, выпрямилась и бросила окурочек в раковину, не отрывая глаз от портфеля.

Зачем понадобилось Мауритсону набивать камнями старый портфель, обвязывать его бечевкой и ставить под раковину?

Настоящая кожа — наверно, когда-то была роскошная вещь...

И достаточно дорогая. Она поглядела на клапан с внутренней стороны — имени владельца нет. Постой, а это что: все четыре угла внизу обрезаны, то ли острым ножом, то ли лезвием. Причем сделано это недавно, срез совсем свежий.

Вдруг ее осенило. Ну конечно, он задумал утопить портфель в море! Ну не в море, так в заливе. Но почему?

Монита нагнулась и принялась вынимать из портфеля шифер. Складывая камни горкой на полу, она вспомнила, где их видела. В подъезде внизу, около двери, выходящей во двор. Очевидно, двор собираются мостить; там он их и взял.

Внезапно ее пальцы коснулись какого-то другого предмета. Он был гладкий, холодный и твердый. Монита вынула его из портфеля. И замерла, а в душе ее постепенно обретала четкие формы мысли, которая давно уже шевелилась в подсознании.

А что, может быть, это и есть решение. Возможно, этот блестящий металлический предмет — залог свободы, о которой она столько мечтала.

Длиной около двадцати сантиметров, широкое дуло, тяжелая рукоятка. На сизой плоскости над скобой выгравировано название: «лама».

Она взвесила его на ладони. Увесистый.

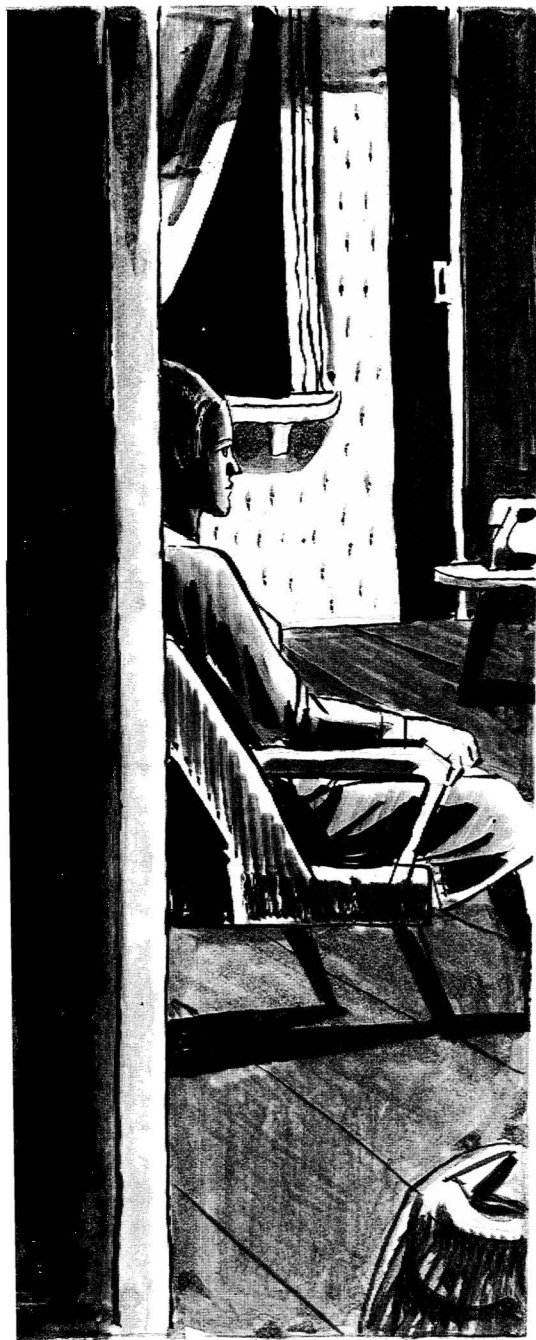
Монита вышла в прихожую и засунула пистолет в свою сумку. Потом вернулась на кухню, положила камни обратно в портфель, обмотала его веревкой и поставила портфель туда, где нашла его.

Взяла веник, подмела в гостиной, вынесла осколки в прихожую и высыпала их в мусоропровод. Потом выключила проигрыватель, убрала на место пластинку, вышла на кухню, достала окурочек из раковины, бросила его в унитаз и спустила воду. Надела пальто, застегнула сумку, повесила ее на плечо и напоследок еще раз прошла по всем комнатам, проверяя, все ли так, как было. Пощупала в кармане, на месте ли ключ, захлопнула дверь и побежала вниз по лестнице.

Придет домой — все как следует продумает...

XXV

В пятницу седьмого июля Гюнвальд Ларссон поднялся очень рано. Правда, не вместе с солнцем, это было бы чересчур — по календарю в этот день солнце

взошло в Стокгольме без одиннадцати минут три.

К половине седьмого он принял душ, управился с завтраком и оделся, а еще через полчаса уже стоял на крыльце того самого типового домика на Сонгарвеген в Соллентуне, в который четвергья днями раньше наведывался Эйнар Рённ.

Гюнвальду Ларссону хотелось решить один маленький ребус, который всю неделю не давал ему покоя. Вообще-то пустяк, соринка в глазу, но лучше от нее избавиться, а заодно доказать самому себе, что он верно рассуждал и сделал правильный вывод.

Стен Шёгрэн явно не поднимался вместе с солнцем. Не одна минута прошла, прежде чем он отворил, позевывая и путаясь в завязках купального халата.

Гюнвальд Ларссон сразу взял быка за рога.

— Вы солгали полиции, — мягко произнес он.

— Я солгал?

— На прошлой неделе вы дважды описали приметы налетчика, будто бы похожего на женщину. Кроме того, вы подробно описали машину марки «рено-шестнадцать», которой налетчик якобы воспользовался для бегства, и двоих мужчин, которые были в той же машине.

— Верно.

— В понедельник вы слово повторили свою версию старшему следователю, который приезжал сюда, чтобы побеседовать с вами.

— Тоже верно.

— Верно и то, что почти все рассказанное вами — чистейшая ложь.

— Я точно описал налетчика, что видел, то и сказал.

— Конечно, потому что другие тоже его видели. И к тому же вы сообразили, что в нашем распоряжении будет пленка из кинокамеры, установленной в банке.

— Но я по-прежнему уверен, что это была женщина.

— Почему?

— Не знаю. По-моему, девчонку можно чутьем угадать.

— На этот раз чутье вас обмануло. Но меня привела сюда другая причина. Мне нужно получить от вас подтверждение, что история про машину и двоих мужчин — ваша выдумка.

— А зачем это вам?

— Мои мотивы вас не касаются. Тем более что они чисто личные.

Сонное выражение покинуло лицо Шёгрена. Он испытующе поглядел на Гюнвальда Ларссона и медленно произнес:

— Насколько мне известно, неполные или неверные показания не считаются преступлением, если они не даны под присягой.

— Совершенно верно.

— В таком случае я не вижу смысла в нашем разговоре.

— Зато я вижу. Мне важно разобраться в этом деле. Предположим, я пришел к какому-то выводу и хочу его проверить.

— И что же гласит ваш вывод?

— Что вы морочили голову полиции не из корыстных побуждений.

— В нашем обществе хватает таких, у которых только своя корысть на уме.

— Но ты не такой?

— Стараюсь... Правда, не все меня понимают. Например, жена не могла понять. Оттого я теперь холост.

— Значит, ты считаешь, что грабить банки — хорошо и что полиция — прирожденный враг народа?

— Что-то в этом роде. Только не так упрощенно.

— Ограбить банк и убить преподавателя физкультуры — отнюдь не политическая акция.

— В данном случае нет. Но вообще надо учитывать идейные мотивы. А также историческую перспективу. Иногда ограбление банков вызвано чисто политическими причинами. Взять, например, революцию в Ирландии. Кроме того, бывает еще и несоознанный протест.

— Ты предлагаешь рассматривать уголовных преступников как своего рода бунтарей?

— А что, это идея. Да только видные сторонники социализма отвергают ее. Ты читаешь Артура Люндквиста?

— Нет.

Гюнвальд Ларссон читал все больше развлекательные книжки и не испытывал потребности расширять свой литературный кругозор. Но это к делу не относилось.

— Люндквист получил международную Ленинскую премию, — сообщил Стен Шёгрэн. — В антологии, которая называется «Человек социализма», он говорит примерно следующее, цитирую по памяти: «Порой доходит до того, что явных преступников изображают как носителей сознательного протеста против язв общества, чуть ли не как революцио-

неров... В социалистической стране такое невозможно».

— Продолжай, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Конец цитаты, — ответил Шёгрэн. — Я считаю, что тут и рассуждать-то не о чем. Во-первых, не обязательно быть идейным, чтобы восставать против общественных пороков, если тебя доведут. А что до социалистических стран, то и подавно все ясно, — зачем людям грабить самих себя? Никакого смысла.

После долгого молчания Гюнвальд Ларссон спросил:

— Значит, никакого бежевого «рено» не было?

— Не было.

— И никакого бледного шофера в белой майке, никакого парня в черном, похожего на Харпо?

— Нет.

Гюнвальд Ларссон кивнул, думая о своем. Потом продолжал:

— Дело в том, что грабитель, похоже, попался. И никакой он не стихийный революционер, а паршивая крыса, которая паразитировала на капитализме, кормилась перепродажей наркотиков и порнографии и ни о чем, кроме барыша, не думала. Одна выгода на уме. И он сразу начал продавать своих приятелей, торопился спасти собственную шкуру.

Шёгрэн пожал плечами.

— Он не один такой... Но все равно человек, который ограбил этот банк, — он, как бы тебе объяснить, — горемыка. Ты : меня понимаешь?

— Понимаю, понимаю.

— Слушай, а откуда у тебя вообще такие мысли?

— Угадай... Попробуй поставить себя на мое место.

— Тогда кой черт тебя понес в полицию?

— Случайность. Вообще-то я моряк. К тому же это было давно, тогда мне многое представлялось не так. Но это к делу не относится. Я выяснил то, что хотел.

— Значит, все?

— Все. Привет.

— Привет, — отозвался Шёгрэн. — Всего доброго.

Лицо его выражало полное недоумение. Но Гюнвальд Ларссон этого не видел, потому что уже ушел. И он не слышал заключительных слов Шёгрена:

— Все равно я уверен, что это была девчонка.

Продолжение следует

Перевел со шведского
Л. ЖДАНОВ

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

Роман

В этот же ранний утренний час в городе Енчепинге, в одном из домов на Пильгатан, фру Свеа Мауритсон хлопотала у себя на кухне — пекла к завтраку сладкие булочки, чтобы порадовать возвратившегося домой блудного сына.

Пронзительный звонок в дверь разорвал утреннюю тишину. Фру Мауритсон вытерла руки о фартук и засеменила в прихожую, шаркая стоптанными туфлями. Старинные часы показывали полвосьмого, и она бросила беспокойный взгляд на закрытую дверь спальни.

Там спит ее мальчик. Она постелила на кушетке в гостиной, но бой часов мешал ему спать, и среди ночи они поменялись местами. Совсем выбился из сил, бедняжка, ему нужно как следует отдохнуть. А ей, старой глухой тетере, часы не помеха.

На лестнице стояли двое рослых мужчин.

Тщетно она пыталась объяснить, что сейчас слишком рано, пусть приходят попозже, когда сын выспится.

Гости твердили свое, дескать, у них чрезвычайно важное дело; в конце концов она побрела в спальню и осторожно разбудила сына. Он приподнялся на локте, поглядел на будильник на тумбочке и возмутился:

— Ты что — спятила? Сказано было, что мне надо выспаться.

— Тебя там спрашивают два господина, — виновато объяснила она.

— Что? — Мауритсон вскочил на ноги. — Надеюсь, ты их не впустила?

Он решил, что это Мальмстрём и Мулен разнюхали, где он прячется, и явились покарать его.

Удивленно качая головой, фру Мауритсон смотрела, как ее сын поспешно надел костюм прямо на пижаму, после чего забегал по

комнате, собирая разбросанные вещи и швыряя их в чемодан.

— Что случилось? — робко спросила она.

Он захлопнул чемодан, схватил ее за руку и прошипел:

— Спроводи их, понятно?! Меня нет, я уехал в Австралию..

Мать не расслышала, что он говорит. Пока она надевала слуховой аппарат, Мауритсон подкрался к двери и прислушался, приложив ухо к щели. Тихо. Небось стоят и ждут с пистолетами наготове..

Мауритсон застегнул пиджак и взял чемодан.

— Уже уходишь, — огорчилась мать. — А я тебе булочки испекла. Любимые, с корицей.

Он резко повернулся к ней.

— Какие еще булочки, когда..

Мауритсон не договорил. В спальню из прихожей донеслись голоса.

...Они уже идут. Чего доброго, пристрелят на месте.. Он озираясь по сторонам, обливаясь холодным потом. Седьмой этаж, в окно не высочишь, и выход из спальни только один — в прихожую, где его ждут Мальмстрём и Мулен.

Он шагнул к матери, которая растерянно застыла у кровати.

— Ступай к ним! Скажи, что я сейчас выйду. Заведи их на кухню. Предложи булочек. Ну, живее!

Он подтолкнул ее к двери и прижался спиной к стене.

Тишина. Потом что-то звякнуло, словно в пистолет вставили магазин с патронами. Кто-то прокашлялся, раздался требовательный стук в дверь, и незнакомый голос произнес:

— Выходите, Мауритсон. Полиция.

Мауритсон распахнул дверь и, буквально застонав от облегчения, упал в объятия следователя Хёгфлюгта из Енчепингской уголовной полиции, который стоял с наручниками наготове.

...Через полчаса Мауритсон уже сидел в стокгольмском самолете

с полным пакетом сдобных булочек на коленях. Он убедил Хёгфлюгта, что никуда не денется, и обошлось без наручников.

Время от времени он протягивал сопровождающему пакет с булочками, но следователь Хёгфлюгт только тряс головой: он плохо переносил самолеты.

Точно по расписанию, в девять двадцать пять, самолет приземлился на аэродроме Бромма, и через двадцать минут Мауритсон

снова очутился в полицейском управлении на Кунгсхольмене. По пути туда он пытался представить себе, что теперь на уме у Бульдозера. Облегчение, испытанное им утром, когда его страхи не оправдались, испарилось, и на смену пришла тревога.

Бульдозер Ульссон нетерпеливо ждал прибытия Мауритсона. Ждали также избранные представители спецгруппы, а именно Эйнар Рёни и Гюнвальд Ларссон; остальные под руководством Колльберга готовили операцию против шайки Мурена.

Когда Бульдозеру доложили о находке в бомбоубежище, он от радости чуть не спятил. Он предвкушал великий день: Мауритсон у него в руках, Мурена и его собратьев тоже в два счета накроют, как только они явятся в банк на Русенлюндсгатан. Пусть даже не в эту пятницу — уж в следующую наверное. Словом, шайке Мурена недолго осталось гулять на свободе, а там он и до Вернера Руса доберется.

Телефонный звонок нарушил радужные грезы Бульдозера. Он схватил трубку и почти сразу выпалил:

— Сюда его, живо!

Бросил трубку, хлопком соединил ладони и деловито сообщил:

— Господа, сейчас он будет здесь. Мы готовы?

Гюнвальд Ларссон буркнул что-то; Рёни вяло произнес:

— Готовы.

Он великолепно понимал, что ему и Гюнвальду Ларссону предназначена роль аудитории. Бульдозер обожал выступать перед публикой, а сегодня у него, бесспорно, бенефис.

Исполнитель главной роли, он же режиссер, раз двадцать передвинул стулья других действующих лиц, прежде чем остался доволен. Сам он занял место в кресле за письменным столом; Гюнвальд Ларссон сидел в углу около окна, Рёни — справа от стола. Стул для Мауритсона стоял посреди кабинета, прямо напротив Бульдозера.

Раздался стук в дверь, и в кабинет ввели Мауритсона. У него и так было нехорошо на душе, а тут он и вовсе скис, видя, какая суровость написана на знакомых ему лицах.

Правда, этот рослый блондин — Ларссон, кажется, — с первого дня на него взъелся, а второй, с лиловым носом, должно быть, родился с такой угрюмой рожей, но вот то, что даже Бульдозер, который в прошлый раз был добродушным, как Дед Мо-

роз, сейчас глядит на него волком, — это плохой знак...

Мауритсон послушно сел, осмотрелся и сказал:

— Здравствуйте.

Не получив ответа, он продолжал:

— В бумагах, которые дал мне господин прокурор, не говорится, что я не должен выезжать из города. И вообще, насколько я помню, у нас такого уговора не было.

Видя, какой взгляд метнул на него Бульдозер, он поспешил добавит:

— Но я, конечно, к вашим услугам, если могу помочь чем-нибудь.

Бульдозер положил руки на стол и переплел пальцы. С минуту он смотрел на Мауритсона, потом заговорил елеинным голосом:

— Вот как, значит, — герр Мауритсон к нашим услугам. Как это любезно с его стороны. Да только теперь наша очередь оказать ему услугу. Ведь герр Мауритсон был не совсем откровенен с нами, верно? И его теперь, разумеется, мучает совесть. Вот мы и потрудились устроить эту маленькую встречу, чтобы герр Мауритсон мог облегчить свою душу.

Мауритсон растерянно поглядел на Бульдозера.

— Не понимаете? Может быть, герр Мауритсон вовсе не ощущает потребности покаяться?

— Я... честное слово, не знаю, в чем я должен каяться.

— Вот как? Ну а если я скажу, что речь идет о прошлой пятнице?

— О прошлой пятнице?

Мауритсон беспокойно заерзал на стуле. Он поглядел на Бульдозера, на Рёни, опять на Бульдозера, наткнулся на холодный взгляд голубых глаз Гюнвальда Ларссона и потупился. Тишина. Наконец Бульдозер снова заговорил:

— Да-да, о прошлой пятнице. Не может быть, чтобы герр Мауритсон не помнил, чем он занимался в этот день... А? Да и разве можно забыть такую выручку? Десяносто тысяч не безделица!

— Какие еще девяносто тысяч? Первый раз слышу!

Мауритсон явно хорохорился, и Бульдозер продолжал уже без елеса:

— Ну конечно, герр Мауритсон понятия не имеет, о чем это я говорю?

Мауритсон покачал головой.

— Может быть, герр Мауритсон хочет, чтобы я выразался

яснее? Герр Мауритсон этого хочет?

— Прошу вас, — смиренно произнес Мауритсон.

Гюнвальд Ларссон выпрямился: — Ну хватит представляться! Ты отлично знаешь, о чем речь.

— Конечно, знает, — добродушно сказал Бульдозер. — Просто герр Мауритсон ловчит, хочет показать, что его голыми руками не возьмешь. Так уж заведено — поломаться для начала. А может быть, он у нас просто застенчивый?

— Когда стучал на своих приятелей, небось не стеснялся, — желчно заметил Гюнвальд Ларссон.

— А вот мы сейчас проверим. — Бульдозер наклонился, сверля Мауритсона глазами. — Значит, тебе надо, чтобы я выразался яснее? Хорошо, слушай. Мы знаем, что это ты в прошлую пятницу ограбил банк на Хурисгатан, и отпираться ни к чему, у нас есть доказательства. К сожалению, грабежом дело не ограничилось, так что, сам понимаешь, ты здорово влип. Конечно, ты можешь заявить, что на тебя напали, что ты вовсе не хотел никого убивать, но факт остается фактом, и мертвеца не оживишь.

Мауритсон поблдеел, в корнях волос заблестели капельки пота. Он открыл рот, хотел что-то сказать, но Бульдозер перебил его:

— Надеюсь, тебе ясно, что в твоём положении юлить не стоит, только хуже будет. У тебя есть один способ облегчить свою участь — перестать отпираться. Теперь понял?

Мауритсон качал головой, открыв рот.

— Я... я ничего не знаю... не понимаю... — выговорил он наконец.

Бульдозер встал и заходил по кабинету.

— Дорогой Мауритсон, мое терпение безгранично, но глупость, когда человек глуп как пробка, я не переношу.

По голосу Бульдозера чувствовалось, что даже у безграничного терпения есть границы.

Мауритсон все так же качал головой, а Бульдозер, величественно прохаживаясь перед ним, продолжал вещать:

— Кончай вилать. Сказано тебе — у нас есть доказательства.

— Какие доказательства? Не грабил я никаких банков и никого не убивал. Черт те что!

Гюнвальд Ларссон вздохнул, поднялся и стал у окна спиной к остальным.

— С таким, как он, да еще вежливо разговаривать, — про-

цедил он через плечо. — Врезать ему по роже — сразу всё уразумеет.

Бульдозер уперся в стол локтями, положил подбородок на ладони и озабоченно посмотрел на Мауритсона.

— Ну так как, сударь?

Мауритсон развел руками.

— Но ведь я тут ни при чем.

Честное слово! Клянусь!

Бульдозер вдруг резко выдвинул нижний ящик стола:

— Значит, клянешься...

Он выпрямился, бросил на стол зеленую брезентовую сумку и торжествующе устоялся на Мауритсона, который глядел на сумку с явным удивлением.

— Да-да, Мауритсон, как видишь, все налицо.

Он аккуратно разложил на столе содержимое сумки.

— Парик, рубашка, очки, шляпа и, наконец, пистолет. Ну, что ты скажешь теперь?

Мауритсон ошалело переводил взгляд с одного предмета на другой, потом застыл, бледный как простыня.

— Что это... что за вещи... — Голос его сорвался, он прокашлялся и повторил вопрос.

Бульдозер устало поглядел на него и повернулся к Рённу.

— Эйнар, проверь, пожалуйста, — свидетели явились?

— Ага, — сказал Рёни, вставая. Через несколько минут он возвратился и доложил: «Ага».

— Ну что ж, Мауритсон, тогда пройдем в другой кабинет, устроим небольшой показ моделей. Ты идешь с нами, Гюнвард?

Бульдозер ринулся к двери, прижимая к груди сумку. Гюнвард Ларссон последовал за ним, грубо подталкивая Мауритсона.

Кабинет, в который они вошли, мало чем отличался от других помещений уголовного розыска. Письменный стол, стулья, шкафы для бумаг, столик для пишущей машинки. На одной стене — зеркало, через которое можно было наблюдать за всем происходящим из соседней комнаты.

Стоя за этим потайным окном, Эйнар Рёни смотрел, как Бульдозер помогает Мауритсону надеть синюю рубашку, натягивает ему на голову светлый парик, подает шляпу и темные очки. Мауритсон подошел к зеркалу и удивленно воззрился на свое отражение. При этом он глядел

прямо в глаза Рённу, и тому даже стало неловко, хотя он знал, что его не видно.

Очки и шляпа тоже пришлось Мауритсону в самый раз, и Рёни пригласил первого свидетеля — кассиршу из банка.

Мауритсон стоял посреди комнаты, сумка на плече; по команде Бульдозера он начал прохаживаться взад и вперед.

Кассирша повернулась к Рённу и кивнула.

— Присмотритесь хорошенько, — сказал Рёни.

— Ну, конечно, она. Никакого сомнения. Может быть, только брошки были поуже, вот и вся разница.

— Вы уверены?

— Совершенно. На сто процентов.

Следующим был бухгалтер банка.

— Это она, — решительно произнес он, едва взглянув на Мауритсона.

— Вы должны посмотреть как следует, — сказал Рёни. — Чтобы не было никакой ошибки.

Свидетель с минуту глядел, как Мауритсон ходит по комнате.

— Она, точно она. Походка,

Рисунки В. КОЛУНОВА

осанка, волосы... могу поручиться. — Он покачал головой. — Жалко, такая симпатичная девушка.

Было уже около часа, когда Бульдозер прервал допрос, так и не добившись признания. Правда, он не сомневался, что сопротивление Мауритсона скоро будет сломлено, а впрочем, доказательств и без того достаточно.

Задержанному позволили созвониться с адвокатом, после чего отправили в камеру предварительного заключения.

В общем, Бульдозер был доволен достигнутым и, наскоро проглотив в столовой камбалу с картофельным пюре, с новыми силами включился в охоту на шайку Мулена.

Колльберг крепко потрудился и сосредоточил крупные силы в двух главных точках, где ожидалось нападение: на Русенлюндсгатан и в окрестностях банка.

Мобильные отряды получили приказ быть наготове, но так, чтобы не привлекать внимания. На случай, если налетчикам все же удастся улизнуть, на путях отхода устроили моторизованные засады.

В гараже и на дворе полицейского управления на Кунгсхольмене даже ни одного мотоцикла не осталось, весь колесный транспорт расположили в тактически важных пунктах города.

Бульдозер в критические минуты должен был находиться в управлении, следить по радио за ходом событий и принимать участников налета по мере их поимки.

Члены спецгруппы разместились в банке и вокруг банка. Кроме Рённа, которому поручили следить за Русенлюндсгатан.

В два часа Бульдозер отправился на серой машине «вольво амалон» проверять посты. В районе Русенлюндсгатан, пожалуй, бросалось в глаза обилие полицейских машин, но около банка ничто не выдавало засады. Вполне удовлетворенный, Бульдозер вернулся на Кунгсхольмсгатан, чтобы ждать решающей минуты.

И вот на часах 14.45. Однако на Русенлюндсгатан все было спокойно. Ничего не произошло и минутой позже у здания полицейского штаба. А после того как в 14.50 не поступило никаких тревожных сигналов из банка, стало очевидно, что налет намечен не на эту пятницу.

На всякий случай Бульдозер подождал до половины четвертого, потом дал отбой. Репетиция прошла организованно и успешно.

Он созвал спецгруппу, чтобы

тщательно разобрать операцию и решить, какие детали требуют исправления и более тонкой отработки; как-никак в запасе еще целая неделя. Однако члены группы пришли к выводу, что никаких осечек не было.

Все участники операции действовали четко.

Никто не нарушил график.

В надлежащий час каждый находился в надлежащем месте.

Правда, налет не состоялся, но через неделю акция будет повторена с не меньшей, а то и с большей точностью и эффективностью.

Только бы Мальмстрём и Мурен не подкачали.

Между тем в эту пятницу случилось то, чего опасались больше всего. В ЦПУ вообразили вдруг, что кто-то вознамерился забросать яйцами посла Соединенных Штатов. А может быть, не яйцами, а помидорами, и не посла, а посольство. А может быть, не забросать, а поджечь, и не посольство, а звездно-полосатый флаг.

Тайная полиция нервничала. Она жила в вымышленном мире, кишащем коварными коммунистами, анархистами-террористами и опасными смутьянами, которые подрывали устои, протестуя против ограниченной продажи спиртного и загрязнения среды. Информацию о так называемых левых активистах тайная полиция получала от фашистских организаций, с которыми охотно сотрудничала.

Начальник ЦПУ нервничал еще больше.

Вот почему очередная демонстрация сторонников Вьетнама пришлось так некстати.

Десятки тысяч людей возмущались бомбежкой дамб и беззащитных деревень Северного Вьетнама, который американцы престижа ради вознамерились вернуть на стадию неолита, и негодующая толпа собралась на Хакбергет, чтобы принять резолюцию протеста. Оттуда демонстранты намеревались пройти к посольству США и вручить свой протест дежурному привратнику.

Этого нельзя было допустить. Острота ситуации усугублялась тем, что полицеймейстер Стокгольма находился в командировке, а начальник управления охраны порядка — в отпуске.

И начальник ЦПУ принял историческое решение: он лично позаботится о том, чтобы демонстрация прошла мимо, лично увлечет демонстрантов в безопасное место, подальше от звездно-полосатого флага. Таким безопасным

местом он считал парк Хумлегорден в центре города. Пусть прочтут там свою проклятую резолюцию и разойдутся.

Демонстранты были настроены миролюбиво и не стали артачиться. Процессия двинулась по Карлавеген на север.

Для обеспечения операции были мобилизованы все наличные полицейские силы. В числе мобилизованных был и Гюнвард Ларссон, который, сидя в вертолете, смотрел сверху на шествие людей с лозунгами и флагами. Он ясно видел, что сейчас произойдет, однако ничего не мог поделать. Да и, зачем?..

На углу Карлавеген и Стюрегатан колонна, движение которой направлял сам начальник ЦПУ, столкнулась с толпой болельщиков — они возвращались с Центрального стадиона, слегка подогретые винными парами и весьма недовольные бесцветной игрой футболистов. То, что было потом, больше всего напоминало отступление наполеоновских войск после Ватерлоо или визит папы римского в Иерусалим. Не прошло и трех минут, как вооруженные дубинками полицейские уже лупили налево и направо болельщиков и сторонников мира. Со всех сторон на толпу напирала мотоциклы и кони. Сбитые с толку демонстранты и любители футбола колошматили друг друга; полицейские под горячую руку дубасили своих коллег, одетых в штатское. Начальника ЦПУ пришлось вызывать на вертолете.

Правда, не на том, в котором сидел Гюнвард Ларссон, ибо Ларссон уже через несколько минут распорядился:

— Лети скорей, лети куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Около сотни человек было арестовано, еще больше избито. И никто из них не знал, за что пострадал.

В Стокгольме царил хаос.

А начальник ЦПУ по старой привычке дал команду:

— Об этом никому ни гугу.

XXVI

Мартин Бек снова скакал верхом...

Пригнувшись над гривой, он во весь опор мчался через поле, в одном строю с конниками в реланах. Впереди стояла артиллерия, и между мешками с песком на него смотрело в упор пушечное дуло. Знакомый черный глаз смерти. Вот навстречу ему вылетело ядро. Больше, больше... уже заполнило все поле зрения...

Это, надо понимать, Балаклавский бой. А в следующую секунду он стоял на мостике «Лайона».

Только что «Индефатигэйбл» и «Куин Мери» взорвались и пошли ко дну. Подбежал гонец: «Принцесс Ройял» взлетела на воздух! Битти наклонился и спокойно сказал, заглушая грохот битвы: «Бек, что-то неладно сегодня с нашими кораблями, черт бы их побрал. Два румба ближе к противнику!»

Дальше последовала обычная сцена с Гарфилдом и Гито; он соскочил с коня, пробежал через здание вокзала и принял пулю на себя. В ту самую секунду, когда Мартин Бек испускал последний вздох, подошел начальник ЦПУ, нацепил на его простреленную грудь медаль, развернул что-то вроде пергаментного свитка и прокрипел: «Ты назначен начальником канцелярии, жалование по классу Б-три».

Президент лежал ничком, цилиндр катился по перрону. Нахлынула волна жгучей боли, и Мартин Бек открыл глаза...

По пути к метро он думал о своем странном поведении накануне вечером.

Сидя за письменным столом в кабинете на Вестберга аллее, он ощутил вдруг острый приступ одиночества. Он размышлял о Сварде. И о Рее.

Мартин Бек получил от нее гораздо больше, чем рассчитывал, — как следователь, естественно. Целых три нити. А то и четыре.

Свард был болезненно скуп.

Свард всегда — ну не всегда, так много лет — запирался на сто замков, хотя не держал в квартире ничего ценного.

Незадолго перед смертью Свард тяжело болел, даже лежал в онкологической клинике.

Может быть, у него были припрятаны деньги? Если да, то где? Может быть, Свард чего-то боялся? Если да, то чего? Чем, кроме собственной жизни, мог он дорожить, запираясь в своей конуре?

Что за болезнь была у Сварда? Судя по обращению в онкологическую клинику — рак. Но если он был обречен, то к чему такие меры защиты?

Может быть, он остерегался кого-то? Если да, то кого? И почему он переехал на другую квартиру, которая была и хуже и дороже? Это при его-то скупости.

Вопросы. Непростые, но вряд ли неразрешимые.

В два-три часа с ними не справишься, понадобятся дни. Может быть, недели, месяцы. А то и годы.

Что же все-таки показала баллистическая экспертиза?

Пожалуй, с этого следует начать.

...Мартин Бек взялся за телефон. Но сегодня аппарат капризничал, раз пять Мартин Бек слышал в ответ «минуточку!», после чего наступала гробовая тишина. В конце концов он все-таки разыскал девушку, которая семнадцать дней назад вскрывала грудную клетку Сварда.

— Да-да, — сказала она, — теперь припоминаю. Звонил тут один из полиции насчет этой пули, всю голову мне продолбил.

— Старший следователь Рёйн.

— Возможно, не помню. Во всяком случае, не тот, который сначала вел это дело, не Альдор Гюставссон. Неуверенный какой-то и все время мямлит.

— Ясно, а дальше?

— Ну ведь я уже говорила вам в прошлый раз, полиция поначалу довольно равнодушно подошла к этому делу. Пока не позвонил этот ваш мямля, никто и не заикался о баллистической экспертизе. Я даже не знала, что мне делать с пулей. Но...

— Да?

— В общем, я решила, что выбрасывать ее не годится, и положила в конверт. Туда же положила свое заключение, по всем правилам. Так, как у нас заведено, когда речь идет о настоящем убийстве. Правда, в лабораторию не стала посылать, я же знаю, как они там перегружены.

— А потом?

— Потом куда-то засунула конверт. Но в конце концов я его все-таки отыскала и отравила.

— На исследование?

— У меня нет таких прав. Но если в лабораторию присылают пулю, они, надо думать, исследуют ее, хотя бы речь шла о самоубийстве.

— О самоубийстве?

— Ну да. Я написала так в примечании. Ведь из полиции сразу сказали, что речь идет о суицидуме.

— Ясно, буду искать дальше, — сказал Мартин Бек. — Но сперва к вам будет еще один вопрос.

— Какой?

— При вскрытии вы ничего особенного не заметили?

— Как же, заметила, что он застрелился. Об этом сказано в моем заключении.

— Да нет, я, собственно, о другом. Вы не обнаружили признаков какого-нибудь серьезного заболевания?

— Нет. Никаких органических изменений не было. Правда...

— Что?

— Я ведь не очень тщательно его исследовала. Определила причину смерти, и все. Только грудную клетку и смотрела.

— Значит, болезнь не исключается?

— Конечно. Все, что угодно, — от подагры до рака печени. Скажите, а почему вы так копаетесь? Рядовой случай, ничего особенного...

Мартин Бек попробовал разыскать кого-нибудь из сотрудников баллистической лаборатории. Ничего не добился и в конце концов вынужден был позвонить начальнику научно-технического отдела, Оскару Ельму, который пользовался славой выдающегося специалиста по криминальной технике. И малоприятного собеседника.

— А, это ты, — процедил Ельм. — Я-то думал, тебя сделали начальником канцелярии... Видно, не оправдались мои надежды.

— Почему ты так решил?

— Начальники канцелярий сидят и думают о своей карьере. Кроме тех случаев, когда играют в гольф или мелют вздор по телевидению. Уж они-то не звонят сюда и не задают пустых вопросов. Ну так что тебя интересует?

— Ничего особенного, баллистическая экспертиза.

— Ничего особенного? А точнее можно? Нам ведь каждый недоумок какую-нибудь дрянь шлет. Горы предметов ждут исследования, а работать некому. Если бы кто-нибудь это понимал. Начальник целу по лет к нам не заглядывал, а когда я весной попросился к нему на прием, он велел передать, что на ближайшее время у него все расписано. Ближайшее время, а сейчас уже июль!

— Знаю, знаю, что у вас хоть волком вой.

— Это еще мягко сказано. — Голос Ельма звучал несколько приветливее. — Ты просто не представляешь себе, что творится.

Оскар Ельм был неисправимый брюзга, зато хороший специалист. И он был восприимчив к лести.

— Поразительно, как вы со всем управляетесь, — продолжал Мартин Бек.

— Поразительно? — повторил Ельм совсем уже добродушно. — Это не поразительно, это чудо. Ну так что у тебя за вопрос к баллистической экспертизе?

— Да я насчет пули, которую извлекли из одного покойника. Фамилия убитого Свард, Карл Эдвин Свард.

— Ясно, помню. Типичная история. Диагноз — самоубийство.

Патологоанатом прислал пулю нам, а то с ней делать, не сказал. Может, позолотить и отправить в криминалистический музей? Или это послание надо понимать как намек: дескать, отправляйся на тот свет сам, пока не пришли?

— А какая пуля?

— Пистолетная. Пистолет у тебя?

— Нет.

— Откуда же взяли, что это самоубийство?

Хороший вопрос. Мартин Бек сделал отметку в своем блокноте.

— Какие-нибудь данные можешь сообщить?

— Конечно. Сорок пятый калибр, род оружия — автоматический пистолет. Если ты пришлешь гильзу, определим поточнее.

— Я не нашел гильзы.

— Не нашел? А что, собственно, делал этот Свярд после того, как застрелился?

— Не знаю.

— Вообще-то, с такой пулей в груди особую пруть не разовьешь. Ложись да помирай, вот и весь сказ.

— Понятно, — сказал Мартин Бек. — Спасибо.

Что ж, один вопрос выяснен. Кто бы ни стрелял, сам Свярд или кто-то другой, он действовал наверняка. Сорок пятый калибр гарантирует успех. Это ясно, а в целом — много ли дал ему этот разговор?

Пуля — это еще не доказательство, если нет оружия или хотя бы гильзы.

Правда, выяснялась одна деталь. Ельм сказал, что пуля от автоматического пистолета сорок пятого калибра, а на его слова можно положиться. Итак, Свярд убит из автоматического пистолета.

А в остальном все непонятно по-прежнему: Свярд не мог покончить с собой, и никто другой не мог его убить.

...Мартин Бек продолжал поиск. Он начал с банков, зная по опыту, что на них уйдет уйма времени.

Мартин Бек не давал передышки телефону.

Говорят из полиции. По поводу такого-то, проживающего по адресу... регистрационный номер... Просим сообщить, не открывал ли он у вас личный счет, был ли у него абонентский ящик.

Вопрос сам по себе несложный, но пока всех обзвонить... А тут еще и конец рабочего дня. Раньше понедельника-вторника отвечать не жди.

Еще нужно бы позвонить в

больницу, где лежал Свярд, но это Мартин Бек сразу отложил на понедельник.

Его рабочий день тоже подходил к концу.

В семь часов он все еще сидел в своем кабинете, хотя рабочий день кончился два часа назад и сегодня он больше ничего не мог сделать для следствия.

Самым осязаемым итогом дня была мозоль на указательном пальце правой руки от усердного вращения телефонного диска.

Напоследок он отыскал в телефонной книге Рею Нильсен. И уже хотел набрать ее номер, но поймал себя на том, что не знает, о чем ее спросить, во всяком случае, в связи с делом Свярда. Служба тут ни при чем, просто он хотел убедиться, дома ли Рея, и задать ей только один вопрос.

Можно зайти?

Мартин Бек снял руку с аппарата и поставил телефонные книги на место. Потом навел порядок на столе, выбросил ненужные бумажки, аккуратно сложил карандаши.

Выйдя на улицу, Мартин Бек зашагал к метро. Ему пришлось довольно долго ждать, прежде чем подошли зеленые вагоны, снаружи очень аккуратные, а внутри изуродованные хулиганами — все сиденья изрезаны, ручки оторваны или отвинчены.

В Старом городе он сошел и направился к своему дому.

Дома, надев пижаму, поискал пива в холодильнике и вина в шкафу, хотя знал, что ни того, ни другого нет.

Открыл банку крабов и сделал себе два бутерброда. Откупорил бутылку минеральной воды. Поел. Ужин как ужин, совсем даже неплохой, но уж больно тоскливо сидеть и жевать в одиночестве... Правда, позавчера было точно так же тоскливо, но тогда его это почему-то меньше трогало.

Засыпая, Мартин Бек думал о макаронах с мясным соусом. И поймал себя на том, что ждет завтрашнего дня с чувством, смахивающим на нетерпение. А так как чувство это было ничем не оправдано, бессодержательность субботы и воскресенья показалась ему особенно невыносимой.

Впервые за несколько лет уединение превратилось в нестерпимую муку. Дома не сиделось, и в воскресенье он даже совершил прогулку на пароходике до Мариенфред, но это не помогло. Он и на воле чувствовал себя словно взаперти. Что-то в его жизни крепко не ладилось, и он не хо-

тел больше с этим мириться, как мирился прежде. Глядя на других людей, Мартин Бек догадывался, что многие из них пребывают в таком же тупике, но то ли не осознают этого, то ли не хотят осознавать.

В понедельник утром он опять скакал верхом во сне. Гито держал в руке автоматический пистолет сорок пятого калибра. А когда Мартин Бек выполнил свой жертвенный ритуал, к нему подошла Рея Нильсен и спросила: «Что за идиотскую затею ты придумал?»

Придя в свой кабинет, он снова взялся за телефон.

Начал с клиники. И с немалым трудом добился ответа, из которого мало что можно было извлечь.

Свярд был госпитализирован в понедельник шестого марта. Но уже на другой день его перевели в инфекционное отделение больницы Сёдер.

Почему?

— На этот вопрос теперь не так-то легко ответить, — сказала секретарша, отыскав наконец в регистрационных книгах имя Свярда. — Очевидно, случай не по нашему профилю. Истории болезни нет, есть только пометка, что он поступил с направлением от частного врача.

— А что за врач?

— Некий доктор Берглюнд, терапевт.

У доктора Берглюнда автоматический ответчик сообщил, что прием временно прекращен, до пятнадцатого августа.

Но Мартина Бека никак не устраивало ждать больше месяца, чтобы узнать, чем болел Свярд.

Мартин Бек доехал на такси до больницы и, поблуждав немного, отыскал человека, коему положено было знать все о состоянии здоровья Свярда.

Это был мужчина лет сорока, небольшого роста, волосы темные, глаза неопределенного цвета — серо-голубые с зелеными и светло-коричневыми искорками.

Пока Мартин Бек искал в карманах несуществующие сигареты, заведующий отделением, надев очки в роговой оправе, углубился в бумаги. Десять минут прошло в полном молчании. Наконец он сдвинул очки на лоб и посмотрел на посетителя.

— Ну так. Что же вы хотели узнать?

— Чем болел Свярд?

— Ничем.

С минуту Мартин Бек осмысливал это несколько неожиданное заявление.

Потом спросил:

— Почему же он пролежал тут почти две недели?

— Точнее, одиннадцать суток. Мы провели тщательное обследование. Были некоторые симптомы, было направление от частного врача.

— Доктора Берглюнда?

— Совершенно верно. Пациент считал себя тяжело больным. Впервые, у него были две шишки на шее, во-вторых, в области живота слева — опухоль. Она легко прощупывалась, и пациент решил, что у него рак. Обратился к частному врачу, тот нашел тревожные симптомы. Но ведь частные врачи обычно не располагают необходимым оборудованием, чтобы диагностировать такие случаи. Пациента скоропалительно направили в онкологическую клинику. А там сразу выяснилось, что пациент не прошел обследования, и его перевели к нам. Ну а обследование — дело серьезное, надо было взять не один анализ.

— И вывод гласил, что Свард здоров?

— Практически здоров. Насчет шишек на шее мы сразу его успокоили — обыкновенные жировики, ничего опасного. Опухоль в области живота потребовала более серьезного исследования. Но ничего серьезного мы не нашли. Киста. Ее можно было удалить, но мы посчитали, что в таком вмешательстве нет нужды. Пациент не испытывал никаких неудобств. Правда, он утверждал, что у него прежде были сильные боли, но они явно носили психосоматический характер.

Врач остановился, посмотрел на Мартина Бека, как глядят на детей и малограмотных взрослых, и пояснил:

— Попросту говоря, самовнушение.

— Вы лично общались со Свардом?

— Конечно. Я каждый день с ним разговаривал, и перед его выпиской у нас состоялась долгая беседа.

— Как он держался?

— Первое время все его поведение определялось мыслями о мнимой болезни. Он был уверен, что у него неизлечимый рак и его дни сочтены. Думал, что ему осталось жить от силы месяц.

— Что ж, он угадал, — встал Мартин Бек.

— В самом деле? Попал под машину?

— Застрелен. Возможно, покончил с собой.

Врач снял очки и задумчиво тротер их уголком халата.

— Второе предположение кажется мне совсем невероятным.

— Почему?

— Как я уже сказал, перед выпиской Сварда у меня была с ним долгая беседа. Когда он убедился, что никакой болезни нет, у него словно гора с плеч свалилась. Прежде он был страшно подавленный, а тут совсем переменялся, сразу повеселел. Еще до этого выяснилось, что его боли исчезают от самых простых средств. От таких таблеток, которые, между нами говоря, вовсе не являются болеутоляющими.

— Значит, по-вашему, он не мог покончить с собой?

— Не такая натура.

— А какая у него была натура?

— Я не психиатр, но на меня он произвел впечатление человека сурового и замкнутого. Персонал жаловался на него — придирается, брюзжит... Но это все проявилось уже в последние дни, после того как он понял, что у него нет ничего опасного.

Подумав, Мартин Бек спросил:

— Вы не знаете, к нему не приходили посетители?

— Мне он говорил, что у него нет друзей. Правда, родственник Сварда — он племянником назвался — звонил во время моего дежурства и спрашивался, как здоровье дяди.

— И что вы ответили?

— Мы как раз получили все данные, когда он позвонил. И я сразу обрадовал его, ответил, что Свард здоров и проживет еще много лет.

— Ну и как он реагировал?

— Судя по голосу, удивился. Очевидно, Свард не только себя, но и его убедил, что не выйдет живым из больницы.

— Этот племянник как-то назвался?

— Наверно, но я не запомнил фамилию.

— Мне сейчас вот что пришло в голову, — сказал Мартин Бек. — Разве не заведено, чтобы пациент сообщал фамилию и адрес кого-нибудь из родных или знакомых на случай...

— Совершенно верно. — Врач снова надел очки. — Сейчас поглядим... Тут должно быть написано. Точно, есть. Рея Нильсен.

Глубоко задумавшись, шел Мартин Бек через парк Тантолюнден.

А задуматься было о чем.

Карл Эдвин Свард не имел ни братьев, ни сестер.

Откуда же взялся племянник?

Придя домой, Мартин Бек долго бродил по квартире в отвра-

тительнейшем настроении, прежде чем взял очередную книгу и лег. Книга была недостаточно скучной, чтобы усыпить его, и недостаточно интересной, чтобы прогнать сон. Часов около трех он встал и принял две таблетки снотворного, от чего обычно старался воздерживаться. Быстро уснул и проснулся совсем разбитый, хотя на этот раз обошлось без снов.

Рабочий день он начал с того, что внимательно проштудировал все свои записи. Этого занятия ему хватило до второго завтрака — чашки чаю и двух сухарей.

Когда он вернулся в кабинет, зазвонил телефон.

— Комиссар Бек? — спросил мужской голос.

— Да.

— Говорят из Торгового банка. Мы получили запрос относительно клиента по фамилии Свард, Карл Эдвин Свард.

— Да, слушаю?

— У нас открыт счет на его имя.

— На счету есть деньги?

— Около шестидесяти тысяч. Вообще...

Говорящий замаялся.

— Ну, что вы хотели сказать? — подбодрил Мартин Бек.

— Вообще, я бы сказал, счет какой-то странный.

— Бумаги у вас под рукой?

— Конечно.

— Я могу сейчас приехать и взглянуть на них?

— Разумеется. Спросите заведующего отделением Бенгтссона.

Отделение банка находилось на углу Уденгатан и Свеавеген, и, несмотря на оживленное движение, Мартин Бек добрался туда за каких-нибудь полчаса.

Ему отвели столик за стойкой, и, просматривая бумаги, он подумал, усмехнувшись, что есть все-таки что-то положительное в порядках, позволяющих полиции копаться в личных делах граждан.

Заведующий отделением был прав: странный счет.

— Клиент предпочел чековый счет, — объяснил он. — Было бы естественнее выбрать какую-нибудь другую форму вклада, которая дает более высокий процент.

Верное замечание, но Мартина Бека больше заинтересовала регулярность взносов. Ежемесячно поступало семьсот пятьдесят крон, причем всегда между пятнадцатым и двадцатым числами.

— Насколько я понимаю, — сказал Мартин Бек, — деньги вносились не здесь.

— Совершенно верно, ни одного вклада не сделано у нас. Вот посмотрите, каждый взнос оформлен в другом отделении. Технически это никакой роли не играет. Но эта постоянная смена адресов отправителя, похоже, не случайна.

— Вы хотите сказать, что Свярд перечислял деньги сам, но так, чтобы его не узнали?

— Да... похоже на то. Когда перечисляешь деньги на свой счет, необязательно указывать фамилию отправителя.

— Но ведь бланк все равно надо заполнять?

— Как когда. Очень часто клиент просто вручает деньги кассиру и просит оформить перевод. Не все умеют бланки заполнять, тогда кассир вписывает фамилию адресата, номер личного счета, расчетный счет. Это предусмотрено правилами сервиса.

— А дальше что?

— Клиент получает копию бланка в качестве квитанции. Когда клиент перечисляет деньги на собственный счет, банк не шлет ему извещения. Вообще, уведомления посылают только в том случае, если клиент об этом просит.

— Понятно, а куда попадают оригиналы бланков?

— В наш центральный архив. Мартин Бек медленно провел пальцем вдоль колонки цифр.

— Свярд не брал денег со своего счета? — спросил он.

— Нет, и это мне кажется самым странным. Ни одного чека не выписал. А когда я стал проверять, выяснилось, что он даже чековой книжки не брал, во всяком случае последние несколько лет.

Мартин Бек потер переносицу. На квартире Свярда не нашли ни чековой книжки, ни уведомлений, ни копий бланков.

— Кто-нибудь из здешнего отделения знает Свярда в лицо?

— Нет, мы его никогда не видели.

— Когда открыт счет?

— Судя по всему, в апреле тысяча девятьсот шестьдесят шестого.

— И с тех пор ежемесячно поступало семьсот пятьдесят крон?

— Да. Правда, последний взнос получен шестнадцатого марта этого года. — Заведующий заглянул в свой календарик. — Это был четверг. А в апреле ничего не поступило.

— Это объясняется очень просто, — сказал Мартин Бек. — Свярд умер.

— Что вы говорите... Нас не известили. Обычно в таких случаях к нам обращаются претенденты на наследство.

— Ну, в этом случае претендентов не было.

Чиновник озадаченно посмотрел на него.

— Зато теперь будут, — добавил Мартин Бек. — Всего доброго.

Лучше не задерживаться, пока кто-нибудь не надумал ограбить этот банк. Если при нем произойдет налет, как пить дать привлекут его в спецгруппу. «Откомандируют»... «Отрядят»...

Дело повернулось новой стороной. Семьсот пятьдесят крон в месяц шесть лет подряд! Как говорится, постоянный доход. И поскольку Свярд ничего не расходовал, на таинственном счету накопилась изрядная сумма. Пятьдесят четыре тысячи крон плюс проценты.

Для Мартина Бека это были большие деньги.

Для Свярда, надо думать, — целое состояние.

Новый поворот подсказывали новые пути поиска.

Для начала надо, во-первых, потолковать с налоговыми органами, во-вторых, взглянуть на бланки перечислений, если они и впрямь сохранились.

Налоговое управление не располагало данными о Свярде.

Когда речь идет о бедняках, в ряду которых он числился, власти ограничиваются утонченной формой эксплуатации, которая выражается в наценке на продовольственные товары и сильнее всего бьет по карману тех, у кого карман и без того самый тощий.

Так, а что же с бланками перечислений?..

В Центральном отделении Торгового банка быстро отыскали двадцать два последних бланка. Все бланки оформлены в разных отделениях, и каждый заполнен другой рукой — несомненно, рукой кассира. Конечно, этих людей можно разыскать и опросить. Колоссальный труд, который скорее всего ничего не даст.

Кто может вспомнить клиента, который много месяцев назад перечислил на свой счет семьсот пятьдесят крон? Никто!

И вот Мартин Бек сидит у себя дома и пьет чай из «мемориальной» кружки.

Мартин Бек опять был не в своей тарелке. Опять душа не на месте, опять муторно, но теперь это отчасти объяснялось тем, что он никак не мог выкинуть из головы служебные дела.

Свярд. Эта дурацкая запертая комната.

Таинственный вкладчик.

Вот именно: таинственный вкладчик. Кто он? Неужели все-таки сам Свярд?

Нет. Трудно поверить, чтобы Свярд стал так мудрить.

Да и трудно представить, чтобы обыкновенный складской рабочий додумался завести чековый счет в банке.

Нет, деньги перечислял кто-то другой. По-видимому, мужчина — очень уж сомнительно, чтобы в банк пришла женщина, назвалась Карлом Эдвином Свярдом и сказала, что хочет перечислить семьсот пятьдесят крон на свой чековый счет.

И вообще: с какой стати кто-то слал Свярду деньги?

Этот вопрос пока что повисал в воздухе.

Кроме того, есть еще одна непонятная фигура.

Загадочный племянник.

Но невидимка номер один — человек, который то ли в апреле, то ли в начале мая ухитрился застрелить Свярда, хотя тот забаррикадировался, как в крепости, в запертой комнате.

А может быть, эти трое неизвестных — на самом деле одно лицо? Вкладчик, племянник, убийца?

Да, есть над чем поломать голову.

Мартин Бек поставил кружку и поглядел на часы. Быстро время пролетело — уже половина десятого. Идти куда-нибудь поздно. Да и куда бы он пошел?

Мартин Бек поставил пластинку с Бахом и включил проигрыватель. Потом лег в постель.

Если отвлечься от всех пробелов и вопросовительных знаков, можно составить версию. Племянник, вкладчик и убийца — один человек. Свярд занимался умеренным шантажом и шесть лет принуждал этого человека платить ему семьсот пятьдесят крон в месяц, однако из-за болезненной скупости ничего не тратил. Его жертва продолжала платить год за годом, пока не лопнуло терпение.

Представить себе Свярда в роли шантажиста не так уж трудно. Но у шантажиста должны быть какие-то козыри против того, у кого он вымогает деньги.

Шантажист должен располагать какой-то информацией.

Где мог складской рабочий добыть такую информацию?

Там, где он работал. Или там, где жил.

Насколько известно, Свярд, в общем-то, больше нигде и не бывал. Только дома и на работе.

Но в июне 1966 года Свярд

оставил работу. За два месяца до этого на его счет поступил первый внос.

Значит, началось все больше шести лет назад. А чем занимался Свядр после этого?

Когда Мартин Бек проснулся, пластинка все еще крутилась. Может быть, ему что-то и приснилось, но память ничего не сохранила.

Среда, новый рабочий день, и

океанские пароходы, их заменили паромы для любителей выпивки с островов. Хороша замена... И вымирает старая гвардия докеров и моряков, без которых порт совсем не тот.

Сегодня Мартин Бек получал удовольствие от прогулки, шагал быстро, целеустремленно, думая о своем.

Эти упорные слухи о предстоящем повышении... Вот уж некта-

уголок для пишущей машинки, личный секретарь — эта мысль сегодня страшила его куда больше, чем неделю назад. В конце концов, может быть, не все равно, как сложится его жизнь в дальнейшем...

Полчаса быстрого хода — и вот он у цели.

Старый пакгауз был явно обречен на снос, он не предназначался для контейнерных перевозок и вообще не отвечал современным требованиям.

Ничего похожего на кипучую деятельность... Закуток заведующего складом пуст, стекла, через которые высокое начальство некогда наблюдало за работой, пыльные. Одно и вовсе разбито. Календарь на стене — двухлетней давности.

Рядом с горкой штучного груза стоял электропогрузчик, а позади него Мартин Бек увидел двух рабочих, один был в оранжевом комбинезоне, другой в сером халате. Первый — совсем молодой, другому можно было на вид дать все семьдесят. Они сидели на пластиковых канистрах, между ними стоял опрокинутый ящик. Младший покурился, читая вечернюю газету.

Рабочие безучастно посмотрели на Мартина Бека; правда, младший выплюнул окурочку и растер его каблуком.

— Курить в пакгаузе, — покачал головой старший. — Да знаешь, что тебе за это было бы...

— ...раньше, — кисло договорил за него младший. — Так ведь то раньше, а мы живем теперь, или ты этого до сих пор не усек, старый хрыч?

Он повернулся к Мартину Беку: — А вам что тут надо? Посторонним вход воспрещен. Вон и на двери написано. Может, вы читать не умеете?

Мартин Бек вытащил бумажник и показал удостоверение.

— Легавый, — процедил младший.

Старик ничего не сказал, но устоялся в землю и отхаркнулся, словно для плевка.

— Вы здесь давно работаете?

— Семь дней, — сказал младший. — И завтра конец, уж лучше вернусь на грузовой автовокзал. А вам зачем?

Не дождавшись ответа, парень добавил:

— Здесь скоро вообще всему конец. А дед вот помнит еще времена, когда в этой чертовой развалюхе вкалывали двадцать пять ребят и два десятника покрывали. Он мне об этом раз двести толковал.

— Тогда он, наверно, помнит ра-

совершенно ясно, с чего он должен начаться. С прогулки.

Он решил побродить по набережным. Сперва — по Корабельной, потом, перейдя через Слюсен, свернуть на восток вдоль Стадсгорден.

Он всегда любил эту часть Стокгольма. Особенно в детстве, когда у причалов стояли пароходы с товарами из дальних стран. Теперь редко увидишь настоящие

ти. Мартин Бек пуше всего на свете боялся такой должности, которая прикует его к письменному столу. Он всегда предпочитал работать, как говорится, на объекте, дорожил возможностью приходить и уходить когда заблагорассудится.

Мысль о большом кабинете — длинный стол, две картины на стенах (подлинники), вращающийся стул, кресла для посетителей,

бочего по фамилии Свард. Карл Эдвин Свард.

Старик поднял на Мартина Бека мутные глаза.

— А что стряслось? Я ничего не знаю.

Все ясно: из конторы уже передали, что полиция ищет кого-нибудь, кто помнит Сварда.

— Помер он, Свард, помер, давно похоронили, — ответил Мартин Бек.

— Помер? Вот оно что... Ну, тогда я его помню.

— Не заливай, дед, — вмешался парень. — А кого Юханссон на днях расспрашивал? И никакого толку не добился. У тебя паутина в мозгах.

Видно, он решил, что Мартина Бека можно не опасаться, потому что спокойно закурил новую сигарету и продолжал:

— Я вам точно говорю, дед из ума выжил. На следующей неделе увольняют, с нового года будет пенсию получать. Если доживет.

— У меня с памятью все в порядке, — оскорбленно возразил старик. — И уж кого-кого, а Калле Сварда я хорошо помню. Да только мне никто не сказал, что он помер.

Мартин Бек молча слушал.

— На том свете и фараон тебя не достанет, — философски заключил старик.

Парень встал, взял канистру и зашагал к воротам.

— Скорей бы этот чертов грузовик пришел, — пробурчал он. — А то в этом доме престарелых сам плесенью обростешь.

— Что за человек он был, этот Калле Свард? — спросил Мартин Бек.

Старик покачал головой, опять отхаркнулся и чуть не попал плевром в правый ботинок Мартина Бека.

— Какой человек? Это все, что тебе надо знать?

— Все.

— А он точно помер?

— Точно.

— В таком случае разрешите доложить, что Калле Свард был первый подонок во всей этой дерьмовой стране. То есть я другого такого подонка не встречал. — Что же в нем такого особенного было, в этом Сварде?

— Особенного? Да уж что верно, то верно — лентяй он был особенный, другого такого не сыщешь. А еще скупердяй, какого свет не видел, и никудышный товарищ. От него, хоть ты помирай, глотка воды не дождешься.

Он помолчал, затем плутовато добавил:

— Правда, кое в чем он был молодец.

— Например?

Старик отвел глаза, помялся, потом сказал:

— Например? Да хоть лизать корму начальству. И спихивать на других свою работу. Больным прикидываться. Опять же инвалидность ухитрился вовремя получить, не стал дожидаться, когда его уволят.

Мартин Бек сел на ящик.

— А ведь ты не это хотел сказать.

— Я?

— Да, ты.

— А Калле точно отдал концы?

— Умер. Слово.

— Откуда у фараона честное слово... И вообще, негоже покойника охавать, хотя, по-моему, это не так уж важно, только бы ты с живыми по совести обращался.

— Подписываюсь двумя руками, — сказал Мартин Бек. — Ну, так в чем же Калле Свард был молодец?

— А в том, что знал он, какие ящики разбивать. Но все норовил в сверхурочные часы, чтобы не делиться.

Мартин Бек встал. Так, вот еще один факт, и, наверно, единственный, которым располагает этот старик. Умение разбивать нужный ящик всегда играло важную роль в этой профессии... Чаще всего страдали при перевозке спиртное, табак и всякие мелкие изделия, которые несложно унести и сбыть.

— Ну вот, — сказал старик, — сорвалось с языка. Ладно... Узнал, что надо, и сразу сматываешься. Давай, всего, приятель.

Карл Эдвин Свард не пользовался любовью товарищей, но пока он жил, с ним обращались по совести...

— Всего, — повторил старик. — Счастливый путь.

Мартин Бек уже шагнул к двери и открыл рот, чтобы поблагодарить и попрощаться, но передумал и снова сел на ящик.

— А что, посидим еще, потолкуем?

— Чего, чего? — недоверчиво вымолвил старик.

— Вот только жаль, пива нет. Но я могу сходить.

Старик вытаращил глаза. Выражение покорности судьбе сменилось на его лице удивлением.

— Нет, ты правда?.. Потолковать... со мной?

— Ну да.

— Так у меня есть. Пиво есть. Вот, под ящиком, ты на нем сидишь.

Мартин Бек приподнялся, и

старик достал из-под ящика две банки пива.

— Плачу? — спросил Мартин Бек.

— Плати, коли хочется. А можно и так.

Мартин Бек протянул ему пятачок и снова сел.

— Так говоришь, по морям плавал, — сказал он. — И когда же ты первый раз в рейс пошел?

— В девятьсот двадцать втором, из Сундсвалля. Судно называлось «Фрам». А шкипера звали Янссон. Ох и злыдень был...

Когда они откупорили по второй банке, вошел водитель электропогрузчика. И сделал большие глаза:

— Вы в самом деле из полиции?

Мартин Бек промолчал.

— Да вас самих привлечь не мешало бы, — заключил парень и опять вышел.

Мартин Бек ушел только через час, когда к пакгаузу наконец подъехал грузовик.

Этот час не был брошен на ветер. У старых рабочих есть что порассказать, странно только, что никому нет до них дела. Взять хоть этого старика — сколько он повидал и пережил на суше и на море...

И в деле Сварда появилась еще одна ниточка, которую не мешало бы размотать.

Мартин Бек был в отличной форме, когда после ленча вошел в контору транспортной фирмы на Корабельной набережной.

Он понимал, что с его вопросом не приходится рассчитывать на особенную отзывчивость. И не ошибся.

— Повреждения грузов при перевозке?

— Вот именно.

— Конечно, без повреждений не обходится. Вам известно, сколько тонн в год мы обрабатываем?

Риторический вопрос. От него явно хотели поскорее отделаться, но он не собирался отступать. Ему надо было знать, что могло случиться, когда работал на складе Свард.

— Шесть лет назад?

— Шесть, семь... Давайте возьмем шестьдесят пятый и шестьдесят шестой годы.

— Вы посудите сами, можем ли мы ответить на такой вопрос? Я вам уже сказал, что в старых пакгаузах повреждения случались чаще. И бывало, что ящики разбивались, но ведь на то и страховка, чтобы покрывать такие потери. С рабочих редко взыскивали. Кого-то иногда приходилось увольнять, не без этого, но в основном временных.

Мартина Бека интересовало, регистрировались ли где-нибудь повреждения грузов, с указанием виновного.

Конечно, десятник делал соответствующую запись в амбарной книге.

А сохранились амбарные книги за те годы, когда Свярд работал на складе?

Надо думать, сохранились в каком-нибудь старом ящике на чердаке. Там невозможно что-нибудь найти. Сейчас ничего не выйдет.

После непродолжительной дискуссии, что понимать под словом «невозможно», было решено, что простейший способ избавиться от него — уступить.

На чердак послали молодого человека, который почти сразу вернулся с пустыми руками и удрученным лицом. Мартин Бек отметил, что на пиджаке клерка нет даже следов пыли, и вызвался сам сопровождать его в повторной вылазке.

На чердаке было очень жарко, и в солнечных лучах плясали пылинки, но, в общем-то, ничего страшного, и через полчаса они нашли нужный ящик. Папки были старого типа, картонные, с коленкорovým корешком. На ярлычках — номер пакгауза, год. Всего набралось пять папок — от второй половины шестидесяти до первой половины шестидесяти шестого года.

Молодой клерк утратил свой чинный вид, его пиджак просился в химчистку, все лицо было в грязных потеках.

В конторе на папки посмотрели с удивлением и неприязнью.

Нет, нет, никаких расписок не надо, и возвращать папки не обязательно.

— Надеюсь, я не очень много хлопот причинил, — утихо сказал Мартин Бек.

Когда он удалился, зажав добычу под мышкой, его провожали холодные взгляды.

Добравшись до Вестберга аллее, Мартин Бек первым делом отнес папки в туалет и стер с них пыль. Потом умылся сам, после чего сел за свой стол и углубился в документы.

Когда он приступил, часы показывали три; в пять часов он решил, что можно подвести черту.

Количество обработанных грузов учитывалось ежедневно, и записи были сделаны достаточно аккуратно, но сплошные сокращения мало что говорили непосвященному человеку.

Тем не менее Мартин Бек нашел искомое — разбросанные тут и там пометки о поврежденных грузах.

Всякий раз был указан род товара и адресат. Но о виновнике повреждения ни слова.

В целом повреждений было не так уж много, зато бросалось в глаза явное преобладание в этой рубрике спиртных напитков, продовольственных товаров, изделий ширпотреба.

Мартин Бек тщательно занес в свой блокнот все случаи повреждений, с указанием даты. Получилось около полусотни записей.

Закончив работу, он отнес пап-

гангстеры получили возможность провозить контрабандой все, что угодно. И делают это повседневно, пользуясь тем, что обалдевшая таможня сосредоточила весь огонь на личном багаже, вылавливая лишний блок сигарет или бутылочку виски.

Подождал поезд. Мартин Бек сделал пересадку на Центральной станции и вышел у Торгового училища.

В винной лавке на Сюрбрюнгсгата продавщица подозрительно

ки в канцелярию и написал на листке бумаги, чтобы их отправили в транспортную фирму.

Подумал и приложил к папкам благодарственную записку на бланке полицейского управления: «Спасибо за помощь! Бек».

Идя к метро, он вдруг сообразил, что по его вине фирме прибавится работы. И с удивлением поймал себя на этаким ребяческом злорадстве.

В ожидании зеленого поезда, над которым потрудились хулиганы, Мартин Бек размышлял о современных контейнерных перевозках. Раньше ведь как было: уронил ящик, а потом разбивай бутылки и бережно сливай коньяк в бидоны или канистры... Со стальным контейнером такой номер не пройдет, зато нынешние

воззрилась на его пиджак, сохранивший отчетливые следы визита на чердак транспортной фирмы.

— Пожалуйста, две бутылки красного, — попросил он.

Она живо нажала под прилавком кнопку, соединенную с красной сигнальной лампочкой, и строго потребовала, чтобы он предъявил документ.

Мартин Бек достал удостоверение личности, и продавщица порозовела, как будто оказалась жертвой на редкость глупой и непристойной шутки.

Выйдя из лавки, он взял курс на Тюлегатан.

Окончание следует

Перевел со шведского Л. ЖДАНОВ

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

Роман

Мартин Бек дернул звонок, потом толкнул дверь. Заперто. Но в прихожей горел свет, поэтому он позвонил еще раз.

Рея отворила. Сегодня на ней были коричневые трикотажные брюки и какой-то длинный, ниже колен, лиловый кафтан.

— А, это ты... — протянула она.

— Я. Можно войти?

— Входи, — сказала она, помешкав, и сразу повернулась спиной. Сделала шаг-другой, потом остановилась. Постояла, наклонив голову, подумала, все-таки заперла дверь и повела гостя на кухню.

— Я взял две бутылки вина.

— Поставь в буфет. — Садясь, Рея недовольно покосилась на Мартина. — Зачем такое дорогое? Он сел напротив нее.

— Опять Свярд? — спросила она.

— Нет. Хотя годится как предлог.

— Тебе необходим предлог?

— Ага. Для храбрости.

— А а... Ладно, тогда давай заварим чай.

Она отодвинула в сторону книги и загремела посудой.

— Вообще-то я думала сегодня вечером позаниматься. Ладно, обойдется. Очень уж муторно одной сидеть. Ты ужинал?

— Нет.

— Вот и хорошо. Сейчас что-нибудь соображу.

— Между прочим, ты угадала насчет Сварда, — сказал Мартин Бек. — У него были деньги в банке. И немалые.

— М-м-м, — отозвалась она.

— Кто то платил ему семьсот пятьдесят крон в месяц. Как потвоему, кто бы это мог быть?

— Не знаю. Он же ни с кем не знался.

— А почему он все-таки переехал?

Она пожала плечами.

— Я вижу только одно объяснение: ему здесь не нравилось. Он ведь со странностями был. Несколько раз жаловался, почему я так поздно запираю подъезд.

Будто весь дом только для него.

— Все верно.

Она помолчала, потом спросила:

— Что «верно»? Ты узнал что-нибудь интересное?

— Не знаю, назовешь ли ты это интересным, — его явно кто-то застрелил.

— Странно. Рассказывай.

Она опять загремела кастрюлями, но слушала внимательно.

Когда Мартин Бек закончил свой рассказ, она расхохоталась.

— Великолепно! Ты не читаешь детективов?

— Нет.

— Я их пачками глотаю, без разбора, и тут же почти все забываю. Но ведь это классический случай. Запертая комната — на эту тему тысячи страниц написаны. Недавно я прочла... Погоди-ка. Расставь пока тарелки. Там, на полке, соус соевый. Накрой так, чтобы приятно было за стол сесть.

Он приложил все свое старание. Рея вернулась через несколько минут с каким-то журнальчиком, раскрыла его, потом разложила по тарелкам рис.

— Ешь, — распорядилась она. — Пока горячий.

— Вкусно, — сказал он.

— М-м-м... Да, рис удался.

Она живо управилась со своей порцией и взялась за журнальчик.

— Вот, слушай. Запертая комната. Расследование. Три основные версии — А, Б и В. Версия А: преступление совершено в комнате, которая надежно заперта изнутри, и убийца исчез — в комнате никого не обнаружено. Б: преступление совершено в комнате, которая только кажется наглухо закрытой, а на самом деле есть способ выбраться из нее. В: убийца остается в комнате и где-то ловко прячется... Но тут еще есть куча вариантов. Например, А-5: убийца не трогает замки и засовы, а снимает дверные петли и входит. А потом привинчивает петли на место. Или вот, А-9: жертва получает смертельную рану в каком-то другом ме-

сте, приходит в свою комнату, запирается и только потом умирает. Да ты почитай сам.

Она подала ему журнальчик. Мартин Бек пробежал его глазами и отложил в сторону.

— Кому посуду мыть? — спросила Рея.

Он встал и собрал тарелки.

Она подобрала ноги и обняла колени руками.

— Ты же детектив. Радоваться должен необычному случаю. Значит, по-твоему, в больницу звонил убийца?

— Не знаю.

— А мне кажется, так вполне могло быть.

Он пожал плечами.

— Может, продегустируем твоё дорогое вино? — спросила она.

Вино и впрямь было приятное. Они помолчали.

— Нравится тебе полицейская служба? — заговорила Рея.

— Как тебе сказать...

— Не хочешь об этом — не будем.

— Кажется, меня задумали сделать начальником канцелярии.

— А тебе не хочется, — подытожила Рея.

Подумала немного и сказала:

— Какую музыку ты любишь?

У меня есть всякие пластинки.

Они перешли в комнату с проигрывателем и разномастными креслами. Включили музыку.

Он зевнул.

— Ты устал, — сказала Рея.

Мартин Бек промолчал.

— И домой идти не хочется.

А ты и не ходи.

Тут же она добавила:

— Знаешь, я все-таки попробую позаниматься еще немного. А ты прилеж. У тебя вид совсем измотанный.

Мартин Бек послушался. Он в самом деле был измотан и почти тотчас уснул. Рея сидела за столом, наклонив над книгами русую голову. Когда он снова открыл глаза, она стояла около кровати:

— Проснись, уже двенадцать. Есть хочу до смерти. Сходишь, запрешь подъезд? А я пока поешть приготовлю. Ключ висит на косяке слева.

XXVII

Мальмстрём и Мурен совершили налет в пятницу, 14 июля. Ровно без четверти три они вошли в банк — в оранжевых комбинезонах, масках «Фантомас» и резиновых перчатках.

Они держали в руках свои крупнокалиберные пистолеты, и Мурен первым делом пустил пулю в потолок. Чтобы присутствующим было понятно, о чем идет речь,

он крикнул на ломаном шведском языке:

— Ограбление!

Хаузер и Хофф были в обычных костюмах, только лицо скрывал черный капюшон с прорезями для глаз. Хаузер был вооружен автоматом, Хофф — куцем дробовиком «марица». Они стояли в дверях, прикрывая пути отхода к машинам.

Тем временем Мальмстрём и Мурен методично опорожняли сейфы.

Все шло по плану с точностью изумительной.

Пятью минутами раньше в южной части города, на автостоянке у Русенлюндсгатан взорвался какой-то старый рыдван. Сразу после взрыва послышалась беспорядочная стрельба и загорелась постройка по соседству со стоянкой. Виновник всей этой суматохи, подрядчик А, вышел проходными дворами на другую улицу, сел в машину и покати́л домой.

Ровно через минуту после взрыва в подворотню полицейского управления въехал задним ходом мебельный фургон, причем въехал наискось и плотно застрял. Из фургона высыпались картонные коробки с ветошью, которая была пропитана горючей смесью и тотчас вспыхнула ярким пламенем.

Словом, все шло как по писаному. Предусмотренные планом акции выполнялись досконально и точно по расписанию.

И, с точки зрения полиции, события в общем и целом развивались так, как было предусмотрено, это относилось и к последовательности акций, и к срокам.

Если не считать одной небольшой заковыки.

Мальмстрём и Мурен провели налет не в Стокгольме.

Они ограбили банк в Мальмё. Пер Монссон, инспектор уголовной полиции Мальмё, пил кофе в своем кабинете. Его окно выходило во двор полицейского управления, и инспектор чуть не подавился слобой, когда в подворотне что-то ухнуло и закублился густой дым. Одновременно Бенни Скакке, подающий надежды молодой сотрудник, который, сколько ни усердствовал, никак не мог продвинуться дальше рядового следователя, распахнул дверь его кабинета и крикнул, что принят сигнал тревоги. На Русенлюндсгатан произведен взрыв, идет жуткая перестрелка, горит по меньшей мере один дом.

Не успело начальство распорядиться, чтобы личный состав выезжал к месту происшествия, как

само полицейское управление подверглось атаке, и, когда разобрались, что к чему, оказалось, что весь тактический резерв заперт во дворе. Так что сотрудники добирались до Русенлюндсгатан на такси или на собственных машинах, не оборудованных приемопередатчиками.

Монссон прибыл туда в семь минут четвертого. Расторопные пожарники уже справились с пожаром; огонь причинил незначительные повреждения пустому гаражу. Сосредоточенные в районе взрыва крупные полицейские силы не обнаружили ничего особо подозрительного и нашли лишь искореженный драндулет. А через восемь минут один из моторизованных патрулей услышал в своем приемнике донесение о том, что подвергся налету банк в деловом центре города.

Мальмстрём и Мурен к этой минуте успели покинуть Мальмё. Кто-то видел, как от банка отъехал синий «фиат». Погони не было, и через несколько минут приятели разделились, сев каждый в свою машину.

Как только полиции наконец удалось навести порядок в собственном доме, избавившись от фургона и горящих коробок, город был закрыт. Лучшие полицейские силы страны были брошены на розыск синего «фиата». Его нашли через три дня в одном из сараев Восточной гавани Мальмё; в машине лежали комбинезоны, маски «Фантомас», резиновые перчатки, пистолеты и разная мелочь.

Хаузер и Хофф честно отработали щедрый гонорар, помещенный на личные счета их жен. Они удерживали позицию у входа в банк почти десять минут после того, как укатили Мальмстрём и Мурен.

Хаузеру вопреки всем, в том числе и его собственным, расчетам удалось благополучно уйти; через Хельсингборг и Хельсингер он без помех покинул страну.

А вот Хофф попался — попался из-за нелепой оплошности. Без пяти четыре он поднялся на борт парома «Мальмёхус», одетый в серый костюм, белую сорочку с галстуком и... черный кулуксклановский капюшон. Проклятая рассеянность...

Полицейские и таможенники пропустили его, полагая, что на пароме происходит не то маскарад, не то мальчишник, но у команды он вызвал подозрение, и по прибытии в Копенгаген Хоффа сдали пожилому датскому полицейскому, который от удивления чуть не выронил бутылку с пивом, когда задержанный сми-

ренно выложил на стол тесной дежурки два заряженных пистолета, плоский штык и нечто вроде ручной гранаты.

Помимо билета до Франкфурта, при Хоффе были деньги, а именно: сорок немецких марок, две датские десятки и три тридцать пять в шведской валюте. В итоге потери банка составили только два миллиона шестьсот тридцать тысяч четыреста девяносто шесть крон и шестьдесят пять эре.

Странные вещи происходили в это время в Стокгольме.

И самое сногшибательное приключение выпало на долю Рённа.

Ему выделили шестерых полицейских и поручили относительно скромную задачу: держать под наблюдением Русенлюндсгата и схватить подрядчика А. И. так как улица довольно длинная, он постарался целесообразно распределить свои немногочисленные силы. Двое на машине составили мобильный отряд, остальные четверо заняли стратегические пункты.

Бульдозер Ульссон велел ему действовать спокойно, главное —

не терять голову, что бы ни произошло.

Без двадцати двух минут три Эйнар Рённ стоял как раз напротив кафе «Бергсгрюван». Ничто не омрачало его настроения, когда к нему подошли два молодца — такие же неопрятные, как большинство прохожих на стокгольмских улицах.

— Дай закурить, — сказал один из них.

— Так ведь нет у меня сигарет, — миролюбиво ответил Рённ.

Миг — и он увидел стилет, нацеленный прямо в живот, а в опасной близости от его головы закачалась велосипедная цепь.

— Ну ты, треска вонючая, — процедил юнец со стилетом. И бросил своему приятелю: — Тебе бумажник. Мне часы и кольцо. Потом пырнем старичка.

Рённ никогда не слыл мастером джиу-джитсу или карате, но кое-какие приемы все-таки помнил.

Он ловко сделал подсечку парню с ножом, который удивленно приземлился на пятую точку. Однако следующий прием Рённу удался хуже. Он уклонился в сторону, но недостаточно быстро, и цепь ударила его повыше правого уха так, что в глазах потемнело. Тем не менее, падая, он ухитрился повалить и второго грабителя.

— Ну, дед, заказывай панихиду, — прошипел юнец со стилетом.

В эту самую минуту к месту происшествия подоспел мобильный отряд, и, когда в голове у Рённа прояснилось, полицейские уже успели избить лежащих хулиганов лубинками и пистолетами и закопать их в наручники.

Парень с велосипедной цепью первым пришел в себя, осмотрелся кругом, вытер кровь со лба и недоуменно спросил:

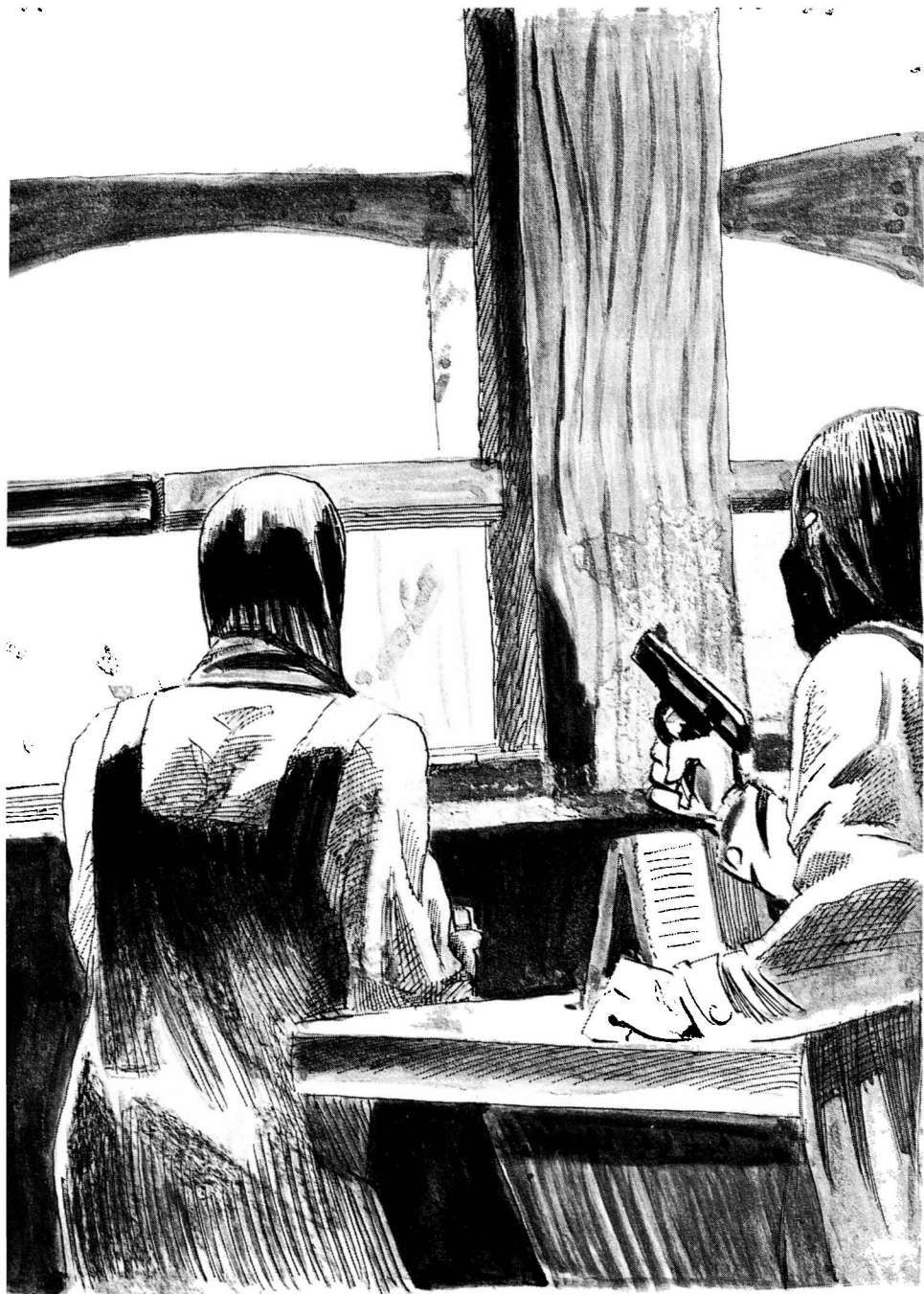
— Что произошло?

— А то, паренек, что ты на засаду нарвался, — объяснил ему один из полицейских.

— Полицейская засада? Против нас? Да вы что? Ради какой-то тухлой трески?

У Рённа снова выросла шишка на голове — правда, это был единственный физический урон, который понесла спецгруппа в этот день; психические изъязны не в счет.

В оснащенный по последнему слову техники сером автобусе оперативного центра Бульдозер Ульссон выделял замысловатые антраша от нетерпения, чем немало затруднял работу не только радисту, но и руководившему этой частью операции Колльбергу.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

Без четверти три напряжение достигло кульминации, потянулись нестерпимо долгие секунды.

В три часа служащие банка заявили, что пора закрывать, и сосредоточенным в зале полицейским силам во главе с Гюнвальдом Ларссоном оставалось лишь покориться.

Тяжкое чувство опустошенности овладело всеми, только Бульдозер Ульссон сказал:

— Господа, это временная неудача. А может быть, никакой неудачи и нет. Просто Рус проведаль, что мы что-то проведали, и решил взять нас измором. Он пошлет Мальмстрёма и Мурена на дело в следующую пятницу, через неделю. Фактически потеря темпа у него, а не у нас.

Первые тревожные сигналы поступили в половине четвертого. Причем настолько тревожные, что спецгруппа тотчас отступила в штаб на Кунгсхольмсгатан, чтобы оттуда следить за ходом событий: телексы безостановочно отстукивали новые сообщения.

Мало-помалу картина прояснялась.

— Кажется, слово «Милан» означало не то, что ты думал, — сухо сказал Колльберг.

— Не то, — согласился Бульдозер. — Мальмё... Это ж надо! Удивительное дело: он уже целый час не метался, а тихо сидел на месте.

— Кто бы мог знать, что и в Мальмё есть такая же улица, — проворчал Гюнвальд Ларссон.

— И что почти все новые отделения банков строят по одному чертежу, — добавил Колльберг.

— Мы должны были знать это, господа! — воскликнул Бульдозер. — Рус знал. Зато теперь мы будем начеку. Совсем забыли про рационализацию. Одинаково строить дешевле. Рус привязал нас к Стокгольму. Но в другой раз он нас не проведет. Главное, не падать духом.

Бульдозер встал; он явно уже воспрянул духом.

— А где сейчас Вернер Рус?

— В Истанбуле, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Отдыхает там, у него несколько свободных дней.

— Вот как, — произнес Колльберг. — Хотел бы я знать, где отдыхают Мальмстрём и Мурен?

— Это не имеет никакого значения. — Бульдозер все больше воодушевлялся. — Легко добыто — легко прожито. Скоро они опять будут здесь. И уж тогда на нашей улице будет праздник.

— Как же, — буркнул Колльберг.

Итак, туман развеялся окончательно. И день был на исходе.

Мальмстрём успел уже обосноваться в гостиничном номере в Женеве, который заказал еще три недели назад.

Мурен находился в Цюрихе, но собирался завтра же двигаться дальше, в Южную Америку.

В сарае, где они пересаживались в другие машины, им удалось перекинуться лишь несколькими словами.

— Ты уж смотри не выбрасывай заработанные тяжким трудом гроши на труссы и недостойных женщин, — наставительно произнес Мурен.

— Жуть сколько отхватили, — отозвался Мальмстрём. — Что будем с ними делать?

— На книжку положим, что же еще, — ответил Мурен.

На следующий день в отеле «Хилтон Истанбул», сидя в баре и потягивая коктейль, Вернер Рус читал «Геральд трибюн».

Впервые сей разборчивый орган печати удостоил его своим вниманием. Короткая заметка, лаконичный заголовок: «Ограбление банка по-шведски».

Сообщались основные факты, такие, как выручка налетчиков. Около полумиллиона долларов.

И второстепенные детали:

«Представитель шведской полиции заявил сегодня, что организаторы налета известны».

Чуть пониже — еще одна телеграмма из Швеции:

«Массовый побег. Пятнадцать самых матерых налетчиков бежали сегодня из тюрьмы Кумла, считавшейся абсолютно надежной».

Бульдозера эта новость застигла в ту самую минуту, когда он впервые за много недель лег спать в супружескую постель. Он тотчас вскочил и забегал по спальне, упоенно твердя:

— Какие возможности! Какие сказочные возможности! Ну, теперь война пойдет не на жизнь, а на смерть!

XXVIII

В пятницу Мартин Бек явился в дом на Тюлегатан в четверть шестого с бутылкой вина в руке и свертком под мышкой. На первом этаже ему встретила Рёя. Одета только в длинный лиловый кафтан, она громыхала по ступенькам красными башмаками на деревянной подошве, держа в руках по пакету с мусором.

— Привет, — поздоровалась она. — Хорошо, что ты пришел. Я тебе кое-что покажу.

— Давай я возьму пакеты, — предложил он.

— Зачем, это мусор. Да у тебя и без того руки заняты. Откроешь мне?

Мартин Бек распахнул дверь во двор, и Рёя направилась к мусорным контейнерам.

...На кухне за чашкой чая сидели двое — девушка по имени Ингела и другая, которой он еще не видел.

— Ну, что ты мне хотела показать? — спросил он.

— Сию минуту, — сказала Рёя. — Идем.

Мартин Бек пошел за ней.

Она показала на одну из дверей, выходящих в прихожую.

— Вот прошу. Запертая комната.

— Детская?

— Точно. Никого нет, и заперто изнутри.

Он пристально поглядел на нее. Какая она сегодня веселая и жизнерадостная...

— Дверь запирается изнутри на крючок. Я сама его привинтила. Чтобы ребята могли посекретничать, когда захочется.

— Но ведь их дома нет.

— Фу, дурачок! Я там убирала, пылесосила, а потом хлопнула дверью. Крючок подпрыгнул и зацепился за скобу. Теперь не откроешь.

Он подергал дверь. Правда, не поддается.

— Ну и как же теперь открыть?

Она пожала плечами:

— Видно, силу применить придется. Действуй. Как говорится, для таких вещей и держат мужчину в доме.

Наверно, у него был на редкость глупый вид, потому что она рассмеялась. Потом быстро погладила его по щеке:

— Ладно, бог с ней. Сама справлюсь. Как бы то ни было, перед тобой запертая комната. Не знаю только, какой вариант.

Рёя взялась за ручку, сбросила правый башмак и уперлась в косяк ступней.

— Нет уж, постой, — вмешался он. — Лучше я.

— Давай, — уступила она и пошла на кухню к своим гостям.

Мартин Бек некоторое время присматривался к двери. Потом поступил так же, как Рёя, — уперся ногой в косяк и взялся за ручку. Она была старая, добротная и производила вполне надежное впечатление.

Сначала он дернул вполсилы, но во второй раз рванул уже как следует. Только на пятый раз его усилия увенчались успехом — винты поддались с жалобным скрипом, и дверь распахнулась.

Не выдержали винты, крепив-